

с е т е в о й н а у ч н ы й ж у р н а л ISSN 2409-1634

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ

R E S E A R C H R E S U L T

Том 3 | № 2
Volume 3

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

ECONOMIC
RESEARCH

Сайт журнала:
reconomic.ru

сетевой научный рецензируемый журнал
online scholarly peer-reviewed journal

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл. № ФС77-55674 от 28 октября 2013 г.
Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл. № ФС 77- 69098 от 14 марта 2017 г.

The journal has been registered at the Federal service for supervision of communications information technology and mass media (Roskomnadzor)
Mass media registration certificate El. № FS 77-55674 of October 28, 2013
Mass media registration certificate El. № FS 77- 69098 of March 14, 2017

Том 3, №2. 2017

СЕТЕВОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 2014 г.

ISSN 2313-8955

Volume 3, № 2. 2017

ONLINE SCHOLARLY PEER-REVIEWED JOURNAL

First published online: 2014

ISSN 2313-8955

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР: *Владыка М.В.*, доктор экономических наук, профессор, директор Института экономики НИУ «БелГУ»

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Ваганова О.В., кандидат экономических наук, доцент, заместитель директора Института экономики по научной и международной деятельности НИУ «БелГУ»

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА ПО СВЯЗЯМ С ЗАРУБЕЖНЫМИ АВТОРАМИ:

Кучерявенко С.А., кандидат экономических наук, доцент, заместитель директора Института экономики по учебной и методической работе НИУ «БелГУ»

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

Назарова А.Н., старший преподаватель кафедры учета, анализа и аудита Института экономики НИУ «БелГУ»

РЕДАКТОР АНГЛИЙСКИХ ТЕКСТОВ:

Ляшенко И.В., кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации Институт межкультурной коммуникации и международных отношений НИУ «БелГУ»

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ:

Камышанченко Е.Н., доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой мировой экономики НИУ «БелГУ».

Московкин В. М., доктор географических наук, профессор кафедры мировой экономики НИУ «БелГУ».

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Веретенникова И.И., доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры финансов, инвестиций и инноваций НИУ "БелГУ" (Россия).

Зимакова Л.А., доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры учета, анализа и аудита НИУ "БелГУ" (Россия).

Колесников А.В., доктор экономических наук, профессор РАН, проректор по научной работе Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Белгородский государственный аграрный университет имени В.Я. Горина» (Россия).

Пенджиев А.М., доктор сельскохозяйственных наук, доцент, доцент кафедры автоматизация производственных процессов Туркменского государственного архитектурно - строительного института (Туркменистан).

Саргсян Г.Л., доктор экономических наук, профессор, декан факультета экономики и менеджмента Ереванского государственного университета (Армения).

Иванов С., доктор экономики, профессор, профессор Международного университетского колледжа (Болгария).

Тен Т.Л., доктор технических наук, профессор, профессор кафедры «Информационно-вычислительных систем» Карагандинского экономического университета (Казахстан).

Тинякова В.И., доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры информационных технологий и математических методов в экономике ФГБОУ ВПО «Воронежский государственный университет» (Россия).

Усатова Л.В., доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры учета, анализа и аудита НИУ "БелГУ" (Россия).

EDITORIAL TEAM:

EDITOR-IN-CHIEF: *Marina V. Vladika*, Doctor of Economics, Professor

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF: *Oksana V. Vaganova*, Ph.D. in Economics, Associate Professor.

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF FOR RELATIONS WITH FOREIGN AUTHORS: *Svetlana A. Kucheryavenko*, Ph.D. in Economics, Associate Professor

EXECUTIVE SECRETARY: *Anastasiya N. Nazarova*, Senior Lecturer

ENGLISH TEXT EDITOR: *Igor V. Lyashenko*, Ph.D. in philology, Associate Professor

EDITORIAL BOARD

Elena N. Kamyshanchenko, Doctor of Pedagogics, Professor.

Vladimir M. Moskovkin, Doctor of Geography, Professor.

CONSULTING EDITORS:

Iraida I. Veretennikova, Doctor of Economics, Professor

Lilia A. Zimakova, Doctor of Economics, Associate Professor

Andrey V. Kolesnikov, Doctor of Economics, Professor

Ahmet M. Pendzhiev, Doctor of Agricultural Sciences, Associate Professor

Gayk Sargsyan, Doctor of Economics, Professor

Stanislav Ivanov, Doctor of Economics, Professor

Tatiana L. Ten, Doctor of Technical Sciences, Professor

Viktoriya T. Tinyakova, Doctor of Economics, Professor

Lyudmila V. Usatova, Doctor of Economics, Professor

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Белгородский государственный национальный

исследовательский университет»

Издатель: НИУ «БелГУ». Адрес издателя: 308015 г. Белгород,

ул. Победы, 85. Журнал выходит 4 раза в год

Founder: Federal state autonomous educational establishment of higher education
«Belgorod State National Research University»

Publisher: Belgorod State National Research University

Address of publisher: 85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia

Publication frequency: 4 /year

МИРОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ

WORLD ECONOMIC INTEGRATION

Акимова О.Е., Ким А.Д. Формирование мотивационной среды развития предпринимательства: опыт России и зарубежных стран	3	Olga E. Akimova, Anastasia D. Kim Formation of the motivation environment of enterprise development: experience of Russia and foreign countries	3
Шкутько О.Н. Либерализация рынка услуг как условие формирования динамических преимуществ стран	12	Oksana N. Shkutsko Liberalization of the market of services as a condition for forming the dynamic advantages of countries	12
Овчаренко Л.А. Выбор модели социально-экономического развития ДНР на основе тенденций развития мировой экономики	21	Liudmila A. Ovcharenko Choice of the model of social and economic development of DPR on the basis of world economy development trends	21

РЕГИОНАЛЬНАЯ И МУНИЦИПАЛЬНАЯ
ЭКОНОМИКА

REGIONAL AND MUNICIPAL ECONOMICS

Аничин В.Л., Дорофеев А.Ф., Желябовский А.Ю. Региональный и организационный аспекты человеческого капитала	30	Vladislav L. Anichin, Andrey F. Dorofeev, Alexander Y. Zhelyabovskiy Regional and organizational aspects of the human capital	30
Лазарева А.В. Процессный подход к формированию учетно-аналитической системы и управлению денежными потоками холдинговой структуры	40	Anna V. Lazareva Process approach to the formation of the accounting-analytical system and management of cash flow of the holding structure	40
Краенкова К.И., Ванкевич Е.В. Методические подходы к оценке деятельности субъектов социального предпринимательства	46	Kristina I. Kraenkova, Elena V. Vankevich Methodological approaches to evaluation of the activities of social enterprise entities	46
Паршутич О.А., Филитович А.В., Сергеюк В.С. Инновационный потенциал как фактор устойчивого развития региона	53	Olga A. Parshutich, Anastasiya V. Filitovich, Valentina S. Sergeyuk Innovative potential as a factor of sustainable development of the region	53

ЭКОНОМИКА СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

ECONOMICS OF AGRICULTURE

Азаров В.Б., Нефедова Е.А. Способы повышения эффективности возделывания кукурузы в Белгородской области	60	Vladimir B. Azarov, Elena A. Nefedova Methods of increasing the efficiency of corn production in Belgorod region	60
Канева М.К. Экономическая целесообразность перехода сельского хозяйства на альтернативные источники электропитания	66	Marina K. Kaneva Economic feasibility of the agriculture transition to alternative sources of electric supply	66
Кулов А.Р., Соловьева Н.Е. Состояние технической обеспеченности сельского хозяйства и тенденции его развития на современном этапе	72	Aslan R. Kulov, Natalya E. Solovjeva The state of technical provision of the agricultural industry and the tendency of its development at the present stage	72

МИРОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ

УДК 332.05

DOI: 10.18413/2409-1634-2017-3-2-3-11

Акимова О.Е.
Ким А. Д.

**ФОРМИРОВАНИЕ МОТИВАЦИОННОЙ СРЕДЫ РАЗВИТИЯ
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА:
ОПЫТ РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН**

ФБГОУ ВО «Волгоградский государственный технический университет», пр. Ленина, 28, Волгоград, 400005, Россия, akimovann25@mail.ru

ФБГОУ ВО «Волгоградский государственный технический университет», пр. Ленина, 28, Волгоград, 400005, Россия

Аннотация

Для формирования полноценной мотивационной среды развития предпринимательской деятельности необходимо трехстороннее взаимодействие бизнеса, общества и государства. Именно в поле пересечения сфер их интересов создается своего рода система сдержек и противовесов разнонаправленных интересов участников этого взаимодействия, образуя двух и многосторонние связи. В статье проводится трехкомпонентный сравнительный анализ мотивационной среды предпринимательства в России, США, Бразилии и Германии, учитывающий отношение к предпринимательской деятельности, предпринимательскую активность и предпринимательские намерения. Выявлены основные сходства и различия в развитии предпринимательства России и зарубежных стран. Сделан вывод, что для нашей страны наиболее применим опыт Бразилии, где государство взяло курс на целенаправленное улучшение имиджа предпринимательства среди населения страны, а также реализует ряд государственных программ по улучшению бизнес-климата и предпринимательской культуры.

Ключевые слова: предпринимательская активность, предпринимательские намерения, предпринимательство, мотивационная среда, предпринимательская деятельность, ресурсно-ориентированные страны.

Olga E. Akimova
Anastasia D.Kim

**FORMATION OF THE MOTIVATION ENVIRONMENT
OF ENTERPRISE DEVELOPMENT:
EXPERIENCE OF RUSSIA AND FOREIGN COUNTRIES**

Volgograd State Technical University, Lenina Ave., 28, Volgograd, 400005, Russia, akimovann25@mail.ru
Volgograd State Technical University, Lenina Ave., 28, Volgograd, 400005, Russia

Abstract

For the formation of a full-fledged motivational environment for the development of entrepreneurial activities, a tripartite interaction of business, society and the state is necessary. It is in the field of intersection of spheres of their interests that a kind of system of checks and balances of multidirectional interests of participants in this interaction is created, forming two and multilateral ties. The article provides a three-part comparative analysis of the motivational environment of entrepreneurship in Russia, the United States, Brazil and Germany, taking into account the attitude towards entrepreneurial activity, entrepreneurial attitude, and entrepreneurial intentions. The main similarities and differences in the development of entrepreneurship of Russia and foreign countries are revealed. It is concluded that for our country the most applicable is the experience of Brazil, where the state has taken a course to purposefully improve the image of entrepreneurship among the population of the country, and has been implementing a number of state programs to improve the business climate and entrepreneurial culture.

Keywords: entrepreneurial activity; entrepreneurial intentions; entrepreneurship; motivational environment; entrepreneurial activity; resource-oriented countries.

Введение

Предпринимательство – это один из основных элементов рыночной экономики. В большинстве стран мира, предпринимательство служит мощным двигателем экономического и

социального развития, выполняя управленческую, организационную, рыночную функции. Посредством предпринимательства реализуются нововведения в торговле, информационных технологиях и других отраслях.

Предпринимательство способствует формированию среднего класса как главного гаранта стабильности и эффективности экономики страны.

Однако предприниматель не существует изолированно, в процессе своей деятельности он взаимодействует с другими субъектами общественных отношений, образуя двух и многосторонние связи.

Мотивационную среду развития предпринимательской деятельности можно определить, как совокупность внутренних и внешних мотиваций, определяющих направленность и величину усилий как действующих, так и потенциальных предпринимателей, прилагаемых для достижения предпринимательских целей [1]. В поле пересечения сфер интересов бизнеса, общества и власти формируется мотивационная среда развития предпринимательской деятельности, создавая своего рода систему сдержек и противовесов разнонаправленных интересов участников этого взаимодействия.

Государство формирует «правовое поле», устанавливая «правила игры», создавая институты, которые должны обеспечивать стабильность, неприкосновенность собственности и возможность ее судебной защиты, равноправность для всех субъектов экономических отношений вне зависимости от «близости» к власти, конкурентно-рыночный режим хозяйствования, сбалансированное налогообложение. Бизнес осуществляет свою деятельность в рамках созданного «правового поля» на свой страх и риск и с учетом своего основного интереса – извлечение прибыли, что в итоге приводит к росту национального богатства и благополучия страны. При этом бизнес принимает на себя социальную ответственность перед обществом и наемными работниками, а общество является для бизнеса основным потребителем, а также источником работников и потенциальных предпринимателей. Через институты гражданского общества осуществляется контроль за соблюдением «правил игры».

Рассмотрим опыт формирования мотивационной среды развития предпринимательства в России и следующих зарубежных странах: США, Европейский союз (на примере Германии), БРИКС (на примере Бразилии). Для проведения анализа в настоящем исследовании будут использоваться данные Глобального мониторинга предпринимательства

за период 2002 – 2014 гг., размещенные на официальном сайте The Global Entrepreneurship Monitor (далее по тексту – GEM) в сети Интернет [2].

В рамках настоящей части исследования используется достаточно широкое определение предпринимательства, которое подчеркивает роль индивидуума в предпринимательском процессе. Предпринимательство – это любая попытка создания нового бизнеса или компании (индивидуальная трудовая деятельность, новая коммерческая организация, расширение уже существующего бизнеса), предпринятая отдельным лицом, группой лиц или ранее существовавшими компаниями. В GEM внимание концентрируется на предпринимательском поведении индивидуумов, которые создают и управляют бизнесом, в отличие от других исследований, фиксирующих главным образом регистрацию новых компаний.

Важной составляющей понимания предпринимательства в проекте GEM является то, что предпринимательство – это процесс, охватывающий все стадии жизненного цикла предпринимательской фирмы: от потенциальных предпринимателей через замысел компании к ранней стадии (нарождающиеся предприниматели); от новых компаний (владельцы вновь созданного бизнеса) – к устоявшемуся бизнесу (устоявшиеся предприниматели). Закрытие бизнеса можно рассматривать также как этап предпринимательского процесса: предприниматели, приобретшие опыт, могут делиться им с другими предпринимателями или начать новый бизнес.

Учитывая, что условия, влияющие на предпринимательство, разнообразны, нельзя сделать вывод о том, что одна фаза неизбежно сменит другую. Например, если в той или иной стране зафиксировано большое количество потенциальных предпринимателей, то это не означает, что ими обязательно будут созданы новые фирмы.

Трехкомпонентный анализ предпринимательства в России, США, Бразилии и Германии

Проведем трехкомпонентный анализ мотивационной среды предпринимательства в России и указанных выше зарубежных странах, учитывающий отношение к предпринимательству, предпринимательская активность, предпринимательские устремления.

Количество нарождающихся предпринимателей (те, кто в течение предыдущего года предпринимал активные действия по созданию бизнеса) и владельцев вновь созданного бизнеса (те, кто управляет вновь созданным предприятием и получает доход более 3 месяцев, но менее 3,5 лет) будет выше в ресурсно-ориентированных экономиках, поскольку бизнес здесь является необходимостью из-за отсутствия альтернативных вариантов занятости.

Для ресурсно-ориентированных стран акцент сделан на базовые условия, такие как развитие институтов, инфраструктура, макроэкономическая стабильность, здравоохранение и образование. В этих странах поддерживается «предпринимательство по необходимости» и слабо обеспечиваются возможности для развития добровольного

предпринимательства, основанного на использовании возможностей. В процессе экономического развития и увеличения экономии за счет масштаба производства становятся важными другие условия, которые обеспечивают надежное функционирование рынка и экономическую эффективность. К ним относятся высшее образование и профподготовка, эффективность товарного рынка, рынка труда, развитость финансового рынка, технологический уровень. Для инновационных экономик рамочные условия предпринимательства становятся более важными стимулами экономического развития, чем базовые условия. Эти факторы способствуют созданию новых компаний и воздействуют на предпринимательский климат, влияя, тем самым, на экономический рост и уровень занятости в экономике.

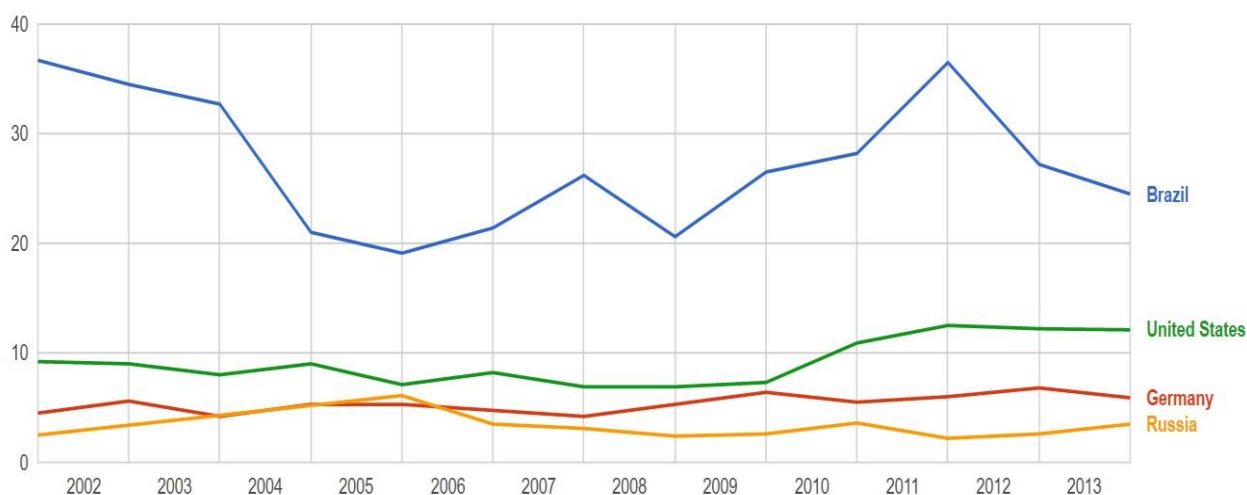

Рис. 1. Количество трудоспособного населения, имеющее намерение открыть свой бизнес в течение ближайших трех лет (Entrepreneurial Intention), % [2]

Fig. 1. The number of able-bodied population with the intention to open their business within the next three years (Entrepreneurial Intention), % [2]

Рассмотрим, какой процент трудоспособного населения (18 – 64 года) имеет намерение начать свой бизнес в течение ближайших трех лет в США, Германии, Бразилии и России (рис. 1).

Как видно из рисунка 1, в США в последние годы наблюдается планомерный рост желающих в ближайшем будущем заняться предпринимательской деятельностью, в 2014 г. – это 12,1 %. В то время как в России (3,5%) и Германии (5,9%) наблюдаются стабильно низкий уровень имеющих намерение начать предпринимательскую деятельность. В Бразилии при достаточно высоком уровне желающих заняться предпринимательской деятельностью (намного выше, чем во всех сравниваемых странах), за период с 2002 по 2014 гг. ситуация менялась в достаточно больших интервалах: от

19,1% до 36,7%. Однако, с 2012 г. наблюдается некоторое падение интереса к занятию предпринимательской деятельностью в Бразилии, в 2014 г. – 24,5%.

Постоянно высокий уровень участия в предпринимательской деятельности при поддержке благоприятных условий окружающей среды отмечается в США. На протяжении последних четырех лет сохраняется стабильно высокий уровень ранней предпринимательской активности (Total Entrepreneurial Activity Index – TEA Index). Последние четыре года около 13% взрослого населения США начали предпринимательскую деятельность или открыли новые предприятия. Рассмотрим TEA Index в сравниваемых странах (рис. 2).

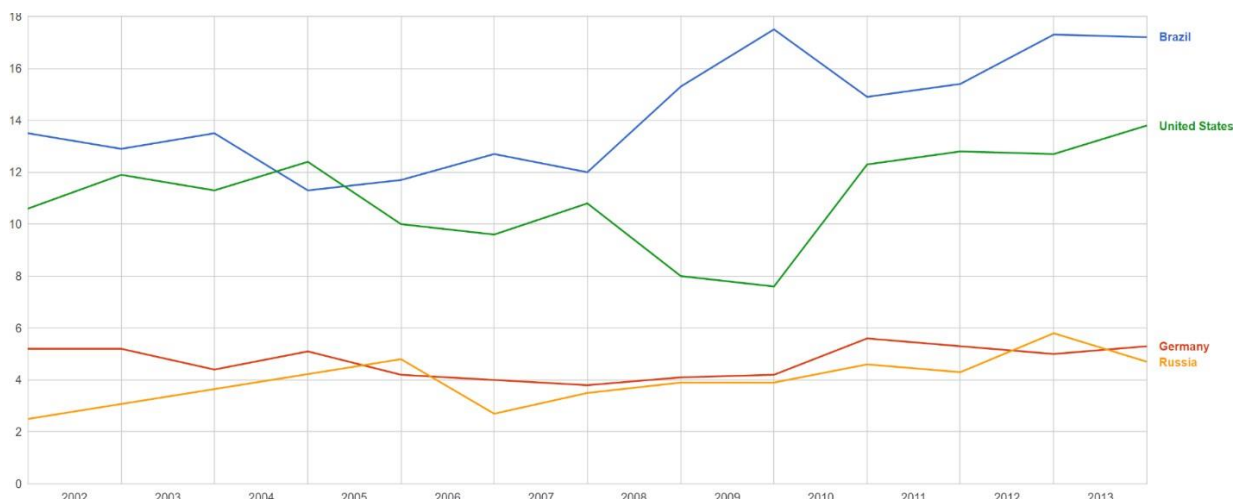

Рис. 2. Индекс ранней предпринимательской активности (Total Entrepreneurial Activity Index), % [2]
Fig. 2. The index of early entrepreneurial activity (Total Entrepreneurial Activity Index), % [2]

Как видно из рисунка 2 сразу после рецессии 2008 г., темпы роста индекса ТЕА в 2009 – 2010 гг. заметно снизились. Однако уже в 2011 г. темпы роста восстановились, и в течение последних четырех лет поддерживается удивительно стабильный курс. В 2014 г. США имели второй самый высокий индекс ТЕА среди 26 развитых стран.

Высокие темпы развития предпринимательства в США сопровождаются высоким уровнем инноваций и роста. В 2014 г. 36,7% американских предпринимателей заявили, что их продукты или услуги были инновационными. Кроме того, 44,8% планируют в течение следующих пяти лет увеличить численность персонала на 6 или более работников. Большинство американских предпринимателей ориентированы на развитый внутренний рынок, и только 14,5% предпринимателей заявили о наличии международных клиентов (контрактов).

В американском обществе продолжает расти количество трудоспособного населения, которое видит хорошие возможности для создания компании в местности, где они живут. В 2014 г. 50,9% опрошенных считают, что в США хорошие возможности для развития предпринимательства, это самый большой показатель за период наблюдений GEM с 1999 г. При этом 53,3 % американцев полагают, что обладают достаточными знаниями и навыками для организации собственного бизнеса, однако это несколько ниже 56 %, которые стабильно держались последние 7 лет наблюдений.

Германия и Россия, как видно из рисунка 2, имеют относительно низкий уровень предпринимательской активности (ТЕА за период

2002-2014 гг. не превышал 6%), даже по сравнению с другими промышленно развитыми странами. Как полагают исследователи из проекта GEM, в Германии виной этому является не отсутствие государственной поддержки, а скорее отсутствие предпринимательского духа среди большинства населения страны.

Достаточно часто в Германии появляются наукоемкие стартапы. При этом отношение немецкого общества к предпринимательству в целом сопоставимо с уровнем развития их экономики. Однако только 6% немцев заявили о своем намерении заняться предпринимательской деятельностью в ближайшие три года, что иллюстрирует сложившуюся в Германии тенденцию к неприятию риска, которая сохраняется в течение длительного времени, хотя в последние годы наблюдается небольшие улучшения.

В то время как Бразилия в 2014 г. заняла 10 место среди стран с наиболее эффективно управляемой экономикой по индексу ранней предпринимательской активности (ТЕА – 17,2%). Этот индекс выше, чем в таких странах с инновационно-ориентированной экономикой как Германия (5,3%) и США (13,8%); он также превосходит Китай (15,5%) и Индию (6,6%). Из сопоставимых стран только Мексика (19%) может похвастаться более высоким ТЕА, чем у Бразилии [2].

Высокий уровень индекса ТЕА в Бразилии можно частично объяснить культурным контекстом: как и в Соединенных Штатах Америки, бразильская культура благоприятна для занятия предпринимательской деятельностью, что, например, не скажешь об Индии.

В целом, предпринимательство в Бразилии включает в себя «основные» предприятия, то есть те, что создаются с целью получения дохода для предпринимателя, заменяя или дополняя его зарплату. Однако такие предприятия не являются инновационными (не занимаются разработкой новых продуктов и услуг) и не создают большого количества рабочих мест. С другой стороны, не следует забывать, что в них занято около 45 миллионов бразильцев, участвующих в предпринимательской деятельности. И они оказывают положительное влияние на социально-экономическую ситуацию в стране.

В Бразилии, чуть более половины (55,5%) трудоспособного населения видит хорошие возможности для организации своего дела в местности, где они живут. Только Соединенные Штаты (50,9%) имеют сопоставимые уровень этого показателя, что в целом говорит о более позитивных представлениях бразильцев относительно имеющихся возможностей для создания бизнеса.

Ровно половина населения Бразилии (50%) утверждают, что имеют необходимые навыки и опыт, чтобы стать предпринимателем. Доля бразильцев с положительным восприятием их способности и навыков к организации бизнеса является вторым по величине среди сравниваемых стран и близки к США (53,3%). Кроме того, в Бразилии, 38% населения лично знакомы предпринимателями, этот показатель ниже, чем в Китае (56%) и Мексике (47,7%), но выше, чем в России, Германии и США [2].

Около 30% американцев испытывают боязнь быть неуспешными в бизнесе, что является сдерживающим фактором при организации собственного дела. Несмотря на то, что этот показатель достаточно низкий для стран с развитой экономикой и является одним из самых низких показателей среди сравниваемых стран, но по-прежнему выше, чем докризисный уровень.

Германия (39%) и Россия (36,4%) имеют более высокие показатели страха неудачи среди потенциальных предпринимателей. При этом до 60,9% бразильцев не испытывают страх неудачи при организации нового бизнеса, в то время как Мексика (69,7%) Китай (67,8%), США (67,2%) и Индия (65,3%) демонстрируют более высокие показатели [2].

Несмотря на то, что доля вновь создаваемых предприятий (0 – 3 месяца) в Бразилии снижается с 5,7% в 2002 г., до 3,7% в 2014 г., доля уже существующих компаний (3 – 42 месяцев) увеличилась с 8,5% в 2010 г. до 13,8% в 2014 г.

Кроме того, в Бразилии, в связи с расширением внутреннего рынка и экономическим ростом, с середины 2000 г. увеличивается доля начинающих предпринимателей, оценивающих создание собственного дела как возможность для самореализации, а не необходимость: 42,4% в 2002 г. до 71,0% в 2013 г. и 2014 г. Для сравнения других странах в 2014 г. доля добровольных предпринимателей составляла: Россия – 60%, Индия – 60%; Мексика – 76,3%; Китай – 65,7%; США – 81,5%; Германия – 75,7%.

Предпринимательство в США рассматривается положительно, поэтому американцам относительно легко начинать свой бизнес. Существует огромное разнообразие предпринимателей по всей стране. Кроме того, есть регионы с высокоинновационным предпринимательством, такие как Силиконовая долина и Бостон 128. Особенно процветает предпринимательство в США в регионах с развитой инфраструктурой и кластером производственной деятельности, где есть университеты, население, которое включает в себя молодежь, а также высокое качество жизни (школы, климат, отдых, искусство).

Количество американцев, позитивно оценивающих возможность организовать собственное дело в том месте, где они проживают, меняется год от года и зависит от экономических циклов. Однако за последние три года индекс ТЕА показывает достаточно стабильный рост, в то время как в период с 2002 по 2010 гг. был подвержен достаточно сильным колебаниям.

Основной задачей для американских предпринимателей является повышение конкурентоспособности на мировом рынке, а также развитие инноваций в глобальной экономике.

В Германии одна из самых больших инфраструктур для осуществления предпринимательской деятельности. Кроме того, правительство Германии проводит политику поддержки предпринимательства. Наибольшее ограничение – это избыток хороших рабочих мест (что снижает уровень предпринимательства). Отсутствие культурных, социальных ценностей и норм в обществе одобряющих предпринимательство, а также плохой предпринимательский климат в системе образования, снижают привлекательность предпринимательства в немецком обществе.

В Бразилии, по мнению экспертов, опрошенных в рамках GEM Национального экспертного обследования (NES), отношение населения к предпринимательству улучшилось, что сказалось на все большем распространении предпринимательской деятельности в стране. Инициативы правительства по поддержке предпринимательства оказали положительное влияние на предпринимательскую деятельность и освещение в СМИ [2].

Государственная поддержка сыграла важную роль в процессе формирования мотивационной среды развития предпринимательской деятельности и внесла свой вклад в распространение культуры предпринимательства, улучшение имиджа предпринимателей среди населения. В целом, в Бразилии положительно оценивают предпринимательство, это демонстрирует, что бразильцы, как правило, стали воспринимать стартапы и предпринимателей как часть совей повседневной жизни.

При этом эксперты достаточно негативно оценивают проводимую государственную политику в сфере предпринимательства, лишь 24,8% экспертов рассматривают ее как стимулятора для развития бизнеса и 62,9 % как его ограничение. Правительственные программы поддержки бизнеса оценивают, как фактор, способствующий развитию предпринимательства только 23,8% экспертов. Однако отмечают такие позитивные инициативы правительства как общий закон о микро- и малых предприятиях, об индивидуальных предпринимателях, программу поддержки бразильских стартапов и упрощение системы налогообложения («Simples Nacional»). Эти инициативы существенно снизили сложность оформления документов и уровень налогового бремени для зарегистрированных предприятий.

Кроме того, улучшилась подготовка государственных служащих, участвующих в работе с предпринимателями, некоторые процессы были компьютеризированы. Однако сохраняется достаточно высокий уровень бюрократии, неэффективности и коррупции, что в некоторой степени поощряет неформальное ведение бизнеса и ограничивает рост компаний.

Программы и политика поддержки предпринимательства в США, как правило, происходят на государственном уровне. В целом, США в большей степени ориентированы на сокращение административных барьеров, при этом отдельные штаты могут финансировать или предоставлять инкубаторы и программы помощи

(обучение, консультирование) для начинающих предпринимателей. Программы поддержки в основном ориентированы на конкретные группы, такие как женщины, молодежь или население с низким уровнем доходов.

В Германии государственный банк KfW предлагает несколько стимулирующих программ, в первую очередь направленных на планирующих самозанятость немцев. Эти программы, финансируемые Европейской программой восстановления (ERP), также доступны для людей, которые недавно зарегистрированы в качестве самозанятых и малых предприятий.

Еще одной примечательной инициативой является программа EXIST Федерального министерства по делам экономики Германии, которая направлена на улучшение предпринимательской среды в университетах и других научно-исследовательских институтах, в частности, она ориентирована на поддержку высокотехнологичных и наукоемких стартапов. Эта программа в основном реализуется в немецких университетах [6].

Однако, количество молодых людей (младше 25), занимающейся предпринимательской деятельностью, в Германии постоянно уменьшается, что можно проследить по изменению индекса ранней предпринимательской активности (ТЕА) за период с 2002 по 2014 год.

Самой сложной задачей для Германии является сохранение интересов предпринимательства в политической повестке дня в то время как экономика еще хорошо развивается, а демографическая ситуация уже начала меняться.

Бразильским федеральным правительством создана программа ProUni и Фонд финансирования студентов (FIES) в целях облегчения доступа студентов с низким уровнем дохода к высшему образованию. Программа предоставляет частичные и полные стипендии для обучения в частных университетах и колледжах по всей стране. Студенты могут получить частичное (50%) или полное (100%) финансирование обучения. Кроме того, Фонд финансирования студентов (FIES) предоставляет займы для оплаты обучение под низкие проценты. С 2011 г. в Бразилии действует программа Pronatec (Национальная программа по обеспечению доступа к техническому образованию и занятости).

Однако эксперты оценивают возможности образования и обучения в Бразилии достаточно негативно (в качестве ограничения (61%) и

стимулятора (23,8%)), указывая на то, что необходимы инвестиции в улучшение качества образования.

В Бразилии реализуются и другие известные инициативы, например, программы, предлагаемые на портале SEBRAE (Служба поддержки для бразильских микро- и малых предприятий – частная некоммерческая организация), которые специализируются на стимулировании предпринимательства и устойчивого развития малого бизнеса. SEBRAE предлагает программы по обучению предпринимателей и бизнесменов; артикулирует нужды бизнес сообщества государству для создания более благоприятной правовой среды; оказывает консалтинговые услуги.

При этом эксперты отмечают, что для развития предпринимательства необходима также и финансовая поддержка со стороны государства.

В Бразилии существует потребность для инвестиций в качественное образование. Кроме того, следует разработать механизмы коммерциализации инноваций, которые способствуют передаче технологий из научно-исследовательских центров на рынок. Назрела необходимость совершенствования законодательства по охране интеллектуальной собственности, для обеспечения систематической и справедливой реализации технологий и научных исследований.

Заработали многие программы, разработанные бразильским правительством, и это оказывает положительное влияние на мотивационную среду развития предпринимательской деятельности. Тем не менее, эти программы пока еще не в полной мере могут удовлетворить потребности предпринимателей; по мнению экспертов, они недостаточно открыты, представлены только в некоторых регионах страны, что ограничивает их возможности. Кроме того, недостаток финансирования не позволяет полностью удовлетворить потребности бизнеса, ограничивая потенциал для создания и развития новых предприятий. Развитие венчурного капитала и альтернативных форм финансирования потенциально может стать решением этой проблемы. Однако, в стране должны быть доступны кредиты даже для самых простых проектов, т.е. для большинства предприятий в стране, а не только для тех, кто специализируется на высоких технологиях и инновациях.

Результаты и выводы

Таким образом, рассмотрев опыт формирования мотивационной среды развития предпринимательства в таких зарубежных странах,

как США, Германия и Бразилия, можно сделать вывод, что для нашей страны наиболее применим опыт Бразилии, где государство взяло курс на целенаправленное улучшение имиджа предпринимательства среди населения страны, а также реализовывает ряд государственных программ по улучшению бизнес-климата и предпринимательской культуры. При этом необходимо помнить, что в российском обществе отношение к предпринимательству ближе к ситуации, которая сложилась в немецком обществе, где население не выражает большой заинтересованности в занятии бизнесом, хотя причины для такого отношения различны в этих странах.

В 2014 г. лишь 4,7 % россиян трудоспособного возраста являлись начинающими предпринимателями. Для сравнения, в странах БРИКС фиксируется более высокое значение показателя (Бразилия – 17,2 %, Китай – 15,5 %, Индия – 6,6 %, ЮАР – 7,0 %). В США доля граждан, начинающих собственных бизнес, составляет 13,8 % [2].

Страх неудачи мешает начать предпринимательскую деятельность 42% россиян. Еще одним барьером для российского бизнеса является низкая доступность финансовых ресурсов для новых и растущих компаний, так как доступ к финансированию затруднен из-за высоких процентных ставок по кредитам. Кроме того, большинству создаваемых компаний не удастся преодолеть начальные этапы развития, поэтому предпринимательская деятельность прекращается до достижения стадии устойчивого бизнеса.

Непопулярность предпринимательства в России может быть частично объяснена негативным восприятием предпринимательских возможностей тех, кто в настоящее время не является предпринимателем. Только 18% не предпринимателей считают внешние условия, благоприятными для начала предпринимательской деятельности; для действующих предпринимателей, эта цифра в два раза выше. Возможно, это связано с тем, что мотивация действующих предпринимателей обусловлена эффективностью предпринимательской деятельности и связана с возможностью и условиями самореализации и самоуважения, получения общественного признания и оценки, адекватной деятельности, обеспечения прав на охрану собственности и имущества, достойную жизнь, внедрения инноваций, направленных на общественное служение, позитивным имиджем предпринимателя, социальной ответственностью

как перед обществом, так и перед наемными работниками, социальными привязанностями, властью и т.д. [1].

Однако, доля предпринимателей, которые не планируют создавать новые рабочие места, значительно увеличилась. Таким образом, в настоящее время предприниматели менее оптимистично расценивают возможность создания более 20 рабочих мест, чем это было 5 лет назад.

Для большинства российских предпринимателей, решение начать свой бизнес является добровольным шагом, хотя они мотивированы в первую очередь желанием сохранить уровень дохода, а не заработать больше или увеличить свою независимость. Соотношение количества «вынужденных» и «добровольных» предпринимателей относительно стабильно. Тем не менее, в период 2012 – 2014 гг. доля добровольной мотивации снизилась, до чуть более 60%.

Многие становятся предпринимателями под воздействием внешних обстоятельств (в силу необходимости или смешанных мотивов). Негативное восприятие возможностей для начала бизнеса, так широко распространенное среди не предпринимателей, может привести к снижению количества новых предпринимателей. Поэтому для России крайне важно изменить такое восприятие и отношения общества в целом к предпринимательской деятельности.

Кроме того, отсутствуют прозрачные правила и логика взаимодействия между бизнесом и государством, поэтому эксперты традиционно рассматривают государственную политику как один из факторов негативного влияния на развитие российского предпринимательства. Однако, в последние годы федеральное правительство и, в значительной степени, региональные власти идеологически поддерживают развитие частного бизнеса.

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: authors have no conflict of interests to declare.

Список литературы

1. Акимова, О. Е. Вектор мотивации предпринимательской деятельности в современной России: монография / О.Е. Акимова. – Волгоград: ВолгГТУ, 2013. 80 с.
2. Глобальный мониторинг предпринимательства. Национальный отчет. Россия 2013. URL: <http://www.gemconsortium.org/country-profile/104> (дата обращения: 23.10.2016).

3. Дадаханова, Р. Р. Мотивация предпринимательской деятельности // Молодой ученый. 2013. №5. С. 361-362.

4. Доклад Всемирного банка «Ведение бизнеса 2017: равные возможности для всех». URL: <http://russian.doingbusiness.org/> (дата обращения: 04.11.2016).

5. Кетько, Н. В., Манаенкова, А. А. Политика мотивации предпринимательства: цели, задачи, экономическая целесообразность разработки и применения // Российское предпринимательство. 2013. № 23 (245). С. 88-94.

6. Коновалова, О. С., Акимова, О. Е. Господдержка предпринимательства как основа формирования мотивационной среды развития предпринимательской деятельности в России // Известия Волгоградского государственного технического университета. 2016. № 7 (186). С. 18-23.

7. Ларичева, Е. А., Складар, Е. Н. Сравнительный анализ развития малого и среднего предпринимательства в России и за рубежом. URL: http://www.science-bsea.bgita.ru/2014/ekonom_2014_22/laricheva_sravnit.htm (дата обращения: 22.10.2016).

8. Саркисян, Л. А., Нефедов, М. Д. Возможности для развития малого и среднего бизнеса в России по примеру ряда зарубежных стран // Актуальные направления научных исследований: от теории к практике. 2015. № 4 (6). С. 286-287.

9. Финк, Т. А. Малый и средний бизнес: зарубежный опыт развития // Молодой ученый. 2012. №4. С. 177-181.

10. Хрупин, И. М. Стимулирование развития предпринимательства на основе мотивационной структуры предпринимательской деятельности // Российское предпринимательство. 2012. № 14 (212). С. 23-30.

References

1. Akimova, O. E. The motivation vector of entrepreneurial activity in modern Russia: monograph / O.E. Akimova. – Volgograd: VolgGTU, 2013. 80 p. Russian.
2. Global enterprise monitoring. National report. Russia 2013. URL: <http://www.gemconsortium.org/country-profile/104> (date of access: October 23, 2016). Russian.
3. Dadakhanova, R. R. Motivation of Entrepreneurial Activity // Young Scientist. 2013. № 5. Pp. 361-362. Russian.
4. World Bank report «Doing Business 2017: equal opportunities for all». URL: <http://russian.doingbusiness.org/> (date of access: November 4, 2016). Russian.
5. Ket'ko, N. V., Manaenkova, A. A. Policy motivation of entrepreneurship: goals, objectives, economic feasibility of development and application // The Journal of Russian Entrepreneurship. 2013. No. 23 (245). Pp. 88-94. Russian.

6. Konovalova, O. S., Akimova, O. E. State support of entrepreneurship as the basis for the formation of a motivational environment for the development of entrepreneurial activities in Russia // *Izvestia of Volgograd State Technical University*. 2016. No. 7 (186). Pp. 18-23. Russian.

7. Laricheva, E. A., Sklyar, E. N. Comparative analysis of the development of small and medium-sized enterprises in Russia and abroad. URL: http://www.science-bsea.bgita.ru/2014/ekonom_2014_22/laricheva_sravnit.htm (date of access: October 22, 2016). Russian.

8. Sarkisyan, L. A., Nefedov, M. D. Opportunities for the development of small and medium-sized businesses in Russia following the example of a number of foreign countries // *Actual directions of scientific research: from theory to practice*. 2015. № 4 (6). Pp. 286-287. Russian.

9. Fink, T. A. Small and medium business: foreign experience of development // *The Young scientist*. 2012. № 4. Pp. 177-181. Russian.

10. Hrupin, I. M. Stimulating the development of entrepreneurship on the basis of motivational structure of entrepreneurial activity // *The Journal of Russian Entrepreneurship*. 2012. No. 14 (212). Pp. 23-30. Russian.

Акимова Ольга Евгеньевна, доцент, кандидат экономических наук, доцент

Ким Анастасия Дмитриевна, магистрант

Olga E. Akimova, PhD in Economics, Assistant Professor

Anastasia D. Kim, Graduate Student

УДК: 339.923: 061.1

DOI: 10.18413/2409-1634-2017-3-2-12-20

Шкутько О.Н.

**ЛИБЕРАЛИЗАЦИЯ РЫНКА УСЛУГ КАК УСЛОВИЕ
ФОРМИРОВАНИЯ ДИНАМИЧЕСКИХ ПРЕИМУЩЕСТВ СТРАН**

Белорусский государственный экономический университет, пр. Партизанский 26, г. Минск, 222070 Республика Беларусь, *Oksana_shkutko@inbox.ru*

Аннотация

Актуальность темы определяется необходимостью формирования динамических преимуществ стран, основой которых выступает либерализация рынка услуг.

Предмет исследования – либерализация рынка услуг через расширение доступа на мировой рынок посредством использования потенциала развития, многосторонних переговоров, региональных и мегарегиональных торговых соглашений.

Цель исследования – развить теоретические основы либерализации рынка услуг, выявить особенности и возможности получения динамических преимуществ странами-экспортерами услуг, с учетом режима регулирования рынка услуг; обосновать возможность формирования динамических преимуществ стран.

Методологическая основа исследования – системный подход, методы анализа и синтеза, субъектно-объектного, количественного и качественного, исторического и логического анализа.

Результаты исследования – на основе выявления тенденций развития мирового рынка услуг, определены возможности либерализации рынка и предложены перспективные направления либерализации услуг с целью формирования динамических преимуществ стран.

Область применения результатов: разработка стратегических направлений либерализации рынка услуг с целью вхождения в глобальные цепочки стоимости и расширением доступа на мировой рынок услуг через участие в региональных и мегарегиональных соглашениях.

Ключевые слова: торговля услугами, инфраструктурные услуги, сервисификация производства, динамические преимущества, глобальные цепочки стоимости, многостороннее соглашение, региональное торговое соглашение, мегарегиональное соглашение.

Aksana N. Shkutsko

**LIBERALIZATION OF THE MARKET OF SERVICES AS A CONDITION
FOR FORMING THE DYNAMIC ADVANTAGES OF COUNTRIES**

Belarus State Economic University, 26 Partizanski Ave., Minsk, 220070, Republic of Belarus, *Oksana_shkutko@inbox.ru*

Abstract

The relevance of the topic is determined by the need to form the dynamic advantages of countries, the basis of which is the liberalization of the services market.

The subject of the study is the liberalization of the services market through expanding access to the world market with the use of development potential, multilateral negotiations, regional and mega-regional trade agreements.

The aim of the research is to develop the theoretical foundations for the liberalization of the services market, to identify the features and opportunities for obtaining dynamic advantages by services exporting countries, taking into account the regulatory regime of the services market; to substantiate the possibility of forming the dynamic advantages of countries.

The methodological basis of the research is a systematic approach, methods of analysis and synthesis, subject-object, quantitative and qualitative, a historical and logical analysis.

The results of the research are based on the identification of trends in the development of the world market of services, the opportunities for market liberalization are defined and prospective directions for the liberalization of services are proposed with the aim of forming the dynamic advantages of countries.

Scope of the results: development of strategic directions for the liberalization of the services market in order to enter global value chains and expand access to the global services market through participation in regional and mega-regional agreements.

Keywords: trade in services, infrastructure services, manufacture including services, dynamic advantages, global chains of cost, multilateral agreement, regional trade agreement, megaregional agreement.

Введение

Актуальность темы определяется необходимостью формирования динамических преимуществ стран, основой которых выступает либерализация рынка услуг. Либерализация торговли предполагает обеспечение лучшего доступа на рынок для иностранных фирм путем снижения торговых барьеров. Для товарного рынка это довольно простая концепция, где либерализация означает снижение импортных тарифов. Для рынка услуг содержание понятия является более сложным по содержанию и по видам барьеров, с которыми приходится сталкиваться. Существующие четыре режима торговли услугами отражают значительно большую потребность, по крайней мере, в определенном взаимодействии между потребителем и производителем услуг.

Выбор режима поставок услуг ее производителями определяется технической осуществимостью и наличием различных торговых барьеров для каждого из режимов. Доминирующим режимом оказания услуг для всех видов услуг, кроме транспортных и туристических является коммерческое присутствие; оказание услуг через границу (трансграничная торговля) является вторым по значимости режимом. Торговля услугами в режиме присутствия физических лиц обычно не значительна во всех секторах, а режим потребления услуг за рубежом значителен только в сфере туризма.

Таким образом, либерализация рынка услуг предусматривает снижение барьеров законодательного регулирования по доступу на рынок и упразднение дискриминационных правил в отношении иностранных лиц по всем четырем режимам обеспечения торговли услугами. Процесс либерализации рынка услуг не является процессом дерегулирования сферы услуг. Деревулирование сферы услуг направлено на сокращение общего вмешательства государства в какой-либо сектор слуг, тогда как либерализация рынка услуг обеспечивает недискриминацию существующим регулированием в стране иностранного участия на рынке услуг. Либерализация рынка услуг совместима с

государственным регулированием сферы услуг с целью защиты потребителей, сбалансированного управления экономикой, контроля за естественными монополиями или решения социальных задач и др. [2].

Материалы и методы исследования

В структуре международной торговли услуги занимают ключевую позицию и их совокупная доля в глобальной экономике постоянно увеличивается. По данным ЮНКТАД, сфера услуг, составляя 60% мирового производства и более 40% занятости населения и около 20% мировой торговли, является одной из наиболее быстрорастущих в мировой экономике. Согласно Докладу ВТО о мировой торговле за 2015 г., глобальный экспорт коммерческих услуг в 2014 г. возрос на 4%, при этом в ВТО были нотифицированы 123 соглашения, которые содержат главы по торговле услугами, что составляет 46% от общего числа заключенных региональных торговых соглашений (РТС). Примечательно, что положения о торговле услугами можно обнаружить не только в РТС между развитыми странами (12%), но и между развивающимися экономиками (41%) и все чаще между развитыми и развивающимися странами (47%) [1; 12].

Сектор услуг не только является основным источником дохода и местом трудоустройства. Эффективность данного сектора имеет ключевое значение для эффективности экономики в целом. Кроме того, все развивающиеся страны демонстрируют значительное расширение общего объема торговли услугами.

Развивающиеся страны показывают определенные сравнительные преимущества в сфере услуг, доказывают способность эффективно экспортировать широкий спектр услуг. Наиболее значительной экспортной услугой является туризм, составляющий большую часть доходов от экспорта в бедных странах. По таким трудоемким секторам услуг, как строительство, развивающиеся страны имеют явное сравнительное преимущество, однако торговля этими услугами ограничена торговыми барьерами, включая нежелание большинства стран распространить на менее квалифицированные профессии разрешения на

временный приток иностранной рабочей силы для оказания таких услуг [2].

Однако, развивающиеся страны также активны в секторах, которые требуют значительных затрат рабочей силы и физического капитала. Экспорт услуг программного обеспечения из Индии весьма наглядно это иллюстрирует. Другими примерами могут служить услуги, относящиеся к сфере информационных технологий, в том числе автоматизация конторских работ и создание центров обработки заказов. Одна из причин вступления развивающихся стран в эти сферы услуг состоит в том, что фирмы по оказанию услуг связи и транспорта способны встроиться в производственную цепочку, что позволяет развивающимся странам занять нишу трудоинтенсивных участков производственной цепочки. Другая причина состоит в том, что некоторые развивающиеся страны пользуются сравнительным преимуществом в секторах услуг по сравнению со своими еще менее развитыми соседними странами. Например, Южная Африка экспортирует полный набор финансовых и бизнес услуг в другие страны южноафриканского региона, что позволяет Южной Африке поддерживать положительный торговый баланс по счету услуг.

Развитие рынка услуг рассматривает необходимость формирования динамических преимуществ стран, основой которых являются элементы либерализации рынка услуг, способности адаптации к быстро меняющейся среде и получение экономической выгоды от изменений (концепция динамических способностей Д. Дж. Тиса, Г. Пизано, Э. Шуена [6; 7]). Отличительной особенностью рынка услуг, в сравнении с рынком товаров, стало объяснение механизма создания конкурентного преимущества как комбинации компетенций и процессов взаимодействия с внешней средой. Необходимо располагать динамическими способностями распознавания новых рыночных возможностей и извлечения из них экономической выгоды посредством расширения участия страны в глобальных цепочках создания стоимости, делая акценты на развитии инфраструктуры и рынка деловых услуг и с помощью построения эффективных преференциальных соглашений. Эти комбинации обеспечиваются специфическими процессами управления, являющимися ключевыми компетенциями, такими как, управление логистикой, качеством и т.д.

Важную роль для формирования динамических преимуществ играют инфраструктурные услуги, такие как транспорт, телекоммуникации, энергетика, финансовые и другие. Анализируя данные ЮНКТАД очевидно, что развивающиеся страны слабы в экспорте как раз таких услуг, поскольку они требуют значительного капитала и квалифицированного персонала. Можно, однако, выделить исключения: Кувейт (телекоммуникации), Южная Корея (транспорт), а также Сингапур, Гонконг и Китай (в области транспортных и финансовых услуг).

Следует отметить, что услуги являются неотъемлемой частью производственной сети и глобальных цепочек создания добавленной стоимости (ГЦС) и, стало быть, одним из важнейших факторов повышения эффективности и конкурентоспособности. Рост мировых цепочек создания добавленной стоимости объясняется уменьшением стоимости сервисных звеньев, так как цепочки создания добавленной стоимости зависят от наличия недорогостоящих и эффективных услуг, таких, как транспорт, логистика, коммуникации, финансы и бизнес, а также профессиональных услуг в целом. Признание стоимости, прямо или косвенно созданной услугами в процессе товарного производства, распределения и сбыта товаров, стало известно как «сервисификация» производства. Это означает, что при формировании промышленной политики необходимо учитывать составные части производства, которые включают как товары, так и услуги. Данные о добавленной стоимости демонстрируют «сервисификацию» производимых товаров в различных странах [8].

Производство товаров и услуг тесно переплетено и неразделимо, а на международные торговые потоки и модели также оказывают влияние инвестиционные решения. Сектор услуг играет ключевую роль в работе этих ГЦС и международных производственных сетей, особенно в области инфраструктурных и деловых услуг. Более того, услуги также могут формировать собственные цепочки создания стоимости.

До недавнего времени международная статистика приписывала полную коммерческую стоимость услуги последней стране в экспортной цепочке, таким образом, преувеличивая коммерческую важность конечного производителя в цепочке создания стоимости. Потребность в изменении статистических подходов в системе торговых отношений привела

к совместной инициативе ВТО и ОЭСР публиковать международную торговую статистику, основанную на добавленной стоимости, с ее разбивкой на каждом этапе производственной цепочки и измерением вклада каждого партнера.

Важность услуг в общей экономической деятельности значительно выше, чем показывает традиционная статистика. Например, в странах-членах ОЭСР 48% экспорта составляют услуги. Этот показатель достигает 40% в Бразилии, а в Мексике и Чили – 30%. Если анализировать долю услуг в валовом экспорте этих стран, подсчитанную с помощью стандартной статистики, она значительно ниже и колеблется между 6% и 14,5% [2].

Для расширения участия развивающихся стран в глобальных цепочках создания стоимости (ГЦС) и процессах «сервисификации» крайне важно развивать рынок деловых услуг (например, юридических, бухгалтерских, консультирования по вопросам управления, услуг по созданию баз данных и компьютерных услуг), которые являются ключевыми элементами многих ГЦС. Возможность развития предложения таких услуг зависит от наличия рабочей силы необходимой квалификации. Поддержка развития этой сферы, в том числе путем подготовки профессиональных кадров, – важная задача для экономик развивающихся стран.

Следует учитывать уже существующие классификации услуг с точки зрения поэтапного роста технологического или управленческого потенциала. Например, классификация, предложенная Хампри и Шмитцом (2004), относится к усовершенствованию продукта, производственного процесса, функциональности и межотраслевых связей. Пятиступенчатую траекторию усовершенствования предложили Фернандес-Старк, Бамбер и Гереффи (2011). Их модель включает следующие этапы: вход в цепочку создания стоимости, усовершенствование в сегменте аутсорсинга бизнес-процессов, предложение широкого спектра услуг, переход от аутсорсинга информационных технологий к аутсорсингу интеллектуальных ресурсов и специализация фирм в вертикальных отраслях. Кроме того, Доссани (2005) рассмотрел этапы усовершенствования в контексте роста офшорных операций, отметив при этом различные роли импортеров и экспортеров на разных этапах [8].

Таким образом, существует ряд возможностей для повышения потенциала и

увеличения добавленной стоимости при наличии усиливающихся связей между глобальной цепочкой добавленной стоимости и торговлей. Этот набор вариантов еще больше расширяется, если рассматривать четыре способа поставки услуг. Торговля услугами может играть более важную роль в уменьшении масштабов нищеты, обеспечивая рост эффективности, увеличение числа рабочих мест, рост доходов, расширение имеющегося у потребителей выбора и улучшение качества жизни. При правильном понимании роли услуг важно сформировать национальные динамические преимущества на рынке услуг в национальной экономике, в том числе за счет либерализации торговли услугами.

Новая реальность рынка приведет к изменению спроса на услуги, в рамках которой товары, услуги и механизмы регулирования должны работать вместе и системно. Более того, ГЦС подразумевают, что такая систематичность должна будет проявляться среди различных национальных режимов. В этой связи такие механизмы, как взаимное признание, оценка соответствия или «сервисификация» производства, становятся ключевыми.

Активность данного процесса связана с другим ключевым моментом – наличием соответствующего режима регулирования торговли услугами. Регулирование является существенной частью развития внутренней и международной конкуренции в секторе услуг. Это подразумевает наличие адекватной системы регулирования, которая вместе с правилами международной торговли, конкуренцией, глобальными цепочками поставок и «сервисификацией» играет ключевую роль в достижении конкурентоспособности, повышая существующий потенциал и устанавливая баланс между различными коммерческими и социальными целями.

Стимулом для расширения экспорта услуг и либерализации торговли услугами может послужить изменение правил международной торговли. На многостороннем уровне услуги регулируются сравнительно недавно: Генеральное соглашение по торговле услугами (ГАТС) возникло в ходе Уругвайского раунда. В рамках ВТО либерализация сектора услуг осуществляется в контексте Доха раунда многосторонних торговых переговоров.

В рамках многосторонних торговых переговоров следует определить эффективные инструменты политики торговли услугами и оценить, как выбор политики в этой области на

национальном уровне может быть поддержан через многосторонние переговоры. Странам необходимо учесть возможные эффекты приватизации сектора услуг, находящегося в государственной собственности, последствия конкуренции, открытия рынков для иностранных инвестиций. Растет понимание того, что каждый из этих элементов желателен, однако, очень редки случаи, когда в какой-либо стране осуществлялись сразу все эти направления.

Международной торговле услугами препятствуют регуляторные меры, например, технические стандарты и правила, регулирующие создание компаний и временное перемещение физических лиц. Некоторые из этих мер, однако, могут быть оправданы протекционистскими мерами национальной политики (например, защита прав потребителей или охрана окружающей среды). Поэтому для снижения негативного воздействия на торговлю необходима многосторонняя гармонизация торговых мер, взаимное признание и эквивалентность стандартов, сотрудничество между импортирующей и экспортирующей сторонами, разработка сбалансированной политики, укрепление регуляторной среды, усиление участия развивающихся стран в формировании международных стандартов, и обеспечение доступа к важнейшим услугам в самых бедных регионах.

На фоне медленной многосторонней гармонизации торговых мер увеличивается количество преференциальных соглашений, выдвигаемых на региональном уровне. Их рост обусловлен неспособностью ВТО обновить правила международной торговли в переговорах Доха раунда, невозможностью достижения результатов на международном уровне в краткосрочной перспективе. Страны все в большей степени начинают рассматривать региональные торговые соглашения (РТС) как элемент национальной торговой политики и пытаются либерализовать торговлю в рамках преференциального торгового сотрудничества.

Положения, касающиеся торговли услугами, стали одним из основных элементов региональных торговых соглашений (РТС), ориентированных в первую очередь на углубление интеграции и придание ей всеобъемлющего характера, а также делающих акцент на вопросах регулирования, в том числе в контексте торговли в рамках глобальных производственных цепочек. Эти соглашения посвящены трансграничным мерам, касающимся услуг, инвестиций, политики в области конкуренции, движения капитала, прав интеллектуальной собственности,

государственных закупок, стандартов, рабочей силы и окружающей среды

Обобщая условия либерализации рынка услуг в рамках региональных торговых соглашений следует отметить три возможные направления создания правил торговли услугами. Это правила на основе договоренностей ГАТС, правила НАФТА или правила Европейского союза.

В качестве примера использования правил ГАТС могут выступить правила, лежащие в основе предоставления услуг Японии, Китая, Кореи, АСЕАН и ЕАСТ. Страны используют «позитивные перечни» специфических обязательств и понимают под торговлей услугами поставку услуг всеми четырьмя способами. По аналогии с ГАТС гарантируют услугам и поставщикам услуг национальный режим и доступ на рынок только в секторах и на условиях, зафиксированных в перечнях обязательств, которые являются составной частью соглашений. При формировании перечней страны и интеграционные группы, как правило, берут за основу свои перечни ВТО. При этом либерализация торговли услугами между ними достигается путем увеличения количества секторов, в отношении которых берутся обязательства, или смягчения существующих ограничений.

Инвестиции не распространяется на сферу услуг, либо в ней четко прописано, какие из положений об инвестициях применяются к услугам (как правило, это положения о защите и поощрении капиталовложений).

Следует обратить внимание на то, что в рамках данного подхода, аналогично ГАТС, национальный режим предоставляется по критерию «аналогичности» услуг и поставщиков услуг, а доступ на рынок – в соответствии с условиями, которые предусмотрены в перечнях специфических обязательств, а также в статье XVI ГАТС. Данная модель чаще всего используется развивающимися странами (преимущественно в Азиатском регионе) и практически никогда не применяется между развитыми странами.

Построенные по аналогии с ГАТС правила могут быть наиболее удобными и менее трудозатратными, поскольку сами правила, и вся техническая работа по составлению перечней специфических обязательств уже была проделана в ходе присоединения к ВТО [13].

Среди приверженцев правил регулирования рынка услуг по аналогии с НАФТА, помимо подписавших Соглашение НАФТА США, Канады

и Мексики, можно также выделить Панаму, Чили и Коста-Рику.

В соглашениях этих стран глава «Трансграничная торговля услугами» регулирует поставку услуг тремя способами (в главе не прописано коммерческое присутствие). Фиксация обязательств осуществляется на основе «негативных перечней» специфических обязательств: доступ на рынок и национальный режим гарантируются в отношении всех секторов услуг, за исключением указанных в перечнях. Считается, что «негативные перечни» содержат более широкий охват секторов услуг, в отношении которых применяется РТС. Однако следует внимательно оценивать включенные в перечень ограничения, поскольку возможна ситуация, при которой «негативные перечни» обязательств будут по смыслу равноценны «позитивным перечням».

Данные правила имеют отличительную особенность по осуществлению третьего способа поставки услуг (коммерческое присутствие), данные услуги регулируются главой по инвестициям, которая содержит как статьи о режиме наибольшего благоприятствования (РНБ) и национальном режиме, так и положения о защите и поощрении капиталовложений. Национальный режим в рамках данного подхода базируется на концепции «аналогичных обстоятельств», на практике это соответствующие критерии, что и в ГАТС. Можно наблюдать длительное отсутствие положения об условиях доступа услуг и поставщиков услуг на рынок, определяемые через ограничения, зафиксированные в статье XVI ГАТС, и лишь декларация стремления сторон уведомлять или обсуждать подобные ограничения. При этом в последних соглашениях США включена статья о доступе на рынок, которая аналогична соответствующей статье ГАТС, тогда как, например, в соглашениях между Японией и Чили или Японией и Мексикой подобное положение по-прежнему отсутствует [11].

Третий подход (на основе соглашений Европейского союза) отличается уникальной структурой, поскольку в них сочетаются подходы ГАТС и НАФТА. Первые два способа поставки услуг (трансграничная поставка услуг и потребление за рубежом) в Европейском союзе были заменены концепцией «свободы предоставления услуг», а такой способ поставки услуг как коммерческое присутствие, регулировался главой «учреждение», в сферу охвата которой входили все виды экономической деятельности как в сфере услуг, так и товаров.

Кроме того, четвертый способ поставки услуг (присутствие физических лиц) содержался в обеих главах и выходил за рамки ГАТС, предоставляя возможность координации социальной политики, касался вопросов трудоустройства.

В современных соглашениях ЕС, например, с Кореей или Украиной, можно наблюдать заимствования у ГАТС определения торговли услугами через способы поставки услуг, однако они рассматриваются в разных разделах соглашения. Трансграничная поставка услуг и потребление за рубежом регулируются положениями раздела «Трансграничная торговля услугами», к которой также относятся «позитивные перечни» специфических обязательств. Раздел «Учреждение» распространяется на все виды экономической деятельности с формированием «позитивных» (ЕС – Корея) или «негативных» (ЕС – Украина) перечней обязательств, в то время как положения, регулирующие временное пребывание физических лиц, вынесены в отдельный раздел [15].

Следует учитывать и тот факт в мировой экономике, что группа государств, на которые приходится около 70% глобальной торговли услугами, начала переговоры о заключении нового соглашения по торговле услугами, известного как ТИСА. В частности, прорабатываются вопросы прозрачности рынка услуг, внутреннего регулирования, телекоммуникационных услуг, электронной коммерции, финансовых, образовательных и транспортных услуг, передвижения физических лиц и возможной степени открытости секторов услуг. Эти переговоры ведутся вне рамок ВТО, что ставит под вопрос будущую интеграцию ТИСА в систему ВТО, а также соотношение этой договоренности с ГАТС. Есть вероятность того, что национальный режим будет применяться горизонтально, т.е. распространяться на все секторы и способы поставок. Есть предположение, что, пока не сформируется большое количество членом ВТО, присоединившихся к этому соглашению, не будет предприниматься никаких усилий по его автоматической «универсализации» на основе принципа наиболее благоприятствованной нации. Это означает, что ТИСА может стать одним из преференциальных соглашений, предусмотренных статьей V ГАТС. Переговоры о будущих положениях ТИСА ведут 23 участника (50 членом ВТО, с учетом того, что ЕС представляет 28 стран), среди которых как развитые, так и развивающиеся страны [13].

Кроме того, вопросы либерализации рынка услуг являются важным аспектом переговоров по Трансатлантическому торговому и инвестиционному партнерству между США и ЕС. Наиболее проблемные моменты связаны с финансовыми услугами и национальным регулированием. Следовательно, региональное сотрудничество в сфере услуг может сыграть важную роль в развитии внутри региональной торговли услугами и обеспечении доступа к рынкам, а также в укреплении региональной инфраструктуры.

Меры по либерализации рынков и развитию сотрудничества на региональном уровне в сфере инфраструктурных услуг, при условии их надлежащей координации и согласования с национальной политикой и режимами регулирования, могут стать катализаторами интеграционных процессов, способствующих использованию странами выгод от интеграции в сфере торговли для обеспечения инклюзивного и устойчивого развития. Работа, проводимая ЮНКТАД в сфере услуг, в том числе в рамках рассчитанного на несколько лет совещания экспертов, обзоров политики в сфере услуг и Глобального форума по услугам, служит той интеллектуальной платформой, на которую могут опираться развивающиеся страны в своих усилиях по стимулированию интеграционных процессов в интересах развития за счет развития сектора услуг и торговли услугами [11].

Думая о возможности либерализации рынка услуг Беларуси, следует отметить, что комплексное понимание основ стратегии участия Беларуси в глобальных цепочках добавленной стоимости пока отсутствует, а универсальных рецептов быть не может, поскольку даже в условиях глобализации сохраняется страновая специфика развития национальных экономик. Однако можно говорить о некоторых универсальных инструментах, которые могут помогать государствам, в том числе Беларуси, эффективно встраиваться в ГЦС, участвовать в преференциальных соглашениях и формировать динамические преимущества [5].

Будущее создание единого рынка услуг ЕАЭС позволит поставщикам оказывать услуги в любой стране-члене ЕАЭС на условиях национального режима и режима наибольшего благоприятствования. Анализ преимуществ, которыми обладает национальный рынок услуг для реализации экспортного потенциала, позволяет сформулировать следующие практические направления качественного

развития рынка услуг: повышение информированности и усиление позиционирования Республики Беларусь как части ЦВЕ с одной стороны и части ЕАЭС с другой стороны, для более полной реализации страновых и региональных конкурентных преимуществ рынка услуг; повышение специализации экспортируемых услуг в отраслевом аспекте и переориентация части экспорта услуг по аутсорсингу на экспорт продуктов; расширение кооперационных связей между предприятиями, в т.ч. родственными и поддерживающих отраслей; расширение присутствия Республики Беларусь в страновых рейтингах экспортеров услуг посредством построения устойчивых отношений с соответствующими международными структурами и своевременного предоставления полной публичной англоязычной информации об уровне развития экспорта услуг [9; 10; 3; 4].

Приоритетное внимание при выработке стратегии участия в глобальных цепочках добавленной стоимости и возможной «сервисификации» производства должно отдаваться тем видам услугам, в которых у страны есть существенный потенциал, сравнительные преимущества и за которыми будущее. Трансформация сферы услуг в Беларуси предусматривает сдвиг в направлении ускоренного развития деловых и профессиональных услуг. Динамично развиваются маркетинг, страхование, лизинг, риэлтерская деятельность, консалтинг. В то же время значительная часть деловых услуг все еще выполняется собственными силами организаций. Медленно развивается аутсорсинг, особенно в части оказания юридических, бухгалтерских услуг, услуг по обслуживанию технологического оборудования и разработки новых видов продукции. Среди перспективных направлений – развитие банковских и страховых услуг. Поэтому развитие и либерализация рынка услуг, заслуживает самого активного внимания.

Заключение

Основой обеспечения устойчивого спроса на национальные услуги в условиях изменяющейся внешней среды являются динамические способности распознавания новых рыночных возможностей и извлечения из них экономической выгоды посредством расширения участия страны в глобальных цепочках создания стоимости. Это включает развитие инфраструктуры и рынка деловых услуг, рост их

предложения, наличие рабочей силы необходимой квалификации.

Возможности расширения доступа на мировой рынок услуг расширяются через многосторонние переговоры. Для снижения негативного воздействия на торговлю необходима гармонизация торговых мер, взаимное признание и эквивалентность стандартов, сотрудничество между импортирующей и экспортирующей сторонами. Повышение уровня либерализации торговли услугами заложены в мандате раунда Доха. Среди них: временное перемещение физических лиц, трансграничное оказание услуг, что важно для развития аутсорсинга, франчайзинга др.

Прогресс по открытию рынков услуг более ощутим в рамках существующих преференциальных торговых соглашений, но он далек от завершения и до сих пор неравномерно охватывает различные секторы. Предоставление странам соответствующего особого режима в рамках региональных и мегарегиональных соглашений оказывает серьезное влияние на национальные режимы регулирования и является существенной частью развития внутренней и международной конкуренции в секторе услуг.

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: authors have no conflict of interests to declare.

Список литературы

1. База данных ОЭСР и ВТО по торговле и добавленной стоимости. 2016. URL: <http://bit.ly/1u1ZIKY>.
2. Джеймс Ходж, Либерализация торговли услугами в развивающихся странах. 2016. URL: http://siteresources.worldbank.org/INTRANETTRADE/Resources/Pubs/Handbook_rs_Hodge_ch24.pdf
3. Ожигина, В. В. Союзное государство России и Белоруссии: тенденции и проблемы развития экономической интеграции// Мир перемен. 2011. № 3. С. 165-178.
4. Ожигина, В. В. Международное межрегиональное сотрудничество как форма экономической интеграции в условиях глобализации мировой экономики: возможности для Республики Беларусь / В.В. Ожигина// Беларусь и мировые экономические процессы. Сборник научных статей / Научное издание. Минск: БГУ. 2008. С. 97-106.
5. Праневич, А. А. Теоретические основы и мировой опыт институционального строительства конкурентных отношений / А.А. Праневич // Экономический вестник университета. Сборник научных трудов ученых и аспирантов. 2013. №21-1. С. 176-182.
6. Тис, Д. Дж. Получение экономической выгоды от знаний как активов: новая экономика», рынки ноу-

хау и нематериальные активы // Российский журнал менеджмента. Том 2. 2004. № 1. С.95-120.

7. Тис, Д. Дж., Пизано, Г., Шуен, Э. Динамические способности фирмы и стратегическое управление // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 8 «Менеджмент». 2003. № 32.

8. Харша Вардхала, С. Будущие вызовы для торговли услугами: что нужно знать развивающимся странам? 2016. URL: <http://www.ictsd.org/bridges-news/>

9. Шкутько, О. Н. Международный франчайзинг: современные тенденции и мировой опыт / О.Н. Шкутько // Экономический вестник университета. Сборник научных трудов ученых и аспирантов. 2015. №26-1. С. 100-106.

10. Шкутько, О. Н. Экспортный потенциал Республики Беларусь: направления совершенствования и оптимизации / О.Н. Шкутько// Экономический вестник университета. Сборник научных трудов ученых и аспирантов. 2013. №21-1. С. 141-149.

11. PTA policies for development: a handbook / ed. by J. Chauffour, J. Maur / World Bank. Washington D.C.: World Bank. 2011. 536 p.

12. RTA Database// WTO. 2016. URL: <http://rtais.wto.org>.

13. Services rules in regional trade agreements. How diverse and how creative as compared to the GATS multilateral rules. Staff Working Paper ERSD-2012-19. WTO. 2016. URL: <http://rtais.wto.org>.

14. The Interaction between Investment and Services Chapters in selected regional trade agreements in International Investment Law: Understanding Concepts and Tracking Innovations. 2008. OECD.

15. World trade report 2011: WTO and PTAs: from co-existence to coherence / WTO. Geneva: WTO. 2012. 256 p.

References

1. Database the OECD and WTO on trade and value added. 2016. URL: <http://bit.ly/1u1ZIKY>. Russian.
2. Hodge, James, Liberalization of trade in services in developing countries. 2016. URL: http://siteresources.worldbank.org/INTRANETTRADE/Resources/Pubs/Handbook_rs_Hodge_ch24.pdf. Russian.
3. Origi, V. Union state of Russia and Byelorussia: tendencies and problems of development of economic integration// World of change. 2011. № 3. Pp.165-178. Russian.
4. Origina, V. V. Interregional cooperation as a form of economic integration in the conditions of globalization of the world economy: opportunities for Belarus / V. Ozhigina// Belarus and international economic processes. Collection of scientific articles / Scientific publication. Minsk: BSU. 2008. Pp. 97-106. Russian.
5. Pranevich, A. A. Theoretical foundations and international experience in institution-building competitive relations / A. Pranevich// Economic Bulletin of the University. Collection of scientific works of scientists and graduate students. 2013. №21-1. Pp. 176-182. Russian.

6. Teece, D. J. The economic benefits from knowledge assets: the new economy», markets for knowhow and intangible assets // Russian management journal. T. 2. 2004. № 1. Pp.95-120. Russian.

7. Teece, D. J., Pisano G., E. Shuen Dynamic capabilities of the firm and strategic management // Vestnik of Saint Petersburg University. Episode 8 «Management». 2003. № 32. Russian.

8. Harsha, S. Vardhana the challenges ahead for services trade: what you need to know to developing countries? 2016. URL: <http://www.ictsd.org/bridges-news>. Russian.

9. Shkutko, O.N. International franchising: current trends and world experience / O. Shkutko // Economic Bulletin of the University. Collection of scientific works of scientists and graduate students. 2015. №26-1. Pp. 100-106. Russian.

10. Shkutko, O.N. The export potential of the Republic of Belarus: directions of improvement and optimize / O. Shkutko // Economic Bulletin of the University. Collection of scientific works of scientists and graduate students. 2013. №21-1. Pp. 141-149. Russian.

11. PTA policies for development: a handbook / ed. by J. Chauffour, J. Maur / World Bank. Washington D.C.: World Bank. 2011. 536 p.

12. RTA Database// WTO. 2016. URL: <http://rtais.wto.org>.

13. Services rules in regional trade agreements. How diverse and how creative as compared to the GATS multilateral rules. Staff Working Paper ERSD-2012-19. WTO. 2016. URL: <http://rtais.wto.org>.

14. The Interaction between Investment and Services Chapters in selected regional trade agreements in International Investment Law: Understanding Concepts and Tracking Innovations. 2008. OECD.

15. World trade report 2011: WTO and PTAs: from co-existence to coherence / WTO. – Geneva: WTO. 2012. 256 p.

Шкутько Оксана Николаевна, доцент, кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики

Aksana N. Shkutsko, Associate Professor, PhD in Economics, Associate Professor Department of International Economy

УДК 330.34.014:332.1

DOI: 10.18413/2409-1634-2017-3-2-21-29

Овчаренко Л.А.

**ВЫБОР МОДЕЛИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
ДНР НА ОСНОВЕ ТЕНДЕНЦИЙ РАЗВИТИЯ МИРОВОЙ
ЭКОНОМИКИ**

ГОУ ВПО «Донецкая академия управления и государственной службы при Главе Донецкой Народной Республики», ул. Челюскинцев, 163А, г. Донецк, 283015, Донецкая Народная Республика, *Taponidhidas2012@yandex.ua*

Аннотация

Перед Донецкой Народной Республикой стоит задача восстановления экономики, разрушенной военными действиями в ходе гражданской войны.

Исходя из анализа фактического положения дел в экономике республики, а также существующих и теоретических моделей экономического развития человечества, автор пришел к выводу, что наиболее рациональный путь развития молодой республики лежит через ускоренное экономическое развитие региона или через экономику роста. Такой подход позволит в кратчайшие сроки выйти на хорошие экономические, на первом этапе, а затем и социально-экономические показатели. ДНР сможет восстановить свою экономику, а вместе с ней и благосостояние народа до довоенного уровня, а затем и до уровня высокоразвитых государств при справедливом распределении итогов экономики роста.

В отдаленном будущем накопленный потенциал позволит безболезненно перейти к качественно сбалансированной социально-экономической модели, отвечающей требованиям социально-экономической целесообразности.

В развитии мировой экономики в целом и отдельных регионов, в частности, важно обеспечить сбалансированность экономической, социальной и экологической составляющих. Вместе с тем, современные тенденции свидетельствуют о все более усугубляющемся кризисе мировой экономической системы, имеющем самые негативные последствия для экологии Земли, социального благополучия ее жителей и в целом представляющем угрозу для будущего человеческой цивилизации.

Исторически предопределено, что на каждом конкретном этапе человеческой цивилизации складывалась та, либо иная, социально-экономическая формация. Смена формаций – закономерный процесс прогресса человеческой цивилизации. Но в статье речь идет о применении или смене моделей развития в рамках одной формации.

В современных условиях поиск новых подходов к дальнейшему социально-экономическому развитию мирового сообщества становится все более актуальным. Пришло время, когда существующая система мироустройства более не отвечает интересам всего человечества и требует поиска и перехода к новой более сбалансированной социально-экономической системе. В глобальном масштабе решение этой непростой задачи требует альянса ученых и практиков разных стран, возможно, в рамках Организации Объединенных Наций. На региональном уровне выбор модели социально-экономического развития осуществляется из уже существующих, исходя из требований момента (например, в рассматриваемом случае – послевоенное восстановление экономики).

Ключевые слова: модель; социально-экономическое развитие; мировая экономика; тенденции; экономика роста; качественно-сбалансированная экономика.

Liudmila A. Ovcharenko

**CHOICE OF THE MODEL OF SOCIAL AND ECONOMIC
DEVELOPMENT OF DPR ON THE BASIS OF WORLD ECONOMY
DEVELOPMENT TRENDS**

Donetsk Academy of Management and Public Administration under the Head of the Donetsk People's Republic, 163A Cheluskintsev St., Donetsk, 283015, Donetsk People's Republic, *Taponidhidas2012@yandex.ua*

Abstract

The Donetsk People's Republic (DPR) faces the task to restore economy ruined by military operations in the course of the Civil War.

Based on the analysis of the present day situation in the national economy, and on the existing and theoretical models of the mankind economic development, the author came to conclusion that the most rational way for the young Republic is the way of accelerated economic development of the region or through the economy of growth. This approach will make it possible to reach, in the shortest possible time, good economic, at the first stage, and then socio-economic indicators. The DPR will be able to restore its economy, and with it the welfare of the people to the prewar level, and then to the level of highly developed countries in case of a fair distribution of the results of the economy growth.

In the distant future, the accumulated potential will allow a painless transition to a qualitatively balanced socio-economic model that meets the requirements of the socio-economic feasibility.

It is important to ensure the balance of economic, social and environmental components in the development of the world economy in general and that of certain regions in particular. However, current trends indicate an increasingly worsening crisis in the world economic system, with negative consequences for the Earth's environment, social well-being of its inhabitants and, in general, threatens the future of human civilization.

Historically, it is predetermined that at each particular stage of human civilization there was one or another socioeconomic formation. The change of formations is a natural process of the progress of human civilization. But the article deals with the application or change of development models within a single formation.

The search for new approaches to further socio-economic development of the world community is becoming increasingly important in modern conditions. The time has come when the existing system of the world order is no longer in the interest of all humanity and requires a search for and transition to a new, more balanced socio-economic system.

Globally, the solution to this challenge requires an alliance of scientists and practitioners from different countries, perhaps in the framework of the United Nations. At the regional level, the choice of the model of socio-economic development can be chosen from the existing ones to meet the requirements of the moment (for example, in this case, post-war reconstruction of the economy).

Keywords: model; socio-economic development; world economy; trends; economy of growth; quality balanced economy.

Введение

В условиях формирования государственности Донецкой Народной Республики остро стоит вопрос формирования такой социально-экономической системы, которая бы обеспечила ускоренное сбалансированное развитие региона. Вместе с тем, рассматривая пути социально-экономического развития ДНР, следует учитывать важный момент. Если говорить о развитии экономики в полной мере, то мы должны представлять себе государство в границах всего Юго-Востока нынешней Украины, поскольку по ряду объективных и субъективных причин полномасштабное развитие экономики в границах нынешней ДНР и ЛНР имеет очень ограниченные масштабы. Да, в молодых республиках там и здесь запускаются новые и старые производства, но это локальные успехи, которые имеют местное значение – занятость населения, доходы бюджета и т.д.

Полномасштабное развитие экономики предполагает социально-экономическое развитие и рост благосостояния народа до такого уровня,

который должен превосходить все известные нам образцы экономических систем и здесь не все зависит от ДНР и ЛНР. Это политический аспект, который во многом будет решаться великими государствами. Поэтому мы считаем, что на данном этапе конкретно в настоящий момент условий для ускоренного полномасштабного развития экономики в молодых республиках нет. В настоящее время мы можем обсуждать, в основном, теоретические пути их ускоренного экономического развития.

Вопросы, связанные с анализом существующих и теоретических экономических моделей будущего, рассматривались в работах таких ученых и исследователей, как, например, Бурчаков А., Самарский А., Шмидт А. и др. [2-3; 5-8; 12-14; 16; 18; 19]. Поиск оптимальных моделей социально-экономического развития регионов был предметом исследования таких ученых как, например, Абдурахманова З.Т., Аксенов С.М., Васин С.М., Гришин И., Долятовский В.А., Зоидов К.Х., Кузнецов В.В., Микутьский К.И., Попов В.В., Пацук О.В., Попов В.В., Рамазанов Ж.Ш. Вместе с тем, вопросам

выбора и формирования социально-экономической модели Донецкой Народной Республики посвящено недостаточное количество работ.

Основная часть

Цель работы. Задача восстановления экономики и дальнейшего эффективного социально-экономического развития ДНР требует выбора научно обоснованной модели экономического развития с целью формирования экономической системы молодой республики, на данном этапе наиболее отвечающей требованиям ее социального развития. Целью данной статьи является на основе анализа тенденций развития мировой экономики, а также существующих и перспективных моделей ее развития предложить научно обоснованный подход к выбору модели послевоенного социально-экономического развития ДНР.

Материалы и методы исследования.

В процессе проводимого исследования были использованы методы, основанные на анализе косвенной информации, а именно: первичной и вторичной баз данных, публикаций ученых, исследователей и экономистов; знание специфики развития экономики региона и опыта в разработке экономических моделей разного назначения.

Результаты исследования и их обсуждение.

Рассмотрим тенденции и модели развития мировой экономики, частью которой, так или иначе, являются ДНР и ЛНР. Часть из этих экономических систем существует сегодня, другая часть – полу- и чисто теоретические модели экономики будущего.

В настоящее время в мире господствует рыночная экономика, характерными особенностями которой являются [6; 8; 10; 15]:

1. Конкуренция, иногда с государственным регулированием экономики. Причем в последнем случае под общее законодательство подпадает и частный капитал.

2. Перераспределение капитала от преуспевающих производств в пользу развивающихся (вновь создаваемых) через посредство государства (за счет чего производится реструктуризация экономики). Однако, если в экономике какой-либо страны, параллельно или всецело, имеет место частная собственность на средства производства, и она передается по наследству, то это приводит к развитию теневой экономики, наблюдается коррупция, торможение ввода в действие инновационных технологий, конфликт интересов общества и отдельных индивидов;

3. В современной рыночной экономике не спрос диктует предложение, а стимулированное предложение рождает спрос. Таким образом, принцип «предложение первично по отношению к спросу» является основополагающим в регулировании современной рыночной экономики;

4. Потребительская концепция не предусматривает и не учитывает баланс между ресурсами отдельных территорий и планеты в целом и спроса на них. Корпорации хищнически извлекают ценные минералы (полезные ископаемые), не заботясь о последующей рекультивации земель, или о приведении территорий в пригодное состояние под с/х использование. Пример: огромные лесные территории Дальнего Востока России, сданные в концессию на вырубку леса японским корпорациям в начале 90-х, превратились в пустыню после их «хозяйничанья».

5. Наблюдается процесс роста ничем не обеспеченной денежной массы и долгов на основе ценных бумаг, сданных под залог других ценных бумаг – проценты на проценты;

6. Финансовая система, включающая с одной стороны деньги Центробанков, которые используются для платежей по международным обязательствам, а с другой – внутренние деньги, которые обычно не допускаются к импортно-экспортным операциям.

Рыночная экономика (или экономика роста) не предполагает развития в падении. Критика неolibеральной экономики экспоненциального роста выглядит следующим образом: такая экономика «разрушается, что есть признак раковой опухоли, которая, чтобы существовать, должна только расти. Поэтому действующая экономическая система, охватив всю планету, начинает сама себя поедать, ей нужна смерть 6 млрд. человек, уничтожение всего живого и гармоничного с природой. В уставах всех фирм значится, что целью деятельности является получение прибыли, рост (на основе более высокой прибавочной стоимости) и т.д. В связи с наличием ...процента на процент, которые не отражены в эмиссии денег, мы растем по экспоненциальной кривой. Сейчас уже переместились, практически, на вертикальную прямую, а реальная экономика не может предоставить требуемый уровень роста (по сравнению со спекулятивным ростом стоимости ценных бумаг – Авт.), ...поэтому мы имеем уже квадриллионы «пузырьковых» денег, участвующих в спекулятивных операциях, и

крохи «реальных денег» для обслуживания реальной экономики (99,14% к 0,86%). Система захлопывается, скоро остановится совсем в своем коллапсе» [8].

Мировой опыт знает еще одну экономическую систему, основанную на централизованном планировании – это плановое хозяйство. Эта система базируется на общественной собственности на средства производства и централизованном распределении материальных ресурсов. Сильные и слабые стороны этого типа экономики хорошо нам известны (СССР) и на ней останавливаться не будем.

В настоящее время экономисты всего мира разрабатывают возможные варианты выхода из «состояния ускоренного движения к краху существующей экономической модели» [8]. «Мир изменяется ежесекундно, поэтому принцип развития должен быть положен в основу новой экономики» [7].

Инерция мышления, стереотипы в экономической науке также являются тормозом в осмыслении перспектив развития, равно как и для перехода к экономике, основанной на новых принципах развития. Но остановить прогресс невозможно и, когда благодаря дальнейшему накоплению капитала в условиях истощения полезных ископаемых приходят качественные изменения в развитии экономики, в том числе и на инновационном уровне, переход к новым принципам развития наступает неизбежно. Методология как учение о научном методе вообще подсказывает, что необходимо искать третий путь вместо попыток, часто бесплодных, улучшать первые два.

Одна из таких перспективных социально-экономических моделей – качественно-сбалансированная экономика или, как ее иначе называют, экономическая система «качественного развития». Главной целью этой экономической модели является не экономический рост, а сбалансированное социально-экономическое развитие, она предполагает постоянную смену устаревших систем на адаптированные к последним условиям. Модель представляет собой системный механизм удержания в строгом балансе всех показателей жизнедеятельности общества», как-то, спроса и предложения на ресурсы. В такой общественно-экономической формации и рост, и падение любого общественно-экономического показателя – это часть процесса развития, поиск системой своего баланса.

Данная экономическая модель предполагает

«качественное развитие, т.е. удержание всей системы в состоянии баланса, с постоянным повышением уровня развития цивилизации в режиме состязательности людей в духовной, интеллектуальной сфере, являющейся бесконечной, в отличие от материальной состязательности. Материальное обеспечивается в пределах потребностей людей для удовлетворения их физиологически обоснованного потребления, с учетом уровня цивилизации» [8; 9].

Исследователи выделяют следующие основные характеристики такой экономики:

1. Конкуренция экономических субъектов проявляется не в материальной, а в духовной и интеллектуальной сферах. Плановое государственное регулирование деятельности экономических субъектов осуществляется строго в рамках необходимых потребностей общества.

2. Экономическая конкуренция в обществе присутствует с целью достижения более высокого качества (не количества!) продукта. При этом соотношение ВВП к населению сохраняется в незначительных колебаниях из-за возможного колебания в рождаемости. Отсутствует перенаправление капитала преуспевающих предприятий посредством государства в пользу развивающихся. Мы полагаем, что далее, в перспективе, постепенно отомрут такие негативные явления как теневая экономика и коррупция, исчезнет торможение во внедрении инновационных технологий и развитии фундаментальных научных исследований, способствующих созданию общества с научно обоснованным материальным потреблением, будет преодолен конфликт интересов общества и индивидуума, а в перспективе, исчезнет государство как институт.

3. Баланс спроса и предложения (практически одновременное формирование спроса и предложения);

4. Концепция разумного потребления предусматривает баланс спроса и предложения на ресурсы.

5. Нормализация соотношения количества денег и долгов, сознательный отход от использования ценных бумаг, постепенный переход к обеспеченным товарам и услугами финансовых расчетов с отходом от применения денег и долгов.

6. Ликвидация двухконтурной финансовой системы, причем любые торговые операции проводятся через Центробанки, которые моментально принимают решение, находится ли

данная операция в пределах экономического баланса. В перспективе роль денег и долгов будет снижаться, пока они естественным образом не исчезнут из оборота совсем.

Из приведенного краткого анализа двух реально существующих экономических систем и одной теоретически смоделированной можно сделать вывод, что устойчивое социально-экономическое развитие наиболее органично вписывается в концепцию «качественно-сбалансированной» экономической системы будущего.

Уже сегодня управление внутри крупных корпораций строится на научных принципах, применяются программы систем учета и контроля производства в крупных корпорациях повсеместно, т.е., просматриваются отдельные элементы экономики будущего. В этом корпорации гораздо эффективнее более мелких предприятий. Однако на данном этапе эти гиганты находятся в экономике роста в постоянной схватке за обладание ресурсами. Это причина и источник всех войн. Глобализация – один из примеров ненасытности корпораций и вместе с варварским расхищением природных ресурсов, абсолютно безответственным отношением к экологии они представляют собой сегодня несомненную угрозу самому существованию человечества. В качестве примера можно привести остров Вануату (бокситы), ныне пустыня без каких-либо восстановительных работ и компенсаций.

Общественно-экономическое развитие – это в том числе и переход к новым экономическим отношениям [7]. Поэтому уже сейчас нужно развивать принципы экономики будущего, доводить до сознания правящих классов, что альтернативой экономики мира есть только экономика роста и войны [3]. Войны на уничтожение миллиардов человеческих жизней! Создание управляемого хаоса, который постоянно почему-то выходит из-под контроля. И такие цели существуют! И осуществляются на Ближнем Востоке и в других регионах мира. Примером может служить война в Сирии, реальной причиной которой являлась поставка дешевого южного газа из Катара и Саудовской Аравии в Западную Европу по трубе. Россия остановила этот процесс.

Однако в настоящее время человечество еще не осознало необходимости нового подхода к развитию социально-экономических отношений, отказа от экономики роста – экономики войн и кризисов. И в условиях тех стран и регионов, где,

существующая социально-экономическая система была нарушена под воздействием форс-мажорных обстоятельств (например, военных конфликтов), будущее развитие может становиться ускоренным развитием. Это связано, в первую очередь с необходимостью мобилизации и восстановления экономики, а также социальной сферы. Вот почему в условиях Донецкой Народной Республики, находящейся в состоянии войны, необходим поиск возможностей для ускоренного экономического развития. Ускоренное экономическое развитие региона – это экономика роста, и оно рассматривается как временный восстановительный этап после форс-мажорных обстоятельств до достижения того уровня, когда возникает необходимость в инновационном развитии от конкретного производства до экономики государства в целом. После полного восстановления экономики и достижения определенного уровня в социальном развитии, можно будет приступить к постепенному переходу к сбалансированному социально-экономическому развитию, т.е. наступает переходный этап к экономике качественного сбалансированного развития.

В этом плане Концепция Сбалансированного развития является дальнейшей разработкой Концепции Устойчивого развития, поэтому ее часто называют Концепцией Устойчивого Сбалансированного развития.

Достигнуть общего понимания, осознать необходимость перемен, а затем еще и провести эту экономическую модель в жизнь совсем непросто. Тем более что на Земле существует страна, претендующая на особую исключительность и по этой причине на ресурсы всей планеты. Ресурсов планеты ей одной хватит надолго и, следовательно, ничего менять не нужно. Экономика роста их устраивает, как и разжигание войн с целью уменьшения населения планеты. Они считают, что на Земле сегодня проживают шесть млрд. лишних людей и все это возведено в ранг государственной политики.

На случай, если с захватом ресурсов планеты у них ничего не получится, есть альтернатива перенести экономику роста (и войны!) в космос, устроив поселения на других планетах для эксплуатации уже их местных ресурсов. Первые пилотируемые полеты на Марс запланированы до 2030 г, а строительство поселений там до 2040 г. На Луне предполагается сделать это еще раньше. Уже сегодня в России разработана теория достижения скоростей межпланетных перелетов до трети скорости света. Имеются и технические

возможности для осуществления этого, что позволит перемещать людей до самых дальних планет солнечной системы за несколько часов.

Еще одна альтернатива заключается в развитии науки и технологий, примерно, в этот же период. В последние 10 лет стало известно, что в таблице Менделеева существовала самая левая колонка ноль, в которой было заложено понятие эфира – неисчерпаемого источника энергии. И вот с переходом на этот источник энергии связывается дальнейшее развитие технологий, которые позволят обеспечить человечество на ближайшие сотни лет, независимо от роста населения. Это уже не инновационные технологии, а получение энергии на новых физических принципах.

Теперь переходим к социальной защищенности или социальному развитию в контексте ускоренного экономического развития.

Уровень социальной защищенности населения региона должен быть поставлен в зависимость от естественного трудолюбия населения, а не регулироваться в соответствии с принципом максимального расширения, поскольку такой подход приводит к росту иждивенческих настроений в обществе и, как следствие, к снижению экономической эффективности развития. В странах, характеризующихся высоким уровнем естественного трудолюбия населения, социальная защищенность может быть выше, но при этом следует отслеживать взаимосвязь между уровнем социальной защищенности и занятостью населения, чтобы не допустить взращивания иждивенчества в обществе. В общем случае, поддержка государством оказывается в первую очередь низкооплачиваемым и нетрудоспособным до достижения регионом (государством) такого уровня накопления капитала, при котором регион получает достаточную свободу действий. И тогда социально-экономическое развитие региона вступает в фазу реализации двух основных целей [4]:

1) сохранение воспроизводственных процессов человеческого капитала через улучшение социально-экономических условий жизни населения (увеличение продолжительности и улучшение качества жизни населения, улучшение качества здравоохранения, досуга и т.д.).

2) эффективное формирование человеческого капитала целесообразно направить через повышение интеллектуального и культурного

потенциала населения (увеличение числа учебных заведений, улучшение качества образования, рост продолжительности и вариативности обучения, поддержка научных исследований) и совершенствование социально-психологического потенциала общества через духовно-нравственное совершенствование личности, формирование адекватной ценностной системы в обществе. Иное развитие может привести к деградации общества даже при хорошем обеспечении его материальных интересов.

Целый ряд зарубежных работ [1; 2; 4] рассматривает возможность и даже необходимость избежать обострений в социальной сфере за счет минимизации, а в перспективе и нивелирования экономической конкуренции людей в материальной сфере, в том числе за счет выплаты всяких пособий и пр.

Мы исходим из того, что конкуренция в материальной сфере полезна, как и в творчестве, интеллектуальном совершенстве и научном прогрессе, а возможные криминальные эксцессы, связанные с нарушением закона о свободной предпринимательской деятельности должны беспристрастно преследоваться по закону. При жестком контроле производимого количества продукции конкуренция в области материального производства переводится в область получения качества. А вот в плоскости духовного продвижения в изначальном понимании этого слова конкуренции просто не может быть, потому что, говоря простым языком, в стремлении к Богу у Бога найдется место каждому. Все, что за пределами такого понимания духовности (театр, культура и пр.), есть искажение исторического развития народов.

«Введение безусловного базового дохода (ББД) или безусловного основного дохода (БОД), который характеризуется так: «От каждого, добровольно, – по способностям, каждому, востребовано, – по разумным материальным потребностям», предполагает выплату определенной суммы денег всем членам сообщества, вне зависимости от уровня дохода и без необходимости выполнения работы» [2].

По мнению автора статьи, данная концепция утопична и может привести только к иждивенчеству и деградации общества независимо от уровня образования. Решение этого вопроса, на самом деле, лежит в плоскости сокращения рабочего дня и предоставления работы каждому при сохранении и даже увеличении зарплаты за счет более высокой прибавочной стоимости и увеличении

доли зарплаты в производстве продукта, что уже случилось и так в развитых капиталистических странах. Но происходить это должно в разумных пределах, чтобы производства не «убегали» в страны с более дешевой рабочей силой. А в масштабах всей страны это возможно при жестком расчете международной конъюнктуры, планировании (возможно государственном) и управлении государством авторитарно-демократического типа. Западная модель демократии нам не подходит даже с точки зрения экономики.

Примечательно, что в результате опроса в Европе в апреле 2016 года по поводу ББД, выяснилось, что 64% ее резидентов поддержали бы введение этого дохода. Среди аргументов в пользу ББД – уменьшение тревоги по поводу основных финансовых потребностей (40%) и обеспечение равных возможностей (31%) [17].

Именно поэтому не исключено, что ВВП Германии в недалеком будущем будет формироваться за счет труда гастарбайтеров – иностранной рабочей силы. Как уже отмечалось выше, все большее число немцев предпочитают жить на высокое социальное обеспечение, а это, в конечном счете, ведет к деградации общества.

Критика концепции ББД базируется на экономических и правовых аргументах. В частности, введение ББД трудно внедрить в практику по разным причинам, особенно в условиях напряженного бюджета, поскольку этот доход входит в его расходную часть. Кроме того, такие выплаты могут оказаться привлекательными для потенциальных мигрантов, что и наблюдается с конца 2015 г. в некоторых странах Европы. Не случайно потоки переселенцев, проходя транзитом через многие страны, оседают, в основном, в Германии и Великобритании. В целом, это подтверждает утопичность умозрительных теорий.

По мнению экспертов, в связи с введением ББД нагрузка на бюджеты государств не станет выше уже существующей в самых богатых странах. ББД потребует не более высоких фактических ставок налогообложения, но более честных и пропорционально разделенных, чем уже существующие [1].

На самом деле, бюджеты стран ЕС не выдерживают нагрузки, связанной с притоком мигрантов, а ряд стран просто закрыли для них свои границы. «Каждый гражданин, имея гарантированный ББД, сможет дополнительно зарабатывать, при этом выбирая работу по своим наклонностям, а, не руководствуясь

безысходностью, следовательно, соглашаясь на ту работу, которую удалось найти» [1].

На практике работу не удастся найти не только по своим наклонностям, но и по полученной специальности, потому что в стране появляется масса тех, кто ищет работу от безысходности и кто готов работать за любую плату, таким образом, вытесняя тех, кто ищет работу ради удовольствия. Население Земли растет, и существующий общественный строй не в состоянии обеспечить работой всех желающих.

Гарантированный ББД заставит работодателей привлекать робототехнику на выполнение малопрестижной и нетворческой работы, а граждане смогут заниматься социально-полезными, творческими видами деятельности.

А как занять тех, кто не способен к творческим видам деятельности? И таких большинство! Как-то автор этих строк предложил хозяину мехзавода в Англии заменить простое ручное производство тележек для супермаркетов автоматической линией... Последовавшая реакция – отказ. Потому что потеря работы таким количеством людей сразу грозит стране социальными потрясениями. И это правящий класс Великобритании хорошо понимает... и предпочитает работать по-старинке, нанимая больше людей, неспособных к творческому труду. Вот настоящее проявление того, что называется социальной ответственностью бизнеса!

При этом следует учитывать, что размер ББД не должен превышать необходимого минимума, его задача – не обеспечить рост благосостояния населения, а избавить каждого члена общества от страха, связанного с неудовлетворением минимальных потребностей (кров, еда, безопасность), дать шанс на самореализацию, в том числе и профессиональную. Чрезмерные выплаты, напротив, будут способствовать росту иждивенчества у большинства населения и социально-полезный эффект от введения ББД не будет достигнут.

С этой частью умозрительного ББД хорошо справляются органы социального обеспечения. При правильно поставленном продуманном законодательстве о труде (как в той же Англии), помощь потерявшим работу выплачивается таким образом, чтобы трудоспособный всегда оставался немного должен за снимаемое жилье, чтобы немножко не хватало на питание. В таких условиях стимул к работе остается всегда. И только те, кто сумел за трудовую жизнь достаточно накопить на свои расходы, обретают

относительную свободу и путешествуют по всему миру, достигнув пенсионного возраста.

При научно обоснованном, тщательно и грамотно просчитанном социально-экономическом развитии найдутся стимулы и для поиска и применения новейших технологий в области энергетики, транспорта, промышленного производства и в других жизненно важных сферах. Только этим должны заниматься увлеченные своим делом патриотичные технократы, а не всякого рода либералы, проводящие в жизнь умозрительные схемы с неизвестными целями.

Заключение

На основе анализа приведенных моделей развития мы приходим к выводу, что наилучшим путем развития экономики молодой республики является ускоренное развитие экономики страны, которое на первом этапе является экономикой восстановления и, следовательно, роста. Впоследствии, при достижении определенного уровня социально-экономического развития, эта экономика ускоренного развития перейдет к экономике качественного сбалансированного развития. Эта модель даже на сегодняшний день уже не является чисто теоретической. Примером могут служить договоренности нефтедобывающих стран о снижении общего уровня добычи нефти до уровня потребления, что соответствует пункту 6 характеристики «качественно-сбалансированной экономики»: баланс ресурсных возможностей и запросов на них. То есть, сама жизнь заставляет страны, стоящие перед выбором войны или мира, приходиться к согласию относительно сбалансированного развития экономики планеты. Это и есть пример вынужденного выбора между экономикой роста, или войны на уничтожение человечества, и экономикой мира – качественно-сбалансированной экономикой, строящейся на реальных, а не искусственно созданных потребностях человечества.

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: authors have no conflict of interests to declare.

Список литературы

1. Безусловный базовый доход. Доступная утопия. URL: <http://eurooua.com/europe/7643-bezuslovnij-bazovuj-dokhod-dostupnaya-utopiya> (дата обращения: 13.12.2016).

2. Бурчаков, А. «Добро пожаловать в посттрудовую экономику» – Обозреватель Fast

Company о безусловном базовом доходе. URL: <https://vc.ru/p/postwork-economy> (дата обращения: 21.03.2016).

3. Герман Дэйли: Что такое «зеленая экономика»? URL: <https://sites.google.com/site/dalynewsru/cto-takoe-zelena-ekonomika> (дата обращения: 07.02.2016).

4. Мельников, А. Е. Социально ориентированный кластер как фактор устойчивого развития региона. URL: http://www.psu.ru/psu2/files/0504/Melnikov_30_11_11.pdf (дата обращения: 16.11.2016).

5. Овчаренко, Л.А. Мировой опыт в формировании социально-экономической модели развития ДНР // Менеджер. ГОУ ВПО «ДонАУиГС». № 3(77). 2016. С. 35-44.

6. Роджерс, А. Нынешний кризис мировой экономической системы не разрешим в рамках существующей модели распределения благ. URL: <http://rusdozor.ru/2016/10/29/osnovnoe-protivorechie-sovremennoj-ekonomiki> (дата обращения: 13.12.2016).

7. Самарский, А. Основы экономики будущего. URL: <http://propaganda-journal.net/111.html> (2008-08-29) (дата обращения: 23.10.2016).

8. Шмидт, А. «Свободно-рыночная», «Планово-асимметричная» или «Качественно-сбалансированная» экономика будущего? URL: <http://drimex.livejournal.com/2183.html> (дата обращения: 13.02.2016).

9. Шмидт, А. Типичный неконструктивный взгляд «системного» экономиста на проблемы внутри «системы» URL: <http://worldcrisis.ru/crisis/2004360> (дата обращения: 23.02.2016).

10. Andrew Simms. The current economic development model is defunct – we need to ditch it. URL: <https://www.theguardian.com/environment/2015/mar/11/the-current-economic-development-model-is-defunct-we-need-to-ditch-it> (дата обращения: 12.01.2017).

11. Models of Economic Growth. URL: http://www.oocities.org/znuniverse/Economics_of_Planning/models_of_economic_growth.htm (дата обращения: 15.11.2016).

12. Finding a sustainable model of economic growth fit for the future. URL: <https://www.theguardian.com/sustainable-business/sustainable-model-economic-growth-future-supply> (дата обращения: 10.12.2016).

13. Growing a Sustainable Economy. URL: <http://www.sustainable.org/economy> (date of access: 10.12.2016).

14. Karen, L. Higgins. Economic growth and sustainability – are they mutually exclusive? URL: <https://www.elsevier.com/connect/economic-growth-and-sustainability-are-they-mutually-exclusive> (16 May 2013) (дата обращения: 10.12.2016).

15. What are the advantages and disadvantages of a market economy? URL: <https://www.quora.com/What-are-the-advantages-and-disadvantages-of-a-market-economy> (дата обращения: 11.12.2016).

16. What do economic models tell us? URL: <http://www.lse.ac.uk/GranthamInstitute/news/why-economic-models-tell-us-so-little-about-the-future-2/> (дата обращения: 13.01.2017).

17. What do Europeans think about basic income? URL: http://www.basicincome.org/wp-content/uploads/2016/05/EU_Basic-Income-Poll_Results.pdf (дата обращения: 12.12.2016).

18. Why economic models tell us so little about the future. URL: <http://www.businessgreen.com/bg/opinion/2292078/why-economic-models-tell-us-so-little-about-the-future> (дата обращения: 13.01.2017).

19. World economy. Past and future tense. URL: <http://www.economist.com/news/leaders/21636742-world-economy-2015-will-carry-troubling-echoes-late-1990s-past-and-future-tense> (дата обращения: 10.12.2016).

References

1. Unconditional basic income. An accessible utopia. URL: <http://europa.com/europe/7643-bezuslovnyj-bazovyj-dokhod-dostupnaya-utopiya> (date of access: December 13, 2016). Russian.

2. Burchakov, A. «Welcome to the post-labor economy» – Fast Company reviewer on unconditional basic income. URL: <https://vc.ru/p/postwork-economy> (date of access: March 21, 2016). Russian.

3. Herman Daly: What is a «green economy»? URL: <https://sites.google.com/site/dalynewsru/cto-takoe-zelena-ekonomika>. (date of access: February 7, 2016). Russian.

4. Melnikov, A.E. Socially-oriented cluster as a factor of sustainable development of the region. URL: http://www.psu.ru/psu2/files/0504/Melnikov_30_11_11.pdf. (date of access: November 16, 2016). Russian.

5. Ovcharenko, L.A. World experience in the formation of the social and economic model of the development of the People's Republic of Moldova // «Manager». State Educational Institution of Degree Professional Education «Donetsk Academy of Management and Public Service under the Head of the Donetsk People's Republic». № 3 (77). 2016 Pp. 35-44. Russian.

6. Rogers, A. The current crisis of the world economic system will not be resolved within the existing model of distribution of benefits. URL: <http://rusdozor.ru/2016/10/29/osnovnoe-protivorechie-sovremennoj-ekonomiki> (date of access: December 13, 2016). Russian.

7. Samarskiy, A. Fundamentals of the economy of the future. URL: <http://propaganda-journal.net/111.html> (2008-08-29) (date of access: October 23, 2016). Russian.

8. Schmidt, A. «Free-market», «Planning-asymmetric» or «Qualitatively-balanced» economy of the future? URL: <http://drimex.livejournal.com/2183.html> (date of access: October 23, 2016). Russian.

9. Schmidt, A. Typical non-constructive view of the «system» economist on the problems within the «system» URL: <http://worldcrisis.ru/crisis/2004360> (date of access: February 23, 2016). Russian.

10. Andrew Simms. The current economic development model is defunct – we need to ditch it. URL: <https://www.theguardian.com/environment/2015/mar/11/the-current-economic-development-model-is-defunct-we-need-to-ditch-it> (date of access: January 12, 2017).

11. Models of Economic Growth. URL: http://www.oocities.org/znuiverse/Economics_of_Planning/models_of_economic_growth.htm (date of access: November 15, 2016).

12. Finding a sustainable model of economic growth fit for the future. URL: <https://www.theguardian.com/sustainable-business/sustainable-model-economic-growth-future-supply> (date of access: December 10, 2016).

13. Growing a Sustainable Economy. URL: <http://www.sustainable.org/economy> (date of access: December 10, 2016).

14. Karen L. Higgins. Economic growth and sustainability – are they mutually exclusive? URL: <https://www.elsevier.com/connect/economic-growth-and-sustainability-are-they-mutually-exclusive> (16 May 2013) (date of access: December 10, 2016).

15. What are the advantages and disadvantages of a market economy? URL: <https://www.quora.com/What-are-the-advantages-and-disadvantages-of-a-market-economy> (date of access: December 11, 2016).

16. What do economic models tell us? URL: <http://www.lse.ac.uk/GranthamInstitute/news/why-economic-models-tell-us-so-little-about-the-future-2/> (date of access: January 13, 2017).

17. What do Europeans think about basic income? URL: http://www.basicincome.org/wp-content/uploads/2016/05/EU_Basic-Income-Poll_Results.pdf (date of access: December 12, 2016).

18. Why economic models tell us so little about the future. URL: <http://www.businessgreen.com/bg/opinion/2292078/why-economic-models-tell-us-so-little-about-the-future> (date of access: January 13, 2017).

19. World economy. Past and future tense. URL: <http://www.economist.com/news/leaders/21636742-world-economy-2015-will-carry-troubling-echoes-late-1990s-past-and-future-tense> (date of access: December 10, 2016).

Овчаренко Людмила Александровна, доцент, кандидат экономических наук, доцент кафедры туризма

Liudmila A. Ovcharenko, Associate Professor, PhD in Economics, Associate Professor Department of Tourism

РЕГИОНАЛЬНАЯ И МУНИЦИПАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

УДК 331.1

DOI: 10.18413/2409-1634-2017-3-2-30-39

Аничин В.Л.
Дорофеев А.Ф.
Желябовский А.Ю.

**РЕГИОНАЛЬНЫЙ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ АСПЕКТЫ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА**

ФБГОУ ВО «Белгородский государственный аграрный университет имени В.Я. Горина», ул. Вавилова, 1, пос. Майский, 308503, Россия, vladislavanichin@rambler.ru

ФБГОУ ВО «Белгородский государственный аграрный университет имени В.Я. Горина», ул. Вавилова, 1, пос. Майский, 308503, Россия, interdaf@mail.ru

ФБГОУ ВО «Белгородский государственный аграрный университет имени В.Я. Горина», ул. Вавилова, 1, пос. Майский, 308503, Россия, alex.zhelyabovskiy@gmail.com

Аннотация

Формирование и эффективное использование человеческого капитала выступают основными условиями социально-экономического развития регионов и отдельных организаций. При этом методическое обеспечение управления человеческим капиталом разработано недостаточно. Имеют место противоречивые толкования терминов, а инструментарий для измерения человеческого капитала не позволяет получать достоверные оценки. Одной из причин существующего положения дел является формирование двух обособленных аспектов теории человеческого капитала: регионального и организационного. Снять противоречия позволяет интересо-ориентированный подход, суть которого состоит в том, что первичными признаются конкретные индивидуальные и групповые экономические интересы, а вторичными – представления о человеческом капитале и методах его измерения. Примером практического применения интересо-ориентированного подхода служит предлагаемая методика распределения премиального фонда организации между подразделениями пропорционально задействованному человеческому капиталу.

Ключевые слова: человеческий капитал, региональный аспект, организационный аспект, интересо-ориентированный подход.

Vladislav L. Anichin
Andrey F. Dorofeev
Alexander Y. Zhelyabovskiy

**REGIONAL AND ORGANIZATIONAL ASPECTS OF THE HUMAN
CAPITAL**

Belgorod State Agricultural University named after V. Gorin, 1 Vavilova St., Maiskiy, Belgorod Region, 308503, Russia, vladislavanichin@rambler.ru

Belgorod State Agricultural University named after V. Gorin, 1 Vavilova St., Maiskiy, Belgorod Region, 308503, Russia, interdaf@mail.ru

Belgorod State Agricultural University named after V. Gorin, 1 Vavilova St., Maiskiy, Belgorod Region, 308503, Russia, alex.zhelyabovskiy@gmail.com

Abstract

The formation and effective use of the human capital are the main terms of socio-economic development of regions and individual organizations, however, the methodological support of human capital management is not sufficiently developed. There are contradictory interpretations of the terms, and the tools to measure human capital do not allow obtaining reliable estimates. One of the reasons for the existing situation is the formation of two separate aspects of the theory of human capital: regional and organizational. To remove the contradiction, an interest-oriented approach is offered, meaning that individual and group economic interests are recognized as primary, and the concepts of human capital and the methods of its measurement are secondary. A practical example of applying the interest-based approach is the proposed method of distribution of bonuses between the units of the organisation in proportion to the involved human capital.

Keywords: human capital; regional aspect; organizational aspect; interest-oriented approach.

Введение

Развитие концепции человеческого капитала и разработка на ее основе эффективных управленческих решений во многом зависят от преодоления противоречий в трактовке категории

«человеческий капитал» и связанных с нею понятий. До сих пор не создан безупречный метод измерения человеческого капитала. По этому поводу И. Соболева справедливо заметила: ни изошёренные представительские оценки, комбинирующие натуральные индикаторы образования, ни денежные оценки потока целенаправленных нематериальных инвестиций не в состоянии охватить все богатство разноплановых знаний, воплощенных в людях [9].

Различное толкование человеческого капитала можно встретить даже в пределах одной работы. Так в известном учебнике отмечается, что «экономисты называют уровень квалификации рабочих человеческим капиталом рабочей силы» [11, с. 295]. Далее на стр. 303 приводится определение, по которому «человеческий капитал есть мера воплощенной в человеке способности приносить доход. Человеческий капитал включает врожденные способности и талант, а также образование и приобретенную квалификацию» [11, с. 303]. А затем авторы возвращаются к упрощенному варианту: «Человеческий капитал – это квалификация и знания людей» [11, с. 658].

На наш взгляд, значительные расхождения во мнениях российских и зарубежных учёных относительно сущности и структуры человеческого капитала обусловлены тем, что развиваемые ими теории не обслуживают практическую реализацию конкретных, устойчивых экономических интересов какого-либо класса людей.

Первостепенное значение имеет не столько оценка общей величины человеческого капитала, сколько ответ на вопрос, как элементы человеческого капитала влияют на реализацию экономических интересов. Можно с уверенностью утверждать, что при одной и той же величине человеческого капитала двух экономических объектов, исчисленной по одной из современных методик, производительная сила этого капитала будет различной вследствие неодинаковой структуры, различного сочетания элементов человеческого капитала. Мы придерживаемся мнения, что при измерении человеческого капитала необходимо, прежде всего, применять интересо-ориентированный подход. Его суть состоит в том, что первичными являются конкретные индивидуальные и групповые экономические интересы, а

вторичными – представления о человеческом капитале и методах его измерения.

В связи с этим Б.В. Корнейчук и Н.Г. Иванова отмечают, что к настоящему времени сформировались два основных направления исследований в области измерения человеческого капитала: первое ориентировано на уровень отдельного предприятия и нацелено преимущественно на решение проблемы управления, второе – на решение макроэкономических проблем, имеющих политико-экономический характер [4].

Поэтому представляется актуальным сравнительный анализ регионального и организационного аспектов измерения и применения человеческого капитала. Различие между указанными аспектами кроются, прежде всего, в особенностях субъектов управления, в обслуживаемых интересах.

В региональном аспекте человеческий капитал пересекается с такими понятиями как «человеческое развитие» и «человеческий потенциал», поскольку основной интерес субъекта управления (органов власти региона) в силу приоритетов социально-экономической политики состоит в демонстрации положительных результатов формирования человеческого капитала.

В организационном аспекте человеческий капитал ассоциируется с рабочей силой, с человеческими ресурсами, с производственным потенциалом, с фактором производства, создающим добавленную стоимость. Ф. Тейлор в начале 20 в. утверждал, что главнейшей задачей управления предприятием должно быть обеспечение максимального прибыли для предпринимателя, в соединении с максимальным благосостоянием для каждого занятого в предприятии работника [10]. В связи с этим логичным представляется обеспечить право обладателя человеческого капитала на получение части дохода организации.

Результаты исследований

Наиболее распространены три основных подхода к измерению человеческого капитала:

- 1) натурально-вещественный, основанный на различных натуральных характеристиках человеческого капитала;
- 2) стоимостной, основанный на учете издержек, связанных с формированием человеческого капитала;
- 3) стоимостной, основанный на учете получаемых доходов от человеческого капитала.

В нашем исследовании использован первый подход, применяемый как в региональном, так и в организационном аспектах.

Натурально-вещественный подход, по мнению Т.А. Штерцера, предполагает

использование в качестве наиболее простых измерителей человеческого капитала так называемых прокси-переменных (переменные-заменители), отражающих уровень образования или уровень профессиональной подготовки индивидов [14].

Одним из приложений теории человеческого капитала к практике управления региональным развитием служит методика измерения регионального развития человеческого потенциала, пригодная для оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ [1]. Она позволяет, с одной стороны, оценивать относительный уровень развития человеческого потенциала, зависящий от социально-экономических условий региона; а с другой – измерять и анализировать абсолютную оценку человеческого потенциала.

Б.В. Корнейчук и Н.Г. Иванова предлагают учитывать два основных натурально-временных измерителя: интенсивность («ширина») и продолжительность («длина») человеческого капитала. Интенсивность человеческого капитала, по их мнению, должна определяться как произведение трёх показателей: удельного веса лиц с высшим образованием в численности занятых в регионе, удельного веса занятых в численности населения региона (уровень занятости) и средней ожидаемой продолжительности жизни при рождении в регионе. Продолжительность человеческого капитала, по мнению этих авторов, характеризует показатель численности населения. Соответственно объём человеческого капитала рассчитывается как произведение интенсивности (ширины) и продолжительности (длины) [4].

Если представлять размер человеческого капитала в форме объёмной модели, то кроме «ширины» и «длины» следовало обозначить и высоту. Оставляя функцию «длины» за численностью населения (количеством работников), мы предлагаем в качестве «высоты» показатель ожидаемой продолжительности трудовой деятельности (срок до окончания трудового договора), а в качестве «ширины» – показатель более точно, чем произведение удельного веса лиц с высшим образованием и удельного веса занятого населения, характеризующий производительную способность человеческого капитала. Более подробно этот вопрос мы рассмотрим применительно к организационному аспекту, а здесь заметим, что обследование населения по проблемам занятости, проводимое Росстатом, показывает, что высшее образование (очевидно в силу его

распространённости) не является чем-то особенным в характеристике человеческого капитала.

Более детальная натурально-вещественная оценка человеческого капитала возможна и релевантна с позиций работодателя. Кто может дать исчерпывающую объективную оценку умениям и способностям всех работников на отдельно взятом предприятии? Ответ на этот вопрос становится тем затруднительнее, чем более разнообразной и сложной является деятельность работников. Но очевидно, что наиболее точной оценки следует ожидать от линейного руководителя, обладающего обширными знаниями, опытом работы (в том числе по оценке подчинённых) и заинтересованного в объективном измерении.

Скорее всего, такой руководитель будет использовать свою шкалу для измерения функционального статуса подчинённых, характеризуя такие их качества как востребованность, (не) заменимость, соответствие стоящим перед подразделениям задачам, мотивированность и др.

Представляет интерес то, как формируется такая оценка у руководителя и возможно ли её формализовать, унифицировать в рамках реализуемой на предприятии политики. Не лишне заметить, что способности руководителя по оценке человеческого капитала подчинённых являются одной из важнейших составляющих его собственного человеческого капитала.

При рассмотрении проблемы измерения человеческого капитала, исходя из интересов работодателя, удобно использовать термин «функциональный статус работника».

Функциональный статус работника – это комбинация индивидуальных качеств обладателя человеческого капитала, интересующих работодателя.

Между терминами «функциональный статус» и «человеческий капитал» нельзя ставить знак равенства, поскольку:

1) не обязательно, что все знания, умения и способности, образующие человеческий капитал, будут востребованы работодателем или активированы работником;

2) работодатель (менеджер, руководитель) может быть не осведомлён в полной мере о человеческом капитале работника или о том, как задействовать этот капитал.

Функциональный статус представляет собой обобщающую оценку работодателем человеческого капитала работника. В литературе описаны два способа интеграции оценок отдельных характеристик человеческого капитала: аддитивный (оценки суммируются) [2, 3, 6, 7, 8] и

мультипликативный (оценки перемножаются) [12, 13]. Несмотря на большую популярность первого способа, мы полагаем, что второй способ позволяет более адекватно оценить полезность человеческого капитала для работодателя.

Заслуживает внимания формула, приводимая в работах Т.Р. Ханнановой:

$$ЧК = УО \times УЗ \times ДР \times ПЭ \quad (1)$$

где ЧК – человеческий капитал; УО – уровень образования; УЗ – уровень здоровья; ДР – деловая репутация работника; ПЭ – другой производный элемент человеческого капитала, который потенциально может быть выявлен.

Мы не разделяем мнения Т.Р. Ханнановой относительно элементов человеческого капитала, включенных в указанную формулу, но полностью согласны с общим подходом их к интеграции. Считаем также необходимым вычислять среднюю геометрическую из совокупности индивидуальных оценок. В противном случае любой дополнительный элемент человеческого капитала с оценкой <1 будет уменьшать общую оценку функционального статуса работника, а с >1 – увеличивать.

Так, если воспользоваться формулой (1) для оценки человеческого капитала работника при оценках элементов УО = 0,9; УЗ = 0,8; ДР = 0,9, то будет получен результат ЧК = 0,9 × 0,8 × 0,9 = 0,648. Введение

дополнительного элемента, например степени мотивированности исполнителя МИ = 0,95 даже при такой высокой оценке этого элемента приведёт к уменьшению интегральной оценки человеческого капитала: ЧК = 0,9 × 0,8 × 0,9 × 0,95 = 0,616.

Поэтому, если человеческий капитал одних работников будет оцениваться по трём элементам, а других по четырём, оценки для вторых будут, как правило, более низкими.

Исправить ситуацию позволяет процедура вычисления средней геометрической. В первом случае средняя геометрическая составит

$$ЧК = \sqrt[3]{0,9 \times 0,8 \times 0,9} = 0,865,$$

во втором –

$$ЧК = \sqrt[4]{0,9 \times 0,8 \times 0,9 \times 0,95} = 0,886.$$

Таким образом, мы предлагаем следующую общую формулу расчёта уровня функционального статуса работника

$$\Phi Cp = \sqrt[m]{E_1 \times E_2 \times \dots \times E_m}, \quad (2)$$

где ΦCp – уровень функционального статуса работника;

E_i – оценка i -го элемента функционального статуса работника. Удобнее всего использовать для каждого элемента шкалу от 0 до 1.

Возможный перечень оцениваемых элементов человеческого капитала представлен в табл. 1.

Таблица 1

Оценка функционального статуса работников предприятия

Table 1

Evaluation of the functional status of employees

Характеристики работника	Работники			
	1	2	...	n
Незаменимость на предприятии	0,75	0,71		0,73
Соответствие задачам подразделения	0,95	0,84		0,90
Мотивированность	0,73	0,86		0,82
Выполнение заданий	0,96	0,97		0,95
Обучаемость (способность к обучению)	0,89	0,90		0,93
Интенсивность труда	0,92	0,93		0,87
Взаимодействие в команде	0,87	0,91		0,94
Итого (ΦCp)	0,863	0,871		0,874

Средний уровень ΦCp по группе работников или по предприятию в целом может быть рассчитан по формуле средней арифметической

$$\Phi Cp = \frac{\sum \Phi Cp}{n}. \quad (3)$$

Измерение функционального статуса отдельного работника всегда основывается на сравнении качеств этого работника с характеристиками других людей. ΦCp представляет собой относительную оценку, которая может измениться при неизменности абсолютного «количества» знаний и умений работника,

например в силу того, что со временем умения и способности других работников прирастут или изменится состав трудового коллектива. Поэтому взаимодействие индивидуальных капиталов будет находить отражение в изменении оценок функционального статуса работников.

Средний уровень функционального статуса работников, а также средний срок до окончания трудового договора и показатель численности работников позволяют построить объёмную модель, характеризующую размер человеческого капитала, задействованного на предприятии (рис. 1).

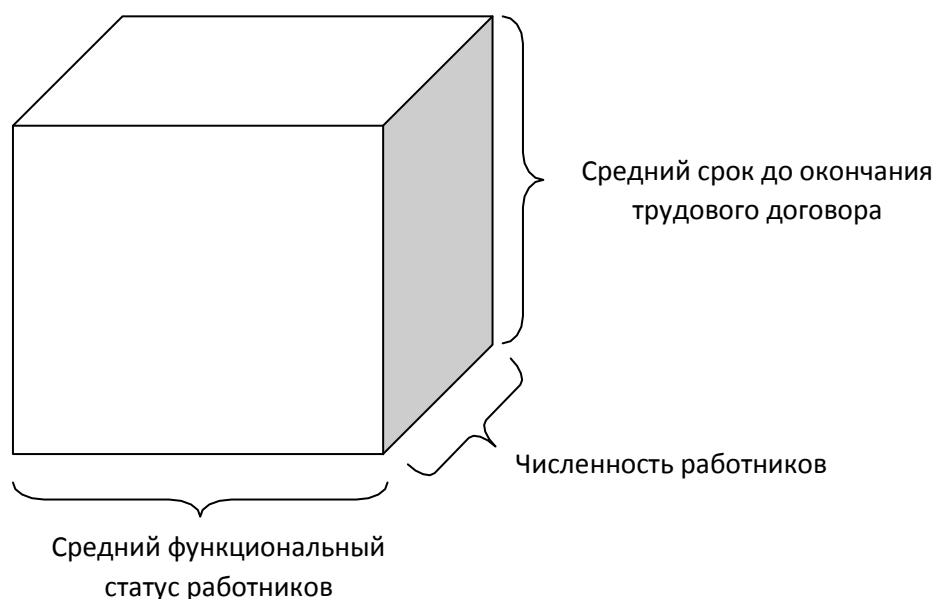

Рис. 1. Объёмная модель человеческого капитала предприятия
Fig. 1. Three-dimensional model of the human capital of the enterprise

То есть объёмная модель человеческого капитала предприятия предполагает, что он определяется формулой

$$HCE = \overline{\Phi Cp} \times \overline{ЧР} \times \overline{СД}, \quad (4)$$

где HCE – человеческий капитал, задействованный на предприятии, чел. · лет;

$\overline{\Phi Cp}$ – средний функциональный статус работников;

$\overline{ЧР}$ – численность работников, чел.;

$\overline{СД}$ – средний срок до окончания трудового договора, лет. $\overline{СД} = \frac{\sum СД}{n}$.

Учет времени – сроков до окончания трудовых договоров имеет значение, если собственники и менеджеры преследуют долгосрочные цели развития предприятия, развит рынок труда, а работники мобильны.

Таким образом, объёмная модель, учитывающая различные взаимодействующие элементы функционального статуса работников, а также условия трудовых договоров, наиболее адекватно характеризует натурально-вещественную сторону человеческого капитала, задействованного на предприятии.

Эта модель применима при распределении премий по итогам года. Учитывая роль человеческого капитала в формировании доходов предприятия, целесообразно распределять часть прибыли (премиальный фонд) пропорционально

применяемому человеческому капиталу. Мы предлагаем распределять эту часть прибыли в виде дивидендных фондов между подразделениями предприятия с учетом величины применяемого человеческого капитала. Предоставлять фонды следует в трёх номинациях: а) за достигнутый средний уровень человеческого капитала; б) за положительный абсолютный прирост человеческого капитала подразделения (ЧКП); в) за положительный относительный прирост человеческого капитала подразделения. Соответственно, общий объём фондов (V) следует разделить на три равные части:

$$V = V1 + V2 + V3, \quad (5)$$

где $V1$ – объём фондов к распределению между подразделениями за достигнутый средний уровень развития человеческого капитала;

$V2$ – объём фондов к распределению между подразделениями за положительный абсолютный прирост человеческого капитала подразделения (ЧКП);

$V3$ – объём фондов к распределению между подразделениями за положительный относительный прирост человеческого капитала подразделения.

Достигнутый средний уровень человеческого капитала предлагаем рассчитывать с учетом показателей, представленных в табл. 2, по следующей формуле

$$УЧК = \overline{\Phi Cp} \times \overline{СД}. \quad (6)$$

Таблица 2

Основные показатели измерения человеческого капитала

Table 2

The main indicators measuring the human capital

Основные компоненты человеческого капитала	Критериальные индивидуальные показатели	Формула расчета индивидуального показателя	Формула расчета группового показателя
Функциональный статус (ΦCp)	Незаменимость на предприятии (E_1); Соответствие задачам подразделения (E_2); Мотивированность (E_3); Выполнение заданий (E_4); Обучаемость (способность к обучению) (E_5); Интенсивность труда (E_6); Взаимодействие в команде (E_7)	$\Phi Cp = \sqrt[m]{E_1 \times E_2 \times \dots \times E_m}$, где ΦCp – уровень функционального статуса работника; E_i – оценка i -го элемента функционального статуса работника, коэффициент.	Средний уровень ΦCp по группе работников или по предприятию в целом может быть рассчитан по формуле средней арифметической $\overline{\Phi Cp} = \frac{\sum \Phi Cp}{n}$ где n – численность работников в подразделении или на предприятии.
Ожидаемая продолжительность периода будущей трудовой деятельности на предприятии (CD)	Срок до окончания трудового договора (T), лет; Вероятность досрочного увольнения работника (P), коэффициент; Коэффициент использования календарного фонда времени за последние три года (K). $K = \Phi / B$, где Φ – фактически отработанное время, дней; B – календарный фонд рабочего времени, дней.	$CD = T \times P \times K$	$\overline{CD} = \frac{\sum CD}{n}$

Фондополучателем за достигнутый уровень человеческого капитала является любое подразделение, показатель которого выше, чем в среднем по предприятию.

Средний уровень достигнутого уровня человеческого капитала по предприятию соотносится со средними показателями по подразделениям в соответствии с формулой

$$УЧК_{предпр} = \frac{\sum УЧК_j \times ЧР_j}{ЧР_j}, \quad (7)$$

где $УЧК_j$ – средний достигнутый уровень человеческого капитала по j -ому подразделению; $ЧР_j$ – численность работников в j -ом подразделении, чел.

Размер фонда для i -го подразделения следует определять по формуле:

$$\Gamma 1_i = V 1 \times \frac{УЧК_i^+}{\sum УЧК^+}, \quad (8)$$

где $УЧК_i^+$ – средний достигнутый уровень человеческого капитала в i -ом подразделении, превышающий средний уровень в целом по предприятию;

$\sum УЧК^+$ – сумма уровней человеческого капитала в подразделениях, превышающих средний уровень человеческого капитала в целом по предприятию.

Фондополучателем за положительный абсолютный прирост человеческого капитала является любое подразделение, в котором за отчётный период имел место прирост $\Delta ЧКП^+$, т.е. при $ЧКП_i > ЧКП_{t-1}$

$$\Delta ЧКП^+ = ЧКП_i - ЧКП_{t-1} \quad (9)$$

где $ЧКП_i$ – человеческий капитал подразделения за отчётный период;

$ЧКП_{t-1}$ – человеческий капитал подразделения за базисный период.

Размер фонда для подразделения за положительный абсолютный прирост человеческого капитала ($\Delta ЧКП$) предлагаем определять по формуле:

$$\Gamma 2 = V 2 \times \frac{\Delta ЧКП_j^+}{\sum \Delta ЧКП^+}, \quad (10)$$

где $\Delta ЧКП^+$ – абсолютный положительный прирост человеческого капитала в j -ом подразделении предприятия;

$\sum \Delta ЧКП^+$ – сумма абсолютных приростов человеческого капитала по совокупности подразделений, достигших за отчётный период положительного прироста человеческого капитала.

Фондополучателем за положительный относительный прирост человеческого капитала является любое подразделение, в котором за отчётный период достигнут прирост $\Delta ЧКП^+$. Относительный положительный прирост ЧП имеет место, если $ЧКП_i > ЧКП_{t-1}$, и определяется по формуле

$$\Delta ЧКП^+ = \frac{ЧКП_i - ЧКП_{t-1}}{ЧКП_{t-1}} \quad (11)$$

Состав фондополучателей по второй и третьей номинации совпадает (за абсолютный и относительный прирост $ЧКП$), однако суммы предоставляемых фондов в большинстве случаев будут различными, поскольку абсолютное значение одного прироста $ЧКП$ заметно варьирует среди подразделений в силу различных причин.

Размер фонда для подразделения за положительный относительный прирост человеческого капитала предлагаем определять по формуле:

$$\Gamma 3 = V 3 \times \frac{\Delta ЧКП_j^+}{\sum \delta ЧКП_j^+}, \quad (12)$$

где $\Delta ЧКП_j^+$ – относительный положительный прирост человеческого капитала в j -ом подразделении;

$\sum \delta ЧКП^+$ – сумма относительных положительных приростов человеческого капитала в подразделениях предприятия.

Общая схема распределения дивидендных фондов между подразделениями с учетом применяемого человеческого капитала представлена на рис. 2.

<p>Блок 1. Измерение человеческого капитала подразделения</p>	
<p>Блок 2. Сравнение подразделений по уровню УЧК</p>	<p>Построение рейтинга подразделений по величине УЧК Формирование перечня подразделений с уровнем УЧК выше среднего</p>
<p>Блок 3. Оценка динамики человеческого капитала подразделений</p>	<p>Абсолютный прирост человеческого капитала подразделений вычисляется по формуле $\Delta\text{ЧКП}_i = \text{ЧКП}_{it} - \text{ЧКП}_{it-1}$</p> <p>Относительный прирост человеческого капитала подразделений – по формуле $\Delta\text{ЧКП}_i = (\text{ЧКП}_{it} - \text{ЧКП}_{it-1}) : \text{ЧКП}_{it-1}$</p>
<p>Блок 4. Расчет сумм дивидендных фондов для подразделений</p>	<p>Сумма фонда за достигнутый уровень УЧК вычисляется по формуле $\Gamma_{1i} = V1 \times \text{УЧК}_i^+ : \Sigma \text{УЧК}^+$;</p> <p>за положительный абсолютный прирост человеческого капитала – по формуле $\Gamma_{2i} = V2 \times \Delta\text{ЧКП}_i^+ : \Sigma \Delta\text{ЧКП}^+$;</p> <p>за положительный относительный прирост человеческого капитала – по формуле $\Gamma_{3i} = V3 \times \Delta\text{ЧКП}_i^+ : \Sigma \Delta\text{ЧКП}^+$,</p> <p>где V1, V2 и V3 – общие суммы фондов, подлежащие распределению между подразделениями с учетом применяемого человеческого капитала.</p>

Рис. 2. Схема распределения дивидендных фондов между подразделениями с учетом применяемого человеческого капитала

Fig. 2. The scheme of distribution of dividend funds between departments taking into account the applied human capital

Заключение

Отличительной особенностью регионального аспекта является унификация измерений человеческого капитала, позволяющая сопоставлять результаты социально-экономического развития регионов. Измерения (показатели) подбираются таким образом, чтобы при минимальной потере информативности

обеспечить возможность их оценки по каждому региону.

Измерение человеческого капитала в организационном аспекте отличает автономность и индивидуальность. Каждая организация вправе разрабатывать и применять свои методы оценки человеческого капитала. Такого рода разработки являются по своей сути организационными

инновациями и могут быть объектом коммерческой тайны.

Преодолеть противоречия между региональным и организационным аспектами человеческого капитала позволяет интересо-ориентированный подход, суть которого состоит в том, что первичными признаются конкретные индивидуальные и групповые экономические интересы, а вторичными – представления о человеческом капитале и методах его измерения. Примером практического применения интересо-ориентированного подхода служит предлагаемая методика распределения премиального фонда организации между подразделениями пропорционально задействованному человеческому капиталу.

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: authors have no conflict of interests to declare.

Список литературы

1. Аничин, В. Л., Тимофеев, И. Ю. Методические подходы ПРООН в российской практике: возможности совершенствования // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. 2013. № 4. С. 28-31.
2. Арькова, О. О. Количественное выражение регионального человеческого капитала на современном этапе развития Волгоградской области // Среднерусский вестник общественных наук. 2012. № 1. С. 40-51.
3. Васильева, А. Н. К вопросу об оценке уровня развития человеческого капитала организации // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2010. № 5. С. 110-114.
4. Корнейчук, Б. В., Иванова, Н. Г. Метод нестоимостной оценки человеческого капитала // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. 2012. Т. 6. № 161. С. 226-233.
5. Курчеева, Г. И., Кадыкова, Н. П. Разработка методики оценки инвестиций в человеческий капитал организации // Вестник Академии. 2011. № 4. С. 53-56.
6. Лосева, О. В. Методика оценки состояния и анализа динамики развития человеческого интеллектуального капитала в организации // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. 2009. № 16. С. 75-81.
7. Оболенский, В. К. Оценка человеческого капитала логистической компании // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2011. № 28. С. 139-146.
8. Светлакова, Н. А., Палкина, С. О. Методика оценки человеческого капитала в аграрном секторе

экономики // Аграрный вестник Урала. 2012. № 6. С. 101-103.

9. Соболева, И. Парадоксы измерения человеческого капитала // Вопросы экономики. 2009. № 9. С. 51-70.

10. Тейлор, Ф.У. Принципы научного менеджмента /Пер. с англ. А.И. Зак. – М.: Контроллинг, 1991. 104 с.

11. Фишер, С., Дорнбуш, Р., Шмалензи, Р. Экономика. – М.: «Дело ЛТД», 1995.

12. Ханнанова, Т. Р. Деловая репутация работника как элемент его человеческого капитала // Креативная экономика. 2009. № 3 (27). С. 44-48.

13. Ханнанова, Т. Р. Человеческий капитал АПК и его составные элементы URL: http://catalog-statei.ru/view_article.php?id=404

14. Штерцер, Т. А. Роль человеческого капитала в экономическом развитии регионов РФ // Вестник НГУ. Серия: Социально-экономические науки. 2006. Том 6. выпуск 2. С. 37-50.

References

1. Anichin, V. L., Timofeev, I. Yu. Methodological approaches of UNDP in the Russian practice: opportunities for improvement // Vestnik of Kursk State Agricultural Academy. 2013. № 4. Pp. 28-31. Russian.
2. Arkova, O. O. Quantitative expression of the regional human capital at the present stage of development of the Volgograd region // Srednerusskiy vestnik obschestvennykh nauk. 2012. № 1. Pp. 40-51. Russian.
3. Vasileva, A. N. To the question of assessment of the level of the human capital development in the organization // Izvestiya Irkutskoy gosudarstvennoy ekonomicheskoy akademii. 2010. № 5. Pp. 110-114. Russian.
4. Korneychuk, B. V., Ivanova, N. G. The method of non-monetary valuation of the human capital // St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Economics. 2012. V. 6. № 161. Pp. 226-233. Russian.
5. Kurcheeva, G. I., Kadyikova, N. P. Development of methods of evaluation of investment in the human capital of the organization // Vestnik Akademii. 2011. № 4. Pp. 53-56. Russian.
6. Loseva, O. V. Methods of assessment and analysis of the dynamics of the human intellectual capital in the organization // Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.G. Belinskogo. 2009. № 16. Pp. 75-81. Russian.
7. Obolensky, V. K. Evaluation of the human capital in the logistic company // Sborniki konferentsiy NITs Sotsiosfera. 2011. № 28. Pp. 139-146. Russian.
8. Svetlakova, N. A., Palkina, S.O. Methods of assessment of human capital in the agricultural sector // Agrarnyy vestnik Urala. 2012. № 6. Pp. 101-103. Russian.
9. Soboleva, I. Paradoxes of measurement of the human capital // Voprosy ekonomiki. 2009. № 9. Pp. 51-70. Russian.

10. Taylor, F. W. The Principles of Scientific Management / Per. s angl. A.I. Zak. – M.: Kontrolling, 1991. 104 p. Russian.

11. Fisher, S., Dornbush, R., Shmalenzi, R. Economics. M.: «Delo LTD», 1995. Russian.

12. Hannanova, T. R. Business reputation of an employee as an element of his/her human capital // Kreativnaya ekonomika. 2009. № 3 (27). Pp. 44-48. Russian.

13. Hannanova, T. R. The human capital in the agricultural sector and its component elements URL: http://catalog-statei.ru/view_article.php?id=404 . Russian.

14. Shtertser, T. A. The role of the human capital in the economic development of regions of the Russian Federation // Vestnik NGU. Seriya: Sotsialno-ekonomicheskie nauki. 2006. Vol 6, issue 2. Pp. 37-50. Russian.

Аничин Владислав Леонидович, профессор,
доктор экономических наук, профессор
Дорофеев Андрей Федорович, доцент, кандидат
педагогических наук, доцент
Желябовский Александр Юрьевич, аспирант

Vladislav L. Anichin, Professor, Doctor of
Economic Sciences, Professor
Andrey F. Dorofeev, Associate Professor, PhD in
Pedagogical Sciences, Associate Professor
Alexander Y. Zhelyabovskiy, Postgraduate Student

УДК 338.242.2

DOI: 10.18413/2409-1634-2017-3-2-40-45

Лазарева А.В.

**ПРОЦЕССНЫЙ ПОДХОД К ФОРМИРОВАНИЮ
УЧЕТНО-АНАЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ И УПРАВЛЕНИЮ
ДЕНЕЖНЫМИ ПОТОКАМИ ХОЛДИНГОВОЙ СТРУКТУРЫ**

ул. Половинко, д.39, г.Батайск, Ростовская область, 346880, Россия, a.lazarewa2010@yandex.ru

Аннотация

В ходе осуществления управленческой деятельности в холдинговой структуре организация сталкивается со сложностью определения внутренних и внешних процессов внутри группы и во вне, направлений движения денежных потоков. В этой связи наиболее привлекательным с точки зрения эффективности, объема предоставляемой информации, а также мобильности информации выступает процессный подход к управлению. Процессный подход к управлению бизнес-процессами предполагает представление деятельности в виде взаимосвязанных фактов, действий, процессов, непрерывное выполнение управленческих операций. Отличие процессного подхода от функционального в управлении организацией заключается в ориентировании управленческого процесса не на структуру организации и выполняемые ею функции, а на производственно-хозяйственные и финансовые процессы. Преимуществом данного подхода является ориентирование на конечный продукт деятельности, тогда как недостатком – отсутствие должного внимания к комплексным функциям деятельности, что будет значительно усложнять управленческий процесс.

Ключевые слова: холдинговая структура; управление; денежные потоки; процесс.

Anna V. Lazareva

**PROCESS APPROACH TO THE FORMATION OF THE ACCOUNTING-
ANALYTICAL SYSTEM AND MANAGEMENT
OF CASH FLOW OF THE HOLDING STRUCTURE**

39 Polovinko St., Bataysk, Rostovskaya obl., 346880, Russia, a.lazarewa2010@yandex.ru

Abstract

In the course of management activities in the holding structure, the organization faces the difficulty of defining internal and external processes within the group and beyond, the direction of cash flow. In this connection, a process approach to management is the most attractive from the point of view of efficiency, the volume of information provided, and also the mobility of information. The process approach to managing business processes involves the presentation of activities in the form of interrelated facts, actions, processes, continuous execution of management operations. The difference between the process approach and the functional approach in the management of an organization is the orientation of the managerial process not to the structure of the organization and the functions it performs, but to production and economic and financial processes. The advantage of this approach is the orientation to the end product of the activity, while the disadvantage is the lack of proper attention to the complex functions of the activity, which will significantly complicate the management process.

Keywords: holding structure; management; cash flow; process.

Управление организацией в целом и денежными потоками организации в частности предполагает возникновение множества сложных вопросов, часть которых возможно решить с помощью внедрения процессного подхода к управлению. Вопросами разработки данного подхода занимаются следующие ученые: Бубнов С.А., Карамов Р.М., Вишняков О.Л., Крохин В.В. [1; 2; 3] Но, несмотря на наличие разработок относительно процессного подхода, следует

отметить, что данная область знания еще недостаточно изучена, особенно вопросы, касающиеся внедрения процессного подхода к управлению денежными потоками, что требует ее более подробного изучения.

Процессный подход к управлению предполагает наличие функций управления, следующих друг за другом и составляющих тем самым непрерывный эффективный управленческий процесс. Процессный подход к управлению

предполагает определение процессов совершения действий, то есть управление бизнес-процессами организации, ориентирование управленческого процесса на заказчика продукта, возможность представления деятельности организации в виде структуры взаимосвязанных бизнес-процессов.

Управление денежными потоками на основе процессного подхода включает в себя следующие управленческие функции:

1. разработка системы показателей деятельности организации на основе аналитических процедур по вопросам привлекательности инвестиционного проекта, увеличения доли занимаемого сегмента рынка, продвижения нового продукта, обеспечения рентабельности;

2. составление плана поступлений и платежей по источникам, направлениям, рынкам, структурным подразделениям;

3. определение взаимозависимости центра ответственности и разработанного показателя;

4. формирование бюджетов и управленческой отчетности, в которой найдут отражение разработанные показатели и источники их образования;

5. анализ исполнения бюджета на основе фактических данных.

Для повышения эффективности управленческого процесса в организации следует разработать и внедрить методику управления денежными потоками на основе процессно-ориентированного подхода, которая будет включать следующие шаги:

1. определение процессов, происходящих с денежными потоками;

2. подробное изучение, установление причинно-следственных связей, анализ процессов с денежными потоками, их наглядное отражение, документирование;

3. определение критериев повышения эффективности взаимодействия разнонаправленных, одновременных денежных потоков (в разрезе признаков: географического, временного, инвестиционного проекта, продукта, рынка сбыта, группы потребителей и прочие);

4. перераспределение процессов с денежными потоками по результатам проведенных исследований, корректировка управленческого процесса;

5. постановка учетно-аналитической системы финансов организации.

Процессный подход к управлению денежными потоками усложняется в холдинговой структуре в связи со сложной организационной структурой, наличием значительного числа процессов как финансовых, так и

производственных, снабженческо-сбытовых, взаимозависимых видов деятельности, большого числа сотрудников, подразделений, контрагентов. В результате произошедшего изменения с каким-либо одним процессом в холдинговой структуре происходит изменение со всеми взаимосвязанными процессами и так далее, что влечет за собой значительные изменения со всей структурой организации.

В ходе организации управления денежными потоками в холдинговой структуре неизбежен вопрос постановки учета как одного из основных информационных источников. Базовым видом учета в данном случае будет являться бухгалтерский финансовый учет, этапы осуществления которого в холдинговой структуре будут следующими:

- 1) подготовка персонала холдинга для формирования необходимых данных;

- 2) разработка плановой идеальной модели функционирования холдинга и входящих в его состав дочерних организаций;

- 3) сбор требуемой учетно-аналитической информации о бизнес-процессах, сравнение полученных данных с утвержденной моделью, выявление проблем и их анализ;

- 4) регламентация финансовых и производственно-хозяйственных процессов холдинга;

- 5) управление бизнес-процессами.

Методика бухгалтерского финансового учета денежных потоков холдинговой структуры на основе процессного подхода включает в себя следующие составляющие:

- 1) сбор информации о процессах дочерних организаций холдинга, движении денежных средств, составление информационных карт о деятельности организации;

- 2) группировка, консолидация и анализ учетной информации, составление аналитических отчетов по результатам полученных данных;

- 3) проверка полученных данных на предмет соблюдения нормативного законодательства, правильности и законности применения внутренних локальных актов;

- 4) формирование консолидированных отчетных форм и отчетов по каждой организации, сопоставление данных в ретроспективе, выявление положительных и отрицательных тенденций функционирования организации, размещения денежных средств, использования материальных затрат, результатов инвестирования денежных средств;

- 5) корректировка полученных данных с учетом выявленных положительных тенденций, планируемых показателей, проектов, достижений.

Одной из наиболее привлекательных, информативных, оперативных учетных систем организации является система бухгалтерского управленческого учета. Методика внедрения

бухгалтерского управленческого учета также предусматривает применение традиционного и процессного методов, сравнительная характеристика которых приведена в таблице 1.

Таблица 1

Характеристика методов постановки и ведения бухгалтерского управленческого учета в организациях

Table 1

Characteristics of the methods of arranging and maintaining accounting management in organizations

Критерий сравнения	Традиционный метод	Процессный метод
Область применения	В учете, управлении, бюджетировании коммерческой организацией	
Целевая направленность метода учета	Элементная	Процессная
Способ формирования информации	Поэлементно	По процессно
Преимущества	Формирование точной информации	Возможность калькулирования себестоимости продукции по процессно; снижение величины накладных расходов; повышение эффективности классификации расходов организации; доскональное изучение производственно-хозяйственных процессов, происходящих в организации; мобильность формирования данных
Недостатки	Большой удельный вес накладных расходов; низкая мобильность; получение информации о прошлых периодах без возможности планирования	Значительная трудоемкость метода; сложность сопоставимости управленческих данных; необходимость разработки отчетных и промежуточных форм; отсутствие нормативного регулирования учета; значительное количество допущений, плановые данные

Методика бухгалтерского управленческого учета денежных потоков холдинговой структуры на основе процессного подхода включает следующие составляющие:

1) составление плана финансовых показателей холдинга, прогнозирование направлений денежных потоков в разрезе организаций группы, проектов, холдинга в целом, выявленных внешних факторов воздействия, вероятных рисков;

2) сбор учетной и аналитической информации о бизнес-процессах холдинга, бизнес-единицах структуры, направлениях их деятельности, направлениях денежных потоков холдинга, занимаемых конкурентных нишах;

3) консолидация информации, составление на ее основе стандартных бухгалтерских и разработанных холдингом управленческих отчетных форм;

4) сопоставление полученных управленческих данных с запланированными, выявление

расхождений, причин их возникновения, потенциальных рисков, в особенности относительно финансового положения холдинга и входящих в его состав организаций;

5) внесение корректировок в планируемые управленческие показатели финансовой политики холдинга, разработка прогнозных данных относительно денежных потоков, разработка и принятие управленческой политики холдинга с учетом выявленных тенденций, внешних и внутренних факторов воздействия, прогнозных бизнес-процессов холдинга.

Внедрение приведенной методики бухгалтерского управленческого учета денежных потоков позволит систематизировать управленческие данные, рассмотреть бизнес-процессы в совокупности, что повысит эффективность их осуществления, внедрения новых инвестиционных проектов.

Методика осуществления бухгалтерского управленческого учета в холдинговой структуре

связана с системой учетно-аналитического обеспечения. В таблице 2 представлена взаимосвязь основных этапов методики

бухгалтерского управленческого учета денежных потоков организации с системой учетно-аналитического обеспечения.

Таблица 2

Взаимосвязь методики бухгалтерского управленческого учета денежных потоков с учетно-аналитическим обеспечением холдинговой структуры

Table 2

Interrelation of the methodology of accounting management of cash flows with the accounting and analytical support of the holding structure

Этапы методики организации бухгалтерского управленческого учета	Характеристика этапа	Взаимосвязь этапа методики бухгалтерского управленческого учета с учетно-аналитическим обеспечением
Составление развернутой картины деятельности холдинговой структуры	Информация предоставляется в разрезе производственных процессов, инвестиционных проектов, направлений движения финансовых, материальных, трудовых ресурсов, определяются центры ответственности, прибыли, затрат	Сбор учетной информации о деятельности холдинга, дочерних организаций; группировка, консолидация учетных данных; определение критериев сопоставимости данных, отчетных показателей
Аналитические процедуры выявленных особенностей функционирования холдинговой структуры	Подробный анализ выявленных особенностей холдинга, осуществляемых процессов с конкретными вариантами внедрения управленческих решений, постановки управленческого учета, определением затратной части внедрения	Анализ полученных данных; определение тенденций развития
Выбор оптимального варианта постановки управленческого учета	Выбор из приведенных вариантов внедрения наиболее подходящего варианта постановки управленческого учета применительно к особенностям функционирования холдинговой структуры	Формирование плановых нормативных показателей; корректировка текущей финансовой ситуации в соответствии с запланированными показателями
Непосредственное внедрение управленческого учета в холдинговой структуре	Осуществление практического внедрения управленческого учета в холдинге, включающее обучение персонала, непосредственный учет данных, разработку и формирование отчетных форм	Осуществление внедрения системы учетно-аналитического обеспечения с учетом плановых показателей

В ходе осуществления бухгалтерского управленческого учета в качестве одного из наиболее методов учетно-аналитического обеспечения применяется метод бюджетирования, который претерпевает значительные изменения в холдинговой структуре в связи с наличием процесса консолидации данных в холдинге. В

связи с этим следует рассмотреть особенности взаимосвязи процесса бюджетирования и консолидации информации о денежных потоках в холдинговой структуре. Результаты исследования нашли отражение в таблице 3.

Таблица 3

Взаимосвязь особенностей консолидации с процессом формирования бюджета денежных потоков холдинговой структуры

Table 3

Interrelation of consolidation peculiarities with the process of budget formation of cash flows of the holding structure

Особенности консолидации	Этапы бюджетирования	Управленческие уровни
Отсутствие общих принципов формирования бюджетов всех организаций в составе холдинговой структуры	Разработка и внедрение унифицированной методологии бюджетирования	Направления деятельности холдинга
Консолидирование данных о денежных потоках, формирование единого бюджета осуществляется в рамках холдинга, в который входит множество организаций, деятельность ведется в различных отраслях экономики, дочерние компании имеют различные структурные особенности, состав затратной части	Определение консолидируемого перечня организаций, участвующих в процессе составления единого бюджета	Холдинговая структура
Мобильность холдинговой структуры предусматривает значительные изменения в организационной структуре, направлениях деятельности, инвестиционных проектах, занимаемых холдингами сегментах рынков	Разработка методики формирования бюджета с возможными вариантами внесения корректировок в связи с возникновением указанных изменений	
Наличие внутригрупповых операций, необходимость проведения процедур элиминирования данных	Разработка методики формирования бюджета с возможными вариантами внесения корректировок в связи с возникновением указанных изменений	
Потребность в наличии оперативного плана движения денежных потоков холдинга	Отслеживание положительного и отрицательного денежных потоков в разрезе дочерних организаций	Холдинговая структура в разрезе структурных подразделений
Составление прогноза потребностей в денежных средствах на каждом уровне холдинга и в холдинговой структуре в целом	Контроль отрицательного денежного потока, проведение аналитических процедур направлений движения денежных потоков	

В ходе исследования было установлено, что применение процессного подхода к управлению денежными потоками организации позволит определить доходность каждого производственно-хозяйственного процесса, осуществить перераспределение денежных потоков внутри организации на основе принципа повышения прибыльности проекта, провести корректировку проекта, гармонизировать денежные притоки и оттоки и соотнести их с производственно-хозяйственными процессами внутри организации. Кроме того, рассмотрена методика бухгалтерского управленческого учета денежных потоков холдинговой структуры на основе процессного

подхода, применение которой позволит минимизировать затраты организации, повысить эффективность изготавливаемых продуктов, проектов, решений. В силу наличия значительных особенностей холдинговых структур, в частности в отношении потребности в консолидации информации организаций группы, требуется рассмотреть особенности консолидации и их взаимосвязь с процессом формирования бюджета денежных потоков холдинговой структуры, что позволит более полно использовать управленческий потенциал холдинга, корректировать денежные потоки внутри группы и во вне.

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: authors have no conflict of interests to declare.

Список литературы

1. Бубнов, С. А. Процессное управление компанией // Корпоративный менеджмент. URL: http://www.cfin.ru/management/strategy/proc_business_model.shtml (дата обращения 19.04.2017)
2. Вишняков, О. Л., Крохин, В.В. Основные понятия теории процессного управления. URL: <http://www.pmteam.ru/upload/image/article4.pdf> (дата обращения 19.04.2017)
3. Гапоненко, А. Л. Стратегическое управление: учебник / А.Л. Гапоненко А.П. Панкрухин. М.: Омега-Л, 2004. 472с.
4. Ивлев, В., Ивлев, К., Попова, Т. Что такое функционально-стоимостной анализ. URL: http://www.cfin.ru/management/what_is_abc.shtml (дата обращения: 29.06.2016).
5. Карамов, Р. М. Процессное управление. Система управления строительным предприятием. URL: http://elar.ufrfu.ru/bitstream/10995/35656/1/fti_2015_51.pdf (дата обращения 19.04.2017)
6. Клишевич, Н. Н. Современный инструментарий управленческого анализа // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2011. №4. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyy-instrumentariy-upravlencheskogo-analiza> (дата обращения: 31.05.2016).
7. Сваталова, Ю. С. Методы анализа эффективности управления финансовыми потоками холдингов / Ю.С.Сваталова. Электронно-правовая система «Консультант-Плюс». Бухучет в строительных организациях. 2012. № 7.
8. Холдинги: правовое регулирование и корпоративное управление: Научно-практ. издание / И.С. Шиткина. М.: Волтерс Клувер, 2009. 648с.
9. Чая, В. Т., Чупахина, Н. И. Система бюджетирования и управленческая отчетность в агрохолдингах / В.Т. Чая, Н.И. Чупахина. Электронно-правовая система «Консультант-Плюс». Экономический анализ: теория и практика. 2008. № 14.
10. Юрьева, Л.В. Особенности формирования системы стратегического управленческого учета в металлургических холдингах / Л.В. Юрьева. Электронно-правовая система «Консультант-Плюс». Экономический анализ: теория и практика. 2008. №18.

References

1. Bubnov, S. A. Process management in the company // Corporate management. URL: http://www.cfin.ru/management/strategy/proc_business_model.shtml (date of access: April 19, 2017). Russian.
2. Vishnyakov, O. L., Krokhin, V. V. Basic concepts of the theory of process management. URL: <http://www.pmteam.ru/upload/image/article4.pdf> (date of access: April 19, 2017). Russian.
3. Gaponenko, A. L. Strategic management: textbook / A. L. Gaponenko, A. P. Pankrukhin. M.: Omega-L, 2004. 472 p. Russian.
4. Ivlev, V., Ivlev, K., Popova, T. What is a cost-benefit analysis. URL: http://www.cfin.ru/management/what_is_abc.shtml (date of access: June 29, 2016). Russian.
5. Karamov, R. M., Process management. The system of construction enterprise management. URL: http://elar.ufrfu.ru/bitstream/10995/35656/1/fti_2015_51.pdf (date of access: April 19, 2017). Russian.
6. Klishevich, N. N. Modern tools of management analysis // Business in law. Economic-legal journal. 2011. №4. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyy-instrumentariy-upravlencheskogo-analiza> (date of access: May 31, 2016). Russian.
7. Svatolova, Y. S. Methods of analysis of efficiency of management of financial flows of holdings / Y. S. Svatolova. The electronic legal system «Consultant Plus». Accounting in construction organizations. 2012. No 7. Russian.
8. Holdings: legal regulation and corporate governance: Nauchno-prakt. izd. / I. S. Shitkina. M.: Wolters Kluwer, 2009. 648 p. Russian.
9. Chaya, V. T., Chupakhina, N. The system of budgeting and management accounting in agricultural holdings / V. T. Chaya, N.I. Chupakhina. The electronic legal system «Consultant Plus». Economic analysis: theory and practice. 2008. No 14. Russian.
10. Yurieva, L. V. Features of developing a system of strategic management accounting in the metallurgic holdings / L. V. Yuriev. The electronic legal system «Consultant Plus». Economic analysis: theory and practice. 2008. No. 18. Russian.

Лазарева Анна Владимировна, кандидат экономических наук, главный бухгалтер ООО «Дондрагмет»

Anna V. Lazareva, PhD in Economics, Chief Accountant ООО «Dondragmet»

УДК 334:332.1

DOI: 10.18413/2409-1634-2017-3-2-46-52

Краенкова К.И.
Ванкевич Е.В.

**МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
СУБЪЕКТОВ СОЦИАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА**

Учреждение образования «Витебский государственный технологический университет», пр-т Московский, 72, Витебск, 210035, Республика Беларусь, *Kristina-zhavrnk@rambler.ru*

Учреждение образования «Витебский государственный технологический университет», пр-т Московский, 72, Витебск, 210035, Республика Беларусь, *Vankevich-ev@tut.by*

Аннотация

В статье рассмотрены зарубежные методики анализа социального предпринимательства, включающие IRIS – показатели, SROI – анализ и др. Обоснована необходимость разработки комплексной методики оценки по определению уровня социальной отдачи бизнеса субъектов социального предпринимательства с использованием современных инструментов анализа в Республике Беларусь.

Ключевые слова: социальное предпринимательство, субъекты, уровень социальной отдачи бизнеса, интегральные показатели.

Kristina I. Kraenkova
Elena V. Vankevich

**METHODOLOGICAL APPROACHES TO EVALUATION OF THE
ACTIVITIES OF SOCIAL ENTERPRISE ENTITIES**

Vitebsk State Technological University, 72 Moskovsky Ave., Vitebsk, 210035, the Republic of Belarus, *Kristina-zhavrnk@rambler.ru*

Vitebsk State Technological University, 72 Moskovsky Ave., Vitebsk, 210035, the Republic of Belarus, *Vankevich-ev@tut.by*

Abstract

The article considers some foreign methods of analyzing social entrepreneurship, including IRIS indicators, SROI – analysis and etc.

The necessity of developing a comprehensive methodology for assessing the level of social returns to business of subjects of social entrepreneurship using modern analytical tools in the Republic of Belarus is substantiated.

Keywords: social entrepreneurship; entities; business's social return rate; integral indicators.

Введение

Современное развитие и глобализация экономических процессов, рост проблем, стоящих перед человечеством: изменение климата, исчезновение природных ресурсов, увеличение численности социально незащищенных слоев населения, привело к развитию отдельного сектора деятельности субъектов хозяйствования, который является синтезом коммерческой и некоммерческой деятельности – «социальное предпринимательство».

Применение комплексного подхода к оценке деятельности субъектов социального предпринимательства позволит определить его роль и место в современном обществе, влиять на местное сообщество и экономический потенциал развития организации, стать более открытыми для потенциальных инвесторов, решать проблемы занятости и интеграции социально незащищенных слоев населения, оценить степень государственной поддержки и, как следствие, выявить уровень его социальной отдачи. Уровень

социальной отдачи бизнеса – это степень воздействия результатов экономической и социальной деятельности субъекта социального предпринимательства на различные заинтересованные стороны.

Цель исследования связана с разработкой комплексной методики оценки деятельности субъекта социального предпринимательства, которая бы позволила определять уровень социальной отдачи бизнеса.

Материалы и методы исследования

Зарубежный опыт развития социального предпринимательства свидетельствует о многообразии методических подходов в оценке уровня развития социального предпринимательства и его отдельных аспектов.

Наиболее распространенными в зарубежной практике являются следующие методики: IRIS-показатели [1], SROI-анализ [2], модель LBG [3], индекс BACO [4] методика оценки фонда «Наше будущее» [5, с. 383-384] и т.д.

IRIS-показатели – это каталог показателей,

широко применяемых для измерения социальной, экологической и финансовой эффективности организаций [1].

Данную методику используют, как субъекты социального предпринимательства, так и инвесторы для оценки стартапов в области социального предпринимательства.

Анализ деятельности организации посредством IRIS-показателей предполагает, что предложенные индикаторы при условии использования общих параметров позволят грамотно сопоставить различные проекты и бизнес-идеи из разных секторов экономики. Кроме того, система индикаторов предполагает также комплекс универсальных показателей, применяемых в любой сфере деятельности. Например, для различных сфер деятельности (образование, промышленность, медицина и др.) выделяют следующие универсальные показатели: выручка от реализации продукции, работ, услуг; количество созданных рабочих мест; процент дохода от реализации социального проекта; соотношение чистой прибыли к субсидиям, пожертвованиям и т.д. Оценка деятельности субъекта социального предпринимательства дополняется базовыми показателями в зависимости от сферы деятельности. Источниками информации для расчета показателей является оперативные данные деятельности и международная отчетность.

Довольно распространенной в практике является методика социального воздействия – SROI-анализ (Social Return on Investment), который включает расчет доходности инвестиций (ROI), принимая во внимание его социальное воздействие (социальные, культурные или экологические ценности), что дает возможность оценить эффективность социальных проектов. SROI монетизирует результаты расчетов и представляет социальную стоимость в денежном выражении. Это, в частности, дает возможность выполнять сравнительную оценку различных проектов [2].

В отличие от коммерческих организаций, определяющих свой успех размеров принесенной прибыли, социальное предпринимательство ориентировано на создание социальной стоимости. Поэтому при оценке его деятельности важно определить стейкхолдеров, для которых оно и создает дополнительную социальную стоимость.

Для вычисления коэффициента социальной эффективности инвестиций (SROI) необходимы две составляющие: входные данные (объем инвестиций) и влияние социального предпринимательства на стейкхолдеров (общая

созданная компанией социальная стоимость).

Таким образом, коэффициент SROI рассчитывается делением созданной социальной стоимости на сумму инвестиций, осуществляемых всеми стейкхолдерами.

В модели SROI результатом считается конкретная социальная стоимость в денежном исчислении, полученная каждым стейкхолдером. При этом каждая заинтересованная сторона может получить результат (своего рода прибыль или убыток) вне зависимости от того, осуществляла ли она какие-либо инвестиции и участвовала ли в деятельности организации. Данные о социальном воздействии на каждого стейкхолдера могут определяться с помощью интервью и социологических опросов целевых групп.

Важной частью анализа SROI является формирование комплекса индикаторов – показателей, которые позволяют сделать эффект от деятельности субъектов социального предпринимательства измеримым. Основной способ приведения результатов к сопоставлению – их монетизация.

Существует две основные группы методов монетизации социального эффекта: первая базируется на расходах и ценах, вторая – на стоимости.

SROI-анализ в большей степени ориентирован на использование уже действующими субъектами социального предпринимательства, поскольку при его проведении должны привлекаться получатели услуг и заинтересованные стороны.

Эта особенность делает метод весьма трудоемким. Однако, даже не применяя всего спектра инструментов SROI, можно выбрать для себя приоритетные индикаторы и способы расчетов для формирования ежегодной социальной отчетности, которая станет эффективным и инновационным средством маркетингового продвижения организации и повысит его узнаваемость. Источниками информации для расчета показателей является оперативные данные деятельности и международная отчетность.

Система оценки контроля результатов финансируемых социальных проектов, разработанная фондом «Наше будущее» [6], предполагает разделение деятельности на 4 основные группы и 6 подгрупп по оказываемому социальному воздействию [5, с. 383-384]:

А. Трудоустройство и жизнеустройство представителей социально незащищенных групп (инвалидов, студентов, женщин, находящихся в отпуске по уходу за детьми, в том числе за детьми с особенностями развития);

В. Медицинская реабилитация и повышение качества жизни (включая длительные и разовые медицинские услуги);

С. Социальные услуги, связанные с дошкольным обучением (разовые и регулярные);

Д. Прочая социальная продукция (экскурсии, мастер-классы, производство услуг и т.д.) и социальные услуги.

Данная методика позволяет оценить масштаб социального воздействия, стоимость единицы показателя социального воздействия, скорость

достижения поставленных целей, финансовую устойчивость, инновационность и тиражируемость. Источниками информации для расчета показателей является оперативные данные деятельности организации.

Представляет интерес сравнение зарубежных методик оценки деятельности субъектов социального предпринимательства по следующим критериям: группы показателей; стейкхолдеры; источники информации (таблица 1).

Таблица 1

Сравнительная характеристика зарубежных методик оценки деятельности субъектов социального предпринимательства

Table 1

Comparative characteristics of foreign methods of assessment of activities of social business entities

Наименование методики	IRIS-показатели	SROI-анализ	методика фонда «Наше будущее»
Критерий			
группы показателей	- комплекс универсальных показателей; - базовые показатели для каждой сферы деятельности	- система монетизированных экономических, социальных, экологических и культурных показателей; - комплексный показатель социальной эффективности проекта	- базовые показатели по 4 группам деятельности; - комплексный показатель социального воздействия
стейкхолдеры	не выделяют	поставщики, покупатели, работники, руководство	не выделяют
источники информации	оперативные данные деятельности, международная отчетность	оперативные данные деятельности, международная отчетность	оперативные данные деятельности

Анализ зарубежных методов оценки деятельности субъектов социального предпринимательства показал, что для их апробации в Республике Беларусь возникает ряд трудностей: во-первых, несовершенство законодательной базы и определение места социального предпринимательства в нашей республике, во-вторых, невозможность расчета предложенных показателей по данным отечественной бухгалтерской и статистической отчетности.

Опираясь на зарубежный опыт, была предпринята попытка разработки авторской методики оценки, которая позволяет оценить деятельность субъектов социального предпринимательства в разных сферах его проявления. Данная методика базируется на статистических показателях.

Главной целью методики является создание комплексной оценки организации, которая бы позволила определять уровень социальной отдачи бизнеса.

Основные этапы анализа:

1) определение показателей для оценки

деятельности субъекта социального предпринимательства [7, с. 103];

2) выделение стейкхолдеров для оценки значимости показателей;

3) определение эталонных значений выделенных показателей для пунктов 1) и 2) на основе мнений экспертов;

4) обработка данных стейкхолдеров и экспертов;

5) расчет частных и обобщающего интегральных показателей уровня социальной отдачи бизнеса (УСОБ).

Для оценки деятельности субъекта социального предпринимательства выделяют 3 группы показателей: экономические (ЭП); социальные (СП); бюджетные (БП).

Среди основных стейкхолдеров деятельности субъектов социального предпринимательства следует выделить руководство, работников, государство, покупателей.

Для каждой группы стейкхолдеров определяются доли значимости по каждой группе показателей (рисунок 1).

Рис. 1. Доли значимостей показателей по данным стейкхолдеров
Fig.1. Proportion of the indicators' significance according to stakeholders

Далее по каждой группе стейкхолдеров рассчитывается частный интегральный показатель уровня социальной отдачи бизнеса по формуле 1.

$$I_{ч} = D_{ЭП} \times ПВ_{ЭП} + D_{СП} \times ПВ_{СП} + D_{БП} \times ПВ_{БП} \quad (1)$$

где $I_{ч}$ – частный интегральный показатель уровня социализации бизнеса по группам стейкхолдеров;

$D_{ЭП}$, $D_{СП}$, $D_{БП}$ – доля значимости экономических, социальных и бюджетных показателей по группе;

$ПВ_{ЭП}$, $ПВ_{СП}$, $ПВ_{БП}$ – средний процент выполнения экономических, социальных и бюджетных показателей по группе.

По результатам частных интегральных показателей рассчитывается интегральный показатель социальной отдачи бизнеса по формуле 2.

$$I = \sqrt[n]{I_{ч1} \times I_{ч2} \times I_{ч3} \times I_{ч4}} \quad (2)$$

где I – интегральный показатель социальной отдачи бизнеса;

n – количество групп стейкхолдеров;

$I_{ч1}$, $I_{ч2}$, $I_{ч3}$, $I_{ч4}$ – частный интегральный показатель по группам стейкхолдеров.

Общий показатель уровня социальной отдачи бизнеса позволяет определить эффективность функционирования субъекта социального предпринимательства

- значение показателя УСОБ до 20 %: субъект социального предпринимательства работает неэффективно, необходимо обратить внимание на все составляющие его деятельности и предпринять меры по выводу организации из кризиса (обратиться за помощью к государству, к «донорским» организациям и т.д.).

- значение показателя УСОБ от 20 % до 40 %: субъект социального предпринимательства работает неэффективно, однако наблюдается улучшение показателей его деятельности.

Рекомендуется продолжать развиваться в выбранном направлении.

- значение показателя УСОБ от 40 % до 60 %: субъект социального предпринимательства работает эффективно, но есть риск вернуться к кризисному состоянию. Рекомендуется обратить внимание на развитие наиболее приоритетных направлений деятельности.

- значение показателя УСОБ от 60 % до 80 %: субъект социального предпринимательства работает эффективно. В качестве рекомендации предлагается помощь субъектам, работающим менее эффективно.

- значение показателя УСОБ свыше 80 %: субъект социального предпринимательства работает эффективно. Рекомендуется обратить внимание на внедрение новых направлений деятельности, а также открытие новых филиалов, дочерних организаций и т.д.

Данная методика позволяет оценить уровень социальной отдачи бизнеса с точки зрения различных стейкхолдеров по трем группам показателей, рассчитать группу частных и обобщающего интегральных показателей, определить дальнейшие направления развития деятельности субъекта социального предпринимательства.

Результаты исследования и их обсуждение

Апробация предложенной методики будет представлена на примере субъекта социального предпринимательства, функционирующего в г. Витебске (Республика Беларусь), более 50 % численности, которого занимают люди с ограниченными возможностями.

На первом этапе необходимо рассчитать показатели для оценки деятельности субъекта социального предпринимательства, сравнить их с эталонными значениями, рассчитать средний

процент выполнения по группам.

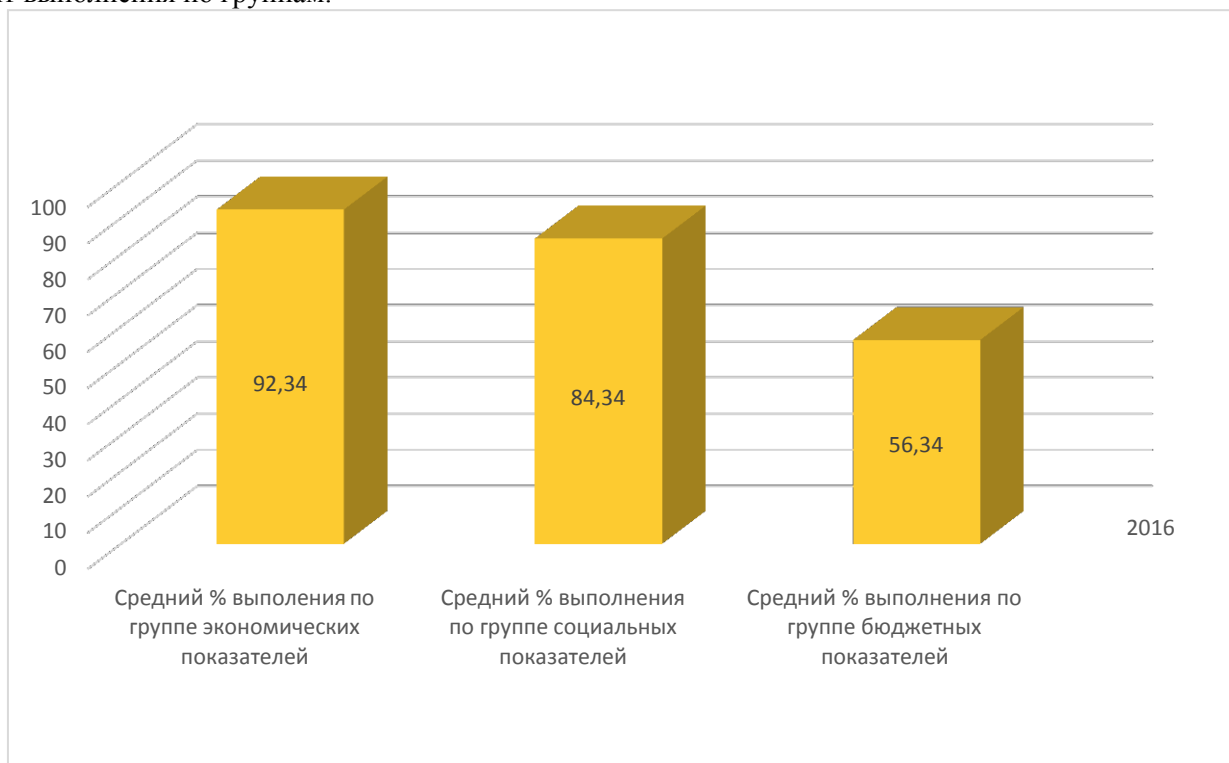

Рис. 2. Показатели деятельности субъекта социального предпринимательства
Fig. 2. Indicators of the activity of the subject of social entrepreneurship

Анализируя данные можно отметить, что наибольший процент выполнения наблюдается по группе экономических показателей, далее идут социальные и бюджетные.

Далее предполагается оценить деятельность субъекта социального предпринимательства с точки зрения различных стейкхолдеров.

При оценке деятельности субъекта социального предпринимательства с точки зрения руководства рассчитывают доли значимости по каждой группам предложенных показателей и средний % выполнения показателей по группе, вычисляется частный интегральный показателей (таблица 2).

С помощью проведенных расчетов можно увидеть, что частный интегральный показатель оценки деятельности субъекта социального предпринимательства с точки зрения руководства за 2016 год равен 0,80.

Далее необходимо провести оценку деятельности субъекта социального предпринимательства с точки зрения работников (таблица 3).

Таблица 2

Оценка деятельности субъекта социального предпринимательства с точки зрения руководства за 2016 год

Table 2

Assessment of the activity of social business entity from the point of view of the leadership in 2016

Показатели	ЭП	СП	БП
Доля значимости (по данным стейкхолдеров) показателей	30	45	25
Средний % выполнения показателей по группе	92,34	84,34	56,34
Частный интегральный показатель	$I_{\text{ч}} = 0,30 \times 0,9234 + 0,45 \times 0,8434 + 0,25 \times 0,5634 = 0,80$		

Таблица 3

Оценка деятельности субъекта социального предпринимательства с точки зрения работников за 2016 год

Table 3

Assessment of the activity of social business entity from the point of view of workers in 2016

Показатели	ЭП	СП	БП
Доля значимости (по данным стейкхолдеров) показателей	25	55	20
Средний % выполнения показателей по группе	92,34	84,34	56,34
Частный интегральный показатель	$I_q = 0,25 \times 0,9234 + 0,55 \times 0,8434 + 0,20 \times 0,5634 = 0,81$		

С помощью расчётов можно увидеть, что частный интегральный показатель оценки деятельности субъекта социального предпринимательства с точки зрения работников за 2016 год равен 0,81.

Далее проведем оценку деятельности субъекта социального предпринимательства с точки зрения государства (таблица 4).

Таблица 4

Оценка деятельности субъекта социального предпринимательства с точки зрения государства за 2016 год

Table 4

Assessment of the activity of social business entity from the point of view of the Government in 2016

Показатели	ЭП	СП	БП
Доля значимости (по данным стейкхолдеров) показателей	35	20	45
Средний % выполнения показателей по группе	92,34	84,34	56,34
Частный интегральный показатель	$I_q = 0,35 \times 0,9234 + 0,20 \times 0,8434 + 0,45 \times 0,5634 = 0,75$		

Далее отразим расчеты оценки деятельности субъекта социального предпринимательства с точки зрения покупателей (таблица 5).

Таблица 5

Оценка деятельности субъекта социального предпринимательства с точки зрения покупателей за 2016 год

Table 5

Assessment of the activity of social business entity from the point of view of buyers in 2016

Показатели	ЭП	СП	БП
Доля значимости (по данным стейкхолдеров) показателей	20	55	25
Средний % выполнения показателей по группе	92,34	84,34	56,34
Частный интегральный показатель	$I_q = 0,20 \times 0,9234 + 0,55 \times 0,8434 + 0,25 \times 0,5634 = 0,79$		

С помощью расчётов можно увидеть, что частный интегральный показатель оценки деятельности субъекта социального предпринимательства с точки зрения покупателей за 2016 год равен 0,79.

Далее проводится комплексная оценка деятельности субъекта социального предпринимательства для расчета общего интегрального показателя уровня социальной отдачи бизнеса (таблица 6).

Таблица 6

Комплексная оценка деятельности субъекта социального предпринимательства

Table 6

Integrated assessment of the activity of social business entity from the point of view of workers in 2016

Год	Наименование стейкхолдеров	Значение частных интегральных показателей	Значение общего интегрального показателя уровня социальной отдачи бизнеса
2016	Руководство	0,80	$I_{2016} = \sqrt[4]{0,80 \times 0,81 \times 0,75 \times 0,79} = 0,7872$
	Работники	0,81	
	Государство	0,75	
	Покупатели	0,79	

В целом можно сделать вывод, что организация является достаточно успешным примером деятельности субъекта социального предпринимательства. В качестве рекомендации предлагается помощь субъектам, работающим менее эффективно.

Заключение

Изучение различных зарубежных методик позволило разработать авторскую систему оценки деятельности субъектов социального предпринимательства, сочетая классические инструменты анализа с современными, новаторскими. Предложенная методика дает качественную и количественную оценку деятельности организации и позволяет рассчитать уровень ее социальной отдачи для различных стейкхолдеров.

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: authors have no conflict of interests to declare.

Список литературы

1. Новые показатели каталога IRIS URL: <http://socialvalue.ru/wp-content/uploads/2015/02/IRIS-catalogue-added-to-GVE-Rus.pdf/>. (дата обращения: 01.06.2017).
2. Social return on investment URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Social_return_on_investment/ (дата обращения: 05.06.2017).
3. Руководство по применению модели LBG URL: <http://ep.org.ru/wp-content/uploads/2016/05/LBG.pdf> (дата обращения: 02.06.2017).
4. Measuring Social Returns URL: <http://acumen.org/content/uploads/2013/03/BACO-Concept-Paper-final.pdf/> (дата обращения: 05.06.2017).
5. Зверева, Н. И. От идеи к успешному социальному бизнесу: курс лекций по социальному предпринимательству / Н. И. Зверева, Е. Н. Бешапошникова. Москва, 2015. 632 с.
6. Сайт фонда «Наше будущее» URL: (<http://www.nb-fund.ru/about-us/>) (дата обращения: 05.06.2017).
7. Краенкова, К. И. Социальное предпринимательство: понятие и оценка: материалы

международной научно-практической конф. преподавателей и студентов, посвящённой 50-летию университета / К. И. Краенкова, Н. Л. Ходанёнок // Витебский государственный технологический университет. Витебск: ВГТУ. 2016. с. 103 -105.

References

1. New indicators of the IRIS catalog URL: <http://socialvalue.ru/wp-content/uploads/2015/02/IRIS-catalogue-added-to-GVE-Rus.pdf/>. (date of access: June 1, 2017). Russian.
2. Social return on investment URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Social_return_on_investment/ (date of access: June 5, 2017).
3. LBG Application Guide URL: <http://ep.org.ru/wp-content/uploads/2016/05/LBG.pdf> (date of access: June 2, 2017). Russian.
4. Measuring Social Returns URL: <http://acumen.org/content/uploads/2013/03/BACO-Concept-Paper-final.pdf/> (date of access: June 5, 2017).
5. Zvereva, N.I. From the idea to successful social business: a course of lectures on social entrepreneurship / N. I. Zvereva, E. N. Besshaposhnikova. Moscow, 2015. 632 p. Russian.
6. The site of the fund «Our Future» URL: (<http://www.nb-fund.ru/about-us/>) (date of access: June 5, 2017). Russian.
7. Kraenkova, K. I. Social Entrepreneurship: Concept and Evaluation: Materials of the International Scientific and Practical Conf. Teachers and students, dedicated to the 50th anniversary of the University / K. I. Kraenkova, N. L. Khodanenk // Vitebsk State Technological University. Vitebsk: VSTU. 2016. Pp. 103 -105. Russian.

Краенкова Кристина Игоревна, ассистент
Ванкевич Елена Васильевна, доктор
экономических наук, профессор

Kristina I. Kraenkova, Assistance Lecturer
Elena V. Vankevich, Doctor of Economic Sciences,
Professor

УДК 332.13

DOI: 10.18413/2409-1634-2017-3-2-53-59

Паршутич О.А.
Филитович А.В.
Сергеюк В.С.

**ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КАК ФАКТОР
УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА**

Учреждение образования «Полесский государственный университет», ул. Днепровской флотилии, 23, Пинск, 225710, Брестская область, Республика Беларусь, *olgaketko@mail.ru*

Учреждение образования «Полесский государственный университет», ул. Днепровской флотилии, 23, Пинск, 225710, Брестская область, Республика Беларусь

Учреждение образования «Полесский государственный университет», ул. Днепровской флотилии, 23, Пинск, 225710, Брестская область, Республика Беларусь

Аннотация

Инновации и научно-технические разработки становятся неотъемлемыми составляющими устойчивого экономического роста не только государств, но и отдельных их регионов, в особенности обладающих значительными интеллектуальными и промышленными ресурсами. Республика Беларусь имеет значительный научно-технический и производственный потенциал, поэтому быстрое развитие науки, инновационной деятельности приобретает стратегическое значение. Этим обусловлен выбор инновационного развития экономики. В этой связи особое значение приобретает комплексный анализ инновационного состояния областей Республики Беларусь с помощью предложенного методического инструментария оценки инновационного потенциала. Анализ позволяет определить тенденции научно-технологического развития, оценить и выявить скрытые возможности регионов, их способности к усовершенствованию и обновлению, а, следовательно, применять эффективные управленческие решения, формирующие стратегию устойчивого развития регионов, на основе выделенных факторов конкурентоспособности.

Ключевые слова: инновационный потенциал, регионы, индикаторы инновационного потенциала, кластер, совокупный инновационный продукт.

Olga A. Parshutich
Anastasiya V. Filitovich
Valentina S. Sergeyuk

**INNOVATIVE POTENTIAL AS A FACTOR OF SUSTAINABLE
DEVELOPMENT OF THE REGION**

Poleskiy State University, 23 Dneprovskaya Flotilla St., Pinsk, Brest Region, 225710, Republic of Belarus, *olgaketko@mail.ru*

Poleskiy State University, 23 Dneprovskaya Flotilla St., Pinsk, Brest Region, 225710, Republic of Belarus

Poleskiy State University, 23 Dneprovskaya Flotilla St., Pinsk, Brest Region, 225710, Republic of Belarus

Abstract

Innovations, scientific and technical developments are becoming the integral components of sustainable economic growth not only for countries, but also for individual regions, especially those with significant intellectual and industrial resources. The Republic of Belarus has a significant scientific, technical and production potential, so the rapid development of science and innovation is of strategic importance. This is the reason for choosing the innovative development of the economy. In this connection, a comprehensive analysis of the innovative state of the regions of the Republic of Belarus takes on special significance with the help of the proposed methodological tool for assessing innovation potential. The analysis makes it possible to identify some trends in scientific and technological development, to assess and identify the hidden potentials of the regions, their ability to improve and update, and, consequently, to apply effective management solutions that formulate a strategy for sustainable development of regions, based on the identified factors of competitiveness.

Keywords: innovation potential; regions, indicators of innovative capacity; cluster; total innovative product.

A characteristic feature of the world community development at the present stage is the forming of the socio-economic system where the innovative activity

plays a dominant role, as a factor that provides a competitive advantage of a higher order. In general, an innovative economy construction and its control

system involve in a fundamental restructuring of the directions of development, new approaches to the justification of the priorities, significant modernization of methods and forms of use of resources at all levels of the innovation system. In this context, one of the important areas of formation of the innovative economy is its regional dimension.

Currently, there are many interpretations of the concept «potential». Most of the papers highlight the importance of studies assessing the potential problems and indicate significant differences in the definition of its nature, structure and relations with other categories. In broad terms, the potential is «the totality of the available funds, opportunities in any field». The essence of the concept of «innovation potential» is to define its main resource interconnected components, as well as indicators of the level [1, с. 254]. In this regard, the concept «innovation potential of the region» can be viewed as a set of scientific, human, technical, financial and economic capacities and information and communication component, providing innovation, and determining the competitiveness of the regional economy. To innovate, regions should have sufficient innovative potential. Therefore, the choice of methodology for assessing the innovative potential of the region is extremely important.

In the modern world practice, there is a large number of indicators that assess the level of development of innovative potential and innovative activity. International organizations develop a different system of indicators for their own purposes, which are widely used along with the consolidated indicators showing the level of innovative potential of a country or region.

This is the index of scientific and technical potential [5] whose calculation is based on the following data: the number of patents per 1 million population, the country's position in terms of technological development, the contribution of foreign investment in innovative activities of local firms; Internet users per 10,000 people, and so on; the system of indicators to measure innovation (European Innovation Scoreboard, EIS) of the Commission of the European Communities; now the system has been around from 5 categories of indicators, including 26 key indicators of innovation activity: implementation factors of innovation, the creation of innovation, innovation in business, application, and the role of innovation in the creation of added value, intellectual property; published annually by the OECD indicators characterizing the level and dynamics of the innovation economy of developed and selected developing countries.

These include: the share of high-tech sector in manufactured goods and services, innovative activity, the volume of investments in the knowledge sector (public and private), including the costs of higher education, research and development, as well as investment in software development, design and production of communications equipment, software and services, the number of those engaged in science, etc.

The above system of indicators was established by developed countries, as they are aimed at assessing sufficiently the high innovation potential of these countries and, but this system does not take into account a number of factors specific to emerging economies (such as the level of development of innovative legislation).

The most famous methods to measure innovation potential used abroad is the sub-index innovation potential of the Global Competitiveness Index (GCI), calculated for the Global Competitiveness Report [6] and the Global Innovation Index (GII), calculated by the Institute of Business Administration INSEAD [7]. Innovative potential at the regional level is directly measured in developed countries by administrative authorities, such as the European Commission or the administration on economic development in Maine, Mississippi and Oregon in the United States. The European regional innovation scoreboard is popular and well known [8]. But all of these indicators have been developed for ongoing monitoring of innovative activity, highlight the strengths and weaknesses of the regions. They use a limited number of indicators available in international statistics and subjective expert assessments.

The known methods to assess the level of scientific and technological potential of the region also include:

- the method of integral evaluation of scientific and technical potential of the country (Japan), based on a comparative assessment of the absolute performance of individual countries (or regions, depending on the objectives of the study), characterizing the resource potential and the results of scientific and technical potential [9];
- a comprehensive assessment of the scientific method – the technical capacity of the country (the US), involves the calculation of such integrated indicators, as a national orientation, socioeconomic infrastructure, technological structure, productivity, based on expert assessments included in these indicators;
- the method of calculating the index of knowledge (World Bank), which is an average of three constituent indices: the innovation system, the index of education and human development, the index information infrastructure;

- the method of calculating the total innovation index (Netherlands), which the authors believe that the innovative potential of the region does not include persons with academic degrees and titles, and the population with higher education, as well as people participating in continuing education [10];

- the methods of structural analysis of innovative activity area, based on the calculation of three indices: knowledge-based industries, technological independence, technological exchange;

- the method of regression analysis of innovative activity area, allowing to identify the factors and their impact on the level of innovation activity area;

- the method of factor analysis, the innovation potential of the region, based on the assessment of elements of innovative potential of the region as a research potential of the population, input intensities of the gross regional product (GRP) for research; «High» GRP Ph.D., «High» GRP researchers with academic degrees, inventive potential of the economically active population, level of innovation activity of organizations;

- the method of clustering regions, based on the calculation of the six indicators of development of the innovation system of the region: the ratio of wage levels in the sector «Science and Scientific Services» and in the regional economy as a whole; the ratio of domestic expenditure on research and development and GRP; the share of exports to foreign countries in SSA; the proportion of personnel engaged in research and development in the total employment in the economy; the number of issued patents and certificates per 1 million people population; GRP per capita level [11].

Despite the significant advantages, the listed methods are characterized by the following negative qualities:

- complex and uncertain calculations, high input intensities in most output indicators;

- failure, inaccuracy, lack of access to the source of information is often the basis for calculating the indicators;

- disparate elements of innovation capacity;

- lack of a clear system of indicators to make a clear presentation of the level of innovative potential of the region;

- fragmentation techniques, lack of a unified methodology for assessing the innovative potential of any economic system.

Calculations of innovative potential made for these techniques show that no country can demonstrate the balanced development of all the key factors of competitiveness. On the one hand, it reflects the presence of problem areas and reserves increased efficiency, on the other – shows that by improving one or two parameters of innovative development, you can get ahead in the world of competition.

According to the analysis of the methods to measure innovation capacity at the regional level, we can formulate the following methodological principles to the assessment of the innovative capacity at the regional level.

1. Structural innovation potential can be considered both in terms of resource components characterizing the ability of individual resources for the implementation of innovative activity in the region; and efficient components, reflecting the results of the implementation of the use of resource capabilities, that is characterizing the achieved level of innovation capacity.

2. Accordingl, to assess the current state of the innovation potential requires a set of indicators that reflect its resource and efficient components. This will determine the ability of the region to implement the innovation.

3. To determine the level of sufficient capacity, a normative model should be developed that characterizes the boundary parameters of its satisfactory and unsatisfactory states.

4. Comparison of current and normative parameters allows you to emphasize the strengths and weaknesses of the innovation processes. It eventually serves as the basis for the development of activities aimed at maintaining positive and overcome the negative trends of innovative development.

Thus, the algorithm for estimating the innovative capacity at the regional level can be represented in the form of three successively (Table 1).

Table 1

Algorithm evaluation of innovative potential of the region

Stage	Aims of the stage
I. Description of the regulatory state model of innovation potential through the quantitative and (or) quality requirements and resource efficient characteristics of potential	Definition of the list of indicators and their border characteristics used to estimate the innovation potential of the region
II. Assessment of the actual (current) state of the innovation potential (subject developed a normative model)	Analysis of the error and the actual parameters of regulatory capacity – allocation of its strengths and weaknesses
III. Characteristics of possible directions to strengthen the innovation potential of the region (based on the results of the analysis)	Formation of the innovative profile of the region, its zoning. Defining areas of implementation of innovation

Currently, there is a sufficient number of developments in the study of the state of the innovation potential of the regions. It's connected with the emergent and aggravated problem over the years of reforms of social and economic security. However, the questions of justification of border states of innovation development sanctified very little— mostly they are reduced to the evaluation of

the scientific and technological sector, while the innovative component of the economy should be considered more widely. In this paper, the characteristics of aggregated estimates are developed and presented in the publications of the scientists of the Russian Academy of Sciences (Table 2) [2; 3, p. 112-132].

Table 2

The system of general indicators characterizing innovation potential of the region

A group of characteristics	Characteristics	Relative symbol of characteristic	Boundary Characteristic of the symbol	
			R	Z
Regular component	Share of employees with higher education in the total number of industrial production personnel. rel. u	K1	0.25	0.8
	The share of expenses for professional training in total labor costs. rel. u	K2	0.15	0.5
	University graduates 10 000 of population. employed in the economy. people.	K3	100	150
Technical-technological component	The level of depreciation of fixed assets. in%	T1	60	25
	The coefficient update fixed assets.%	T2	4.5	12.0
	The share of equipment operation life up to 10 years. rel. u	T3	0.33	0.7
Financial component	The share of expenditure on science and research and development in gross regional product (GRP). in%	F1	2.5	5
	The share of expenditure on innovation in the total volume of production. %	F2	2.5	5
	The ratio of the volume of investment in fixed assets to GRP. %	F3	2.4	11.8
Scientific component	The specific number of employees engaged in scientific research. for 1 thousand. People. population. persons.	H1	13	40
	The number of PhDs per 100 people. population of the territory. people.	H2	0.4	4.0
	The share of the cost of machinery and equipment in total assets branch «Science and scientific services». %	H3	16	35
Efficient component	The number of patent applications for inventions based on the 10 000 of population . %	P1	2.5	5
	Level of innovative activity of industrial enterprises.%	P2	40	10
	Share of innovation products in the total volume of production of industry.%	P3	8	15

Table 3

The regulatory assessment model of innovation potential of the region

View of anequality	Characteristic of the innovative capacity Condition
$I \leq R$	Poor condition requiring radical transformations – classified as a weakness of innovation potential
$R < I < Z$	The state of crisis that requires limited changes to achieve the goals of innovation development
$I \geq Z$	Satisfactory condition. adequacy of tactical innovation goals – requires changes aimed at maintaining positive momentum. and is classified as a strong point of the innovation potential

where:

I – the value of summary measure characterizing the resource and effective component of the innovation potential;

R – threshold summary measure of innovative capacity. expressed in terms of characteristic parameters reflecting boundary minimum level of crisis of his condition;

Z – threshold summary measure of innovative capacity. expressed in terms of characteristic parameters reflecting its pre-crisis state border.

This method has been tested on the material regions of the Republic of Belarus. The study period covers 2010 and 2015. (Table 4). Market reforms

require appropriate changes in the monitoring and collection of reliable data. So far. due to lack of direct reporting on some items. adjustments are made

using indirect data and reviews of various government organizations. The task of searching statistical data on the subjects of the republic seems even more difficult than for the country as a whole. Regional statistics are much poorer than the national. The most holistic information about the economic performance of the region is aggregated in Brest region, and it has formed the basis of this study [4].

Table 4

Initial and calculated data for the evaluation of innovative potential of the regions of the Republic of Belarus
Personnel component

Share of employees with higher education in the total number of industrial production personnel. rel. u

Region	Years	
	2010	2015
Brest region	0.22	0.24
Vitebsk region	0.21	0.23
Gomel region	0.21	0.24
Grodno region	0.23	0.24
Minsk	0.37	0.4
Minsk region	0.19	0.22
Mogilev region	0.21	0.24

University per 10000 population employed in the economy

Region	Years	
	2010	2015
Brest region	100	109
Vitebsk region	109	148
Gomel region	146	164
Grodno region	87	121
Minsk	369	406
Mogilev region	148	155

Technical-technological component

The level of depreciation of fixed assets, %

Region	Years	
	2010	2015
Brest region	45.8	40.5
Vitebsk region	50.7	47.3
Gomel region	46.4	42.4
Grodno region	46.1	40.7
Minsk	46.9	40.6
Minsk region	47.8	41.2
Mogilev region	47.1	38.8

The coefficient update fixed assets, %

Region	Years	
	2010	2015
Brest region	9.3	6.5
Vitebsk region	6.1	5.2
Gomel region	6.8	6.8
Grodno region	8.4	9
Minsk	8.5	7.9
Minsk region	9.1	9.4
Mogilev region	8.2	8.5

The financial component

Domestic expenditure on research and development as a percentage of the GRP, %

Region	Years	
	2010	2015
Brest region	0.09	0.07
Vitebsk region	0.17	0.18
Gomel region	0.53	0.88
Grodno region	0.13	0.12
Minsk	2.12	2.03
Minsk region	0.30	0.22
Mogilev region	0.17	0.16

The ratio of the volume of investment in fixed assets to GRP, %

Region	Years	
	2010	2015
Brest region	4.9	3.8
Vitebsk region	3.6	3.9
Gomel region	4.4	4.5
Grodno region	4.4	4.5
Minsk	2.8	3.1
Minsk region	4.4	4.6
Mogilev region	4.3	3.6

Scientific component

The specific number of employees engaged in scientific research, per 1000 population

Region	Years	
	2010	2015
Brest region	0.58	0.56
Vitebsk region	1.06	0.81
Gomel region	2.9	2.4
Grodno region	0.57	0.44
Minsk	24	21.1
Minsk region	2.7	3
Mogilev region	0.56	0.6

The number of PhDs per 100, population

Region	Years	
	2010	2015
Brest region	0.29	0.19
Vitebsk region	0.55	0.53
Gomel region	1.56	1.43
Grodno region	0.6	0.42
Minsk	32.7	30.1
Minsk region	3.17	3.5
Mogilev region	0.38	0.32

Efficient component

Level of the innovative activity of industrial enterprises, %

Region	Years	
	2010	2015
Brest region	15.0	15.3
Vitebsk region	8.2	30.3
Gomel region	11.0	19.7
Grodno region	14.9	19.7
Minsk	14.5	32.3
Minsk region	10.2	18.1
Mogilev region	9.9	17.1

Share of innovation products in the total volume of production of industry, %

Region	Years	
	2010	2015
Brest region	4.4	4
Vitebsk region	16.6	31.2
Gomel region	8.9	21.2
Grodno region	9.4	6.9
Minsk	12.2	25
Minsk region	9.3	9.9
Mogilev region	13.2	14.6

Thus, our calculations based on the available statistical indicators presented in table allow us to identify and rank the most difficult problem factors on innovation development:

1. In general, innovation in the region changes has been positive. This applies both to its resource component and productive characteristics. However, their level is generally in the area of crisis and even poor condition. That is the innovative potential and as the ability and readiness can be described as insufficient for the formation of innovation activity of the region's economy.

2. Among the most problematic resource characteristics are human, financial and scientific units by region of the country, except Minsk. Despite the fact that in recent years there has been a steady growth in the share of investment in fixed capital of the regions, their scientific and innovative component is at a very low level. The scientific sphere is also characterized by negative trends in the sphere of its personnel and logistics.

3. A more satisfactory situation is in the technical, technological and human resources areas. There is a gradual improvement in these indicators. In particular, there has been a slight decrease in the level of depreciation of fixed assets (T1), increased rate of updates (T2). The indicator on the material base for the production of competitive and innovative products – the share of equipment operation life up to 10 years (T3) – is absent in the regional statistics, but the overall figure for the country shows its significant reduction in the rate is unsatisfactory. In the personnel area, it is a gradual increase in the educational level of workers is noticeable due to the positive dynamics of the indicators characterizing the training and retraining of staff of enterprises (K3). Indicator K2 in regional statistics is absent, but the Republic of Belarus demonstrates dynamics of increasing the cost of vocational training of the workforce.

4. Uneven regional development is one of the basic realities in developing countries. We need to develop a balanced regional development model that takes into account the specificity of each area and is of innovative socially oriented nature. There is a

correlation between central and peripheral areas. The development of the periphery through the development of the center depends on it. There is initial unevenness in the development, though the resources are originally extracted from the periphery. Elimination of unevenness can be reached by supporting entrepreneurship in peripheral areas, and the creation of favorable innovation environment.

5. Much more positive is the situation regarding the performance of innovative consumption (P2, P3), which is characterized by a gradual approach to the exit from the zone of crisis. However, their interest is different from relative thresholds in the regions of Belarus. It reveals the negative side of innovation processes in the regions – increasing the share of innovative products at the expense of the small number of businesses with resource capabilities to implement them. This is clearly evidenced by the statistics on sectoral differentiation indicators of innovation activity. The leaders here are the food industry and the engineering industry.

The level of patent activity of the population is still unsatisfactory, which is far behind the national average in the world. Patenting of inventions and discoveries as a way of registering intellectual property fully reflects the processes of development of the scientific sphere. This allows using the patent information and analyzing the intensity of innovation, and identify the features of its territorial differentiation. Thus, the assessment of this indicator in the country indicates that our regions are not among the centers of patent activity, mainly the implementation of innovations is done at the expense of technology exports from other countries. The situation is largely caused by the weakening of the activity during the years of reforms, as design bureaus of industrial enterprises have almost disappeared, besides there can be noted a lack of regional specialized research institutes, as well as the underdevelopment of the innovation infrastructure.

To summarize the above, it can be noted that the strengthening of innovation in the regions is seen in addressing three interrelated tasks:

- to activate the resource capabilities of the innovative capacity (first and foremost financial component, in fact, defining all the other components);

- to increase the productivity indicators of innovative development, including the reduction of significant differences in the spatial development of innovation (both in industry and in the territorial contexts);

- to encourage the spread of new technologies through the cluster approach in the implementation of innovation policy, which currently is one of perspective at the regional level.

All this requires a change in management of innovation processes in accordance with the following requirements:

1) taking into account the uncertainty, high risk and high cost of innovation;

2) insuring coordination of innovation policy (at all levels) with economic, social and environmental aspects of territorial development;

3) to achieve a balance of interests and the optimal combination of objects and subjects of innovative activity in order to ensure effective results of socio-economic development;

4) the transformation of nature management in the conditions of formation of innovative activity of the economy.

The current experience of developed countries shows that effective regional economic development depends on a complex system of interrelated factors, including the geographical location and highly skilled personnel, playing an important but not exclusive role. The most dynamic development is given to the areas with formed innovation clusters as an alternative to traditional sectoral approach. The advantages of the cluster approach include:

- effective implementation of the chain of innovative ideas from its creation to a specific consumer;

- high competitive advantages of enterprises in the cluster due to the internal expertise and capabilities to minimize the costs of innovation;

- presence of industrial clusters of mobile-oriented enterprises in the structure, which encourages innovative point of economic growth in the region;

- creation of a special form of innovation – «aggregate product innovation», which allows taking into account peculiarities of innovative development of each region.

However, clustering is a long and complicated process, with its problems and difficulties. As noted by many researchers, the complexity of the implementation of ideas to create clusters is mainly associated with linking the interests of various parties involved in this process. There are difficulties in the exchange of ideas, knowledge and technology. The problems on the way of clustering can also be attributed to underdevelopment and low innovation activity of enterprises, many of which are characterized by uncompetitive organization of production, high costs and a significant level of depreciation of fixed assets. To assess the capabilities and efficiency of creating regional innovation clusters in Belarus, it is advisable to work on assessing the commercial importance of regional scientific and technological capabilities with the release of the most promising areas that can provide

the greatest commercial effect, taking into account the trends in the world of scientific and technological development.

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: authors have no conflict of interests to declare.

References

1. Alekseev, S.G. Integral assessment of the innovation potential of the region. Problems of the modern economy. vol. 2 (30). 2009. Pp. 254-258. Russian.
2. Makarov, V.L., Warsaw, A.E. Innovation Management in Russia: strategic management and scientific and technological safety. М.: Nauka, 2004. Russian.
3. Tatarkin, A.I., Lions, D.S., Kuklin, A.A., Myzin, A.L., Bulanov, V.Y., Kozhov, K.B., Domnikov, A.Y. Science and technology security of Russian Regions: methodological approaches and results of diagnosing. Ekaterinburg: Izd. Urals. University Press, 2000. Russian.
4. Zinovskiy, V.I. (ed.) Regions of the Republic of Belarus: stat. Sat..Minsk: Nat. Stat. Com. Rep. Belarus, 2014.
5. World economic forum. URL: <http://www.weforum.org/projects#economic-growth>.
6. The Global Competitiveness Report 2014-2015. URL: <http://www.weforum.org/reports/global-competitiveness-report-2014-2015>.
7. Global Growth Companies. URL: <http://www.weforum.org/community/global-growth-companies>.
8. Scientific research an academic publisher. URL: <http://www.scirp.org/journal/ijcm/?gclid=CJTchNGop8MCFQrpwgodXmgAAA>.
9. Anderson, F.V. Science and technology in Japan / F.V. Anderson. Harlow: Longman, 1984.
10. European Innovation Scoreboard 2003. URL: http://www.proinno-europe.eu/extranet/admin/uploaded_documents/innovation_scoreboard_2003_en.pdf.
11. Oslo Manual. The Measurement of scientific and technological activity/ – OECD, 1997.

Паршутич Ольга Александровна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономической теории,

Филитович Анастасия Валерьевна, магистр экономических наук, ассистент кафедры экономической теории,

Сергеюк Валентина Степановна, ассистент кафедры банковского дела

Olga A. Parshutich, PhD in Economics, Associate Professor, Associate Professor Department of Economic Theory,

Anastasiya V. Filitovich, Master of Economic Sciences, Assistance Lecturer Department of Economic Theory,

Valentina S. Sergeyuk, Assistance Lecturer Department of Banking

ЭКОНОМИКА СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

УДК 332.1

DOI: 10.18413/2409-1634-2017-3-2-60-65

Азаров В.Б.
Неfeldова Е.А.

**СПОСОБЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ВОЗДЕЛЫВАНИЯ
КУКУРУЗЫ В БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ**

Институт переподготовки и повышения квалификации кадров агробизнеса, ФГБОУ ВО Белгородский ГАУ им. В.Я. Горина, ул. Вавилова, 16, Белгородская область, Белгородский район, Майский, ipkabsaa@mail.ru
ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», ул. Победы, 85, Белгород, 308015, Россия, nefeldova@bsu.edu.ru

Аннотация

В области разрабатывается программа по созданию кормовой базы в основном за счет возможностей сельскохозяйственных предприятий Белгородской области. Известно, что современная технология базируется на использовании высокоэнергетических концентрированных кормов, в которых на 1 к.е. приходится не менее 100 г переваримого протеина.

В статье обосновывается необходимость расширения посевов кукурузы с целью получения протеина.

В связи высококачественного зерна, служащего основой для производства комбикормов для животноводства.

Ключевые слова: сельское хозяйство, почва, удобрения, урожайность, агротехнологии.

Vladimir B. Azarov
Elena A. Nefeldova

**METHODS OF INCREASING THE EFFICIENCY
OF CORN PRODUCTION IN BELGOROD REGION**

Institute of Retraining and Advanced Training of Agribusiness, Belgorod State Agricultural University named after V. Ya. Gorin, 16 Vavilov St., Maiskiy, Belgorod District, Belgorod Region, 308503, Russia, ipkabsaa@mail.ru
Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia, nefeldova@bsu.edu.ru

Abstract

In Belgorod region, a program is being developed to create a fodder base, using primarily the resources of local agricultural enterprises. It is known that modern technology is based on the use of high-energy concentrated feeds, containing no less than 100 g of digestible protein in 1 kb.

The article substantiates the need to expand corn plantations in order to obtain high-quality grain, which serves as the basis for the production of animal feed for livestock.

Keywords: agriculture; soil; fertilizers; crop yield; agrotechnology.

Введение

Белгородская область производит 10% продукции сельского хозяйства по Центральному федеральному округу. Аграрный сектор является важной составляющей частью экономики области.

Это во многом определяет приоритеты экономической политики правительства области, одним из которых, является развитие агропромышленного комплекса. На это направлена принятая в области Стратегия

развития сельского хозяйства, предусматривающая повышение конкурентоспособности АПК на основе индустриализации, внедрения передовых современных и инновационных технологий.

Цель работы

Приоритетными направлениями в развитии агропромышленного комплекса области являются развитие птицеводства, свиноводства и молочного животноводства.

Для решения поставленных задач, в области разрабатывается программа по созданию кормовой базы в основном за счет возможностей сельскохозяйственных предприятий Белгородской области.

Известно, что современная технология базируется на использовании высокоэнергетических концентрированных кормов, в которых на 1 к.е. приходится не менее 100 г переваримого с этим планируется расширить посевы кукурузы с целью получения высококачественного зерна, служащего основой для производства комбикормов для животноводства.

Однако в современных условиях на первый план выходит повышение рентабельности агротехнологий, отказ или сокращение дорогостоящих операций и приобретений.

Главная задача в этом случае – задействовать внутренние резервы для обеспечения растений питательными элементами и создания благоприятных условий минерального питания. Одним из таких приемов является посев промежуточных культур как источника свежего органического вещества и поступления в почву элементов питания для последующих культур [1].

Именно вышеперечисленные аспекты и определяют актуальность и новизну научной работы. На основе проведения полевых опытов по изучению приемов биологизации показаны способы повышения эффективности возделывания кукурузы на зерно.

Материалы и методы исследования

Был заложен двухфакторный полевой опыт со следующими вариантами:

1. Контроль без удобрений (вариант 11)
2. Минеральные удобрения $\frac{1}{2}$ дозы, рассчитанной на планируемый урожай (соя 2 т/га, пшеница 5 т/га, кукуруза 6 т/га зерна) (вариант 12)
3. Минеральные удобрения полная доза, рассчитанная на планируемый урожай (соя 2 т/га, озимая пшеница 5 т/га, кукуруза 6 т/га зерна) (вариант 13)
4. Посев горчицы после озимой пшеницы + контроль без удобрений (вариант 21)
5. Посев горчицы после озимой пшеницы + минеральные удобрения $\frac{1}{2}$ дозы, рассчитанной на планируемый урожай (соя 2 т/га, озимая пшеница 5 т/га, кукуруза 6 т/га зерна) (вариант 22)
6. Посев горчицы после озимой пшеницы + Минеральные удобрения $\frac{1}{2}$ дозы, рассчитанной на

планируемый урожай (соя 2 т/га, озимая пшеница 5 т/га, кукуруза 6 т/га зерна) (вариант 23)

Почвенные образцы для определения легкогидролизуемого азота, подвижного фосфора и обменного калия по вариантам опыта отбирались в два срока – перед закладкой опыта с осени и в фазу максимального потребления питательных веществ возделываемых культур в вегетационный период.

Легкогидролизуемый азот – это та часть общего азота в почве, которая подвергается дисперсии в слабощелочной среде и в состав которого входит как органические, так и минеральные азотистые соединения. В этой связи запасы легкогидролизуемого азота в почве регулируются наличием не столько продуктами минерализации, сколько присутствием свежего полуразложившегося органического вещества. В этой связи зачастую количество этой формы азота в почве на абсолютном контроле может быть выше, нежели на удобренных вариантах. Показатель «легкогидролизуемый азот» отражает способность почвы продуцировать усвояемые растениями соединения азота в определенных условиях.

Высказанный тезис подтверждается данными, согласно которым содержание легкогидролизуемого азота в пахотном слое почвы на контрольном варианте без удобрений в период наивысшего потребления питательных веществ вегетирующими растениями оказывается выше, чем при внесении $N_{80}P_{80}K_{80}$.

Вызывает определенный интерес факт существенного повышения запасов легкогидролизуемого азота в пахотном горизонте почвы при внесении компоста на контрольном варианте. Примечательно, что внесение половинной и полной дозы NPK снизили этот показатель со 182 до 176 и 160 мг/кг почвы.

В целом следует отметить, что внесение органических и минеральных удобрений повысило содержание в почве легкогидролизуемого азота, несмотря на значительный вынос питательных веществ, расходуемых на формирование товарной, нетоварной части урожая и корневой системы растений. Позитивным моментом является повышение обеспеченности почвы азотом при применении органических удобрений [3].

Количество в почве подвижного фосфора служит критерием уровня культуры земледелия в конкретном хозяйстве. Судя по содержанию в

почве подвижного фосфора можно с уверенностью утверждать, что в хозяйстве большое внимание оказывают мероприятия по повышению плодородия почвы. Следует иметь в виду, что поступление в почву фосфора возможно только посредством внесения фосфорсодержащих минеральных удобрений. Других существенных источников поступления фосфора в почву не существует. То обстоятельство, что содержание P_2O_5 в пахотном слое почвы составляет от 245 до 475 мг/кг почвы свидетельствует об очень высокой степени обеспеченности почвы фосфором, достигнутой на протяжении не одного десятка лет. Это очень отрадный факт, достойный подражания. На такой почве возможно получение высоких урожаев при компенсирующих дозах минеральных удобрений.

В сложившихся условиях изменения в содержании подвижного фосфора в пахотном и подпахотном горизонтах почвы носили явно выраженный положительный характер.

Произошедшие изменения в содержании обменного калия в пахотном и подпахотном слоях почвы под влиянием внесения органических и минеральных удобрений свидетельствует о том, что под посевами происходят процессы иммобилизации усвояемого калия из почвенных запасов. Между количеством обменного и ретроградированного (прочно связанного в почвенном поглотительном комплексе и поэтому недоступного для растений) калия существует равновесие, сдвигающееся в ту или другую сторону. На контрольном варианте без внесения удобрений отмечается увеличение содержания обменного калия на 100 кг/кг по сравнению с исходным содержанием осенью. При внесении калийных удобрений в дозе 40 и 80 кг/га действительного вещества содержание в почве обменного калия увеличивается, но на существенно меньшую величину, по сравнению с контрольным вариантом. Подтверждается тезис о том, что потребность в калийном питании возрастает с улучшением обеспеченности растений азотом от 0 на контроле до 40кг при 0,5 дозе и 80 кг/га при одинарной дозе удобрений под озимую пшеницу.

Данные относительно содержания в почве обменного калия подтверждают тот факт, что вносимый компост следует рассматривать, прежде всего, как калийные удобрения. На фоне внесения только компоста превышение содержания

обменного калия по сравнению с исходным значением составило 380 мг/кг, т.е. увеличилось с 240 до 620 мг/кг почвы в пахотном горизонте.

Применяемый в хозяйстве компост обладает мелиорирующими свойствами. Как свидетельствуют данные, внесенный компост способствовал тому, что актуальная кислотность почвы повысилась до величины, близкой к показателю нейтральной реакции почвенного раствора, равной 6,0-7,0 значения pH. В условиях, когда гидролитическая кислотность почвы превышает уровень, выше которого требуется известкование почвы (>1,8 мг/экв), мелиорирующее действие компоста играет важную роль в деле стабилизации почвенного плодородия на пашне.

Отмеченный факт увеличения показателя актуальной кислотности от пахотного к подпахотному слоям почвы подтверждает положение о том, что почвенный покров представлен черноземом типичным, которому присуще повышение основных (щелочных) свойств с углублением почвенного профиля [2].

Кукуруза на зерно обладает большими потенциальными возможностями в успешном решении проблемы обеспечения общественного животноводства высококачественными кормами. При современном уровне развития селекции и семеноводства получены перспективные сорта и гибриды кукурузы, способные на оптимальном агрофоне формировать урожай зерна свыше 100 ц/га. Например, отдельные хозяйства Белгородской области (ООО «Зерно Белогорья» Красненского района) на экспериментальных полях получали по 120 ц/га зерна кукурузы.

В таблице 1 приведены данные по урожайности зерна кукурузы и сопутствующие элементы продуктивности растений в зависимости от изучаемых факторов.

Камеральная обработка экспериментальных данных по элементам продуктивности кукурузы на зерно показала, что выход зерна по вариантам опыта возрастает с повышением уровня удобренности с 67% на контроле до 79-80% при органоминеральной системе удобрений. Достоверность величины превышения выхода зерна наблюдается только при условии значительных изменений в пищевом режиме минерального питания растений (таблица 1).

Таблица 1

Урожай зерна кукурузы и элементы структуры продуктивности в зависимости от изучаемых факторов

Table 1

The harvest of corn grain and structure elements of the productivity, depending on the studied factors

Ком-пост	Дозы минеральных удобрений	Урожайность зерна, ц/га	Элементы структуры продуктивности (одно растение в среднем)						
			Вы-ход зерна, %	Число початков, шт.	Число рядов в початке, шт.	Число зерен в первом початке, шт.	Масса зерен с первого початка, г	Масса 1000 зерен, г	Соотношение зерна: надземная масса
0	0	50,4	67	0,85	12	290	101,0	320,1	1:2,1
	0,5 NPK*	61,7	75	1,2	14	368	123,3	329,8	1:2,6
	1NPK	69,4	77	1,3	15	393	135,0	340,0	1:2,7
1**	0	62,1	71	0,9	14	322	130,0	333,0	1:2,5
	0,5 NPK	73,1	80	1,3	16	380	142,5	345,7	1:2,8
	1NPK	73,4	79	1,5	17	402	141,9	344,8	1:3,0
НСР ₀₅		4,5	5,2	-	-	25	-	23,4	-

* 0,5 дозы – N₅₃P₅₃K₅₃; 1 доза NPK – N₁₀₅P₁₀₅K₁₀₅

** 14 т/га

Очень показательны наблюдения и учеты по числу початков на одном растении на разных вариантах удобрения. Если на абсолютном контроле число початков на растении в среднем было равно 0,85 штук, то при половинной дозе NPK оно достигло 1,2, при полной дозе NPK – 1,3, а при той же дозе, но на фоне применения компоста число початков на одном растении увеличилось до 1,5. Следует отметить, что число рядов и зерен в початке, масса зерен с початка зависит от уровня удобрения кукурузы. На фоне компоста при внесении полной дозы NPK отмечено незначительное снижение массы зерен в початке и вес 1000 зерен, что указывает о шуплости зерна при увеличении удобрения растений. Наиболее высокое соотношение зерна и надземной массы кукурузы отмечено на варианте с максимальной удобрением 1:3, наименьшее на абсолютном контроле 1:2,1.

Урожай зерна кукурузы на контрольном варианте составил 50,4 ц/га, что подтверждает тезис о том, что чернозем типичный опытного участка обладает довольно высоким уровнем естественного плодородия. Кукуруза на зерно опытного участка положительно реагировала на дополнительное внесение удобрений. При внесении половинной дозы NPK урожай зерна возрос на 11,3 ц/га против контроля, от применения полной дозы, он повысился по сравнению с половиной дозой ещё на 7,7 ц/га при НСР₀₅ 4,5 ц/га.

Применение в качестве органического удобрения компоста, приготовленного на основе куриного помета в норме 14 т/га, повысило урожайность зерна кукурузы на 11,7 против контроля. Следует отметить, что по своей удобрительной эффективности компост в применяемой норме оказался равноценен

половинной дозе NPK, т.к. оба варианта удобрения обеспечили получение равнозначных прибавок урожая зерна кукурузы. Внесение половинной дозы NPK на фоне применения компоста повысило урожайность зерна кукурузы на 11 ц/га. Полная же доза минеральных удобрений по фону компоста оказалась избыточной, т.к. ее внесение не сопровождалось достоверным ростом зерновой продуктивности кукурузы. Расчет экономической эффективности возделывания кукурузы на зерно по технологиям, включающим элементы биологизации, проведен на полученную в опыте урожайность зерна кукурузы по делянкам и по производственным затратам и стоимости продукции в текущем году (таблица 2). Для удобства расчета и применительно к условиям конкретного хозяйства мы рассчитывали эффективность возделывания на площади 1 га.

Эффективность возделывания кукурузы по предложенным системам удобрения, в том числе сидерального, находится на достаточно высоком уровне, позволяющем при реализации в производство хозяйству принимать бюджет развития, выплачивать работникам достойную заработную плату и выполнять социальные обязательства. В данном разделе вариант опыта с контролем без применения удобрений служит исключительно для сравнения предлагаемых технологий и, безусловно, не рассматривается в качестве продуктивного.

В объеме затрат при выращивании кукурузы на зерно удобрение культуры занимает до 50 %. Однако отдача от затраченных средств по вариантам опыта значительно отличается. Так, применение половинной дозы минеральных удобрений позволило повысить эффективность

технологии с уровнем рентабельности свыше 100 %, что является достаточно высоким показателем. Следует отметить, что неблагоприятные климатические условия вегетационного периода кукурузы не позволили получить продуктивность

на уровне приближенной к потенциальной, тем не менее, благодаря высокой культуре земледелия даже на контрольных вариантах урожайность была выше среднеобластной, что несколько нивелировало действие фонов удобрений.

Таблица 2

Экономическая эффективность технологий возделывания кукурузы на зерно на опытном поле

Table 2

The economic efficiency of technologies of cultivation of corn on the trial field

Показатели	Технология возделывания кукурузы					
	Контроль	0.5 NPK	1,0 NPK	сидерат	сидерат +0.5 NPK	сидерат +1,0 NPK
Урожайность, т/га	4,80	6,20	7,01	5,96	6,95	7,20
Площадь, га	1,0	1,0	1,0	1,0	1,0	1,0
Затраты по технологической карте, руб/га	20024	20024	20024	20024	20024	20024
Затраты на мин. и зел. удобрения, руб/га	-	4320	8640	704	5024	9344
Всего затрат, руб/га	20024	24344	28644	20728	25048	29368
Цена реализации, руб/т	8000	8000	8000	8000	8000	8000
Выручка от реализации, тыс. руб	38400	49600	56080	47680	55600	57600
Себестоимость единицы продукции, руб/т	4171	3926	4086	3478	3604	4079
Прибыль, руб/га	18376	25256	27436	26952	30552	28232
Уровень рентабельности, %	91	103	95	130	122	96

Интерес представляет исследование с точки зрения экономической эффективности вариантов с посевом сидеральной культуры. На этих делянках рентабельность производства также была относительно высокой. Чисто биологическая система благодаря низким затратам на зеленое удобрение сформировала лучшую рентабельность среди удобренных вариантов, однако продуктивность в этом случае несколько уступает даже вариантам с половинной дозой NPK, что создает предпосылки для снижения продуктивности дальнейших культур севооборота.

Наилучшим вариантом, на наш взгляд, является внесение половинной дозы минеральных удобрений (в качестве оперативного, тактического пополнения питательных веществ) и зеленых удобрений (в качестве стратегического резерва почвенных запасов, постепенного высвобождения питательных веществ и создания предпосылок для расширенного воспроизводства плодородия черноземов). На этом варианте, при максимальной в опыте урожайности и оптимальных затратах получена прибыль более 30 тыс. рублей с гектара посевов, рентабельность на уровне 122 %, что является, несомненно, достойной комбинацией элементов агротехнологии для рекомендации

сельскохозяйственному производству в условиях Белгородской области.

Заключение

На основании исследований можно сделать следующее заключение.

Внесение минеральных удобрений способствовало росту содержания в почве элементов минерального питания, при полной дозе удобрения увеличение легкогидролиземого азота, подвижного фосфора и обменного калия происходило на достоверную величину.

Структура урожая кукурузы на зерно (число зерен в початке, количество рядов, масса зерен) сформировала лучшие показатели на вариантах с применением удобрений.

Урожай зерна кукурузы на фоне сидеральных посевов достоверно не повышается при удвоении дозы от половинной к дозе, рассчитанной на планируемый урожай.

На варианте с посевом сидератов на фоне половинной дозы минеральных удобрений, при максимальной в опыте урожайности и оптимальных затратах получена прибыль более 30 тыс. рублей с гектара посевов, рентабельность на уровне 122 %, что является лучшим показателем.

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: authors have no conflict of interests to declare.

Список литературы

1. Авраменко, П. М., Лукин, С. В., Ероховец, М. А. Динамика агрохимического состояния пахотных почв Белгородской области // Материалы Всероссийской конференции «Теория и практика использования агрохимических средств в современном земледелии ЦЧЗ России». Белгород, 2002. С. 3-23.

2. Азаров, В. Б. Баланс элементов питания в почве в зависимости от технологии возделывания сельскохозяйственных культур ЦЧЗ// Научный журнал КубГАУ. 2012. №77 (03).

3. Азаров, В. Б., Соловichenko, В. Д. Поступление биофильных элементов в почву с атмосферными осадками в ЦЧЗ // Материалы 3-го съезда почвоведов. Суздаль 2000. С.18-20.

4. Азаров, В. Б. Симбиотический азот в земледелии Центрально-Черноземной зоны России // Автореферат дисс... доктора с.х.наук. М., 1995. 40 с.

5. Гермашев, В. Г., Олива, Т.В., Смуров, С. И., Гермашева, И. И. К вопросу оценки эффективности органических удобрений // В сб.: Проблемы с.-х. производства на современном этапе и пути их развития, XII Международная н-пр. конференция. 19-23 мая 2008 года. Белгород. 2008. С. 34.

6. Клостер, Н. И., Азаров, В. Б. Внедрение элементов биологизации при возделывании кукурузы в центрально-черноземном регионе // Научный журнал КубГАУ. 2016. №123 (09).

7. Лукин, С. В., Азаров, В. Б. Экологические основы земледелия. Белгород, 2007. 156 с.

8. Родионов, В. Я., Клостер, Н. И. Удобрения в современном земледелии/ В.Я. Родионов. Белгород, 2012. 213 с.

9. Тютюнов, С. И., Воронин, А. Н. Биоэнергетическая оценка систем земледелия в условиях черноземных почв Белгородской области // Актуальные проблемы развития агропромышленного комплекса региона в современных условиях, сб. науч. трудов по материалам научн.-практ. конференции с международным участием, ФГБНУ «Калужский научно-исследовательский институт сельского хозяйства». Калуга. С. 101-106.

10. Щербаков, А. П., Васенев, И. И. Агроэкологическое состояние почв ЦЧО. Курск, 1996. 326 с.

References

1. Avramenko, P. M., Lukin, S. V., Erohovets M. A. Dynamics of agrochemical state of arable soils in Belgorod

region // Materials of all-Russian conference «Theory and practice of using agrochemicals in modern agriculture CCZ Russia». Belgorod. 2002. Pp. 3-23. Russia.

2. Azarov, V. B. The Balance of nutrients in the soil depending on the technology of cultivation of agricultural crops CCZ// Scientific journal of the Kuban state agrarian University. 2012. No77 (03). Russia.

3. Azarov, V. B., Solovchenko, V.D. Biophilic elements entering the soil with atmospheric precipitation in the CCZ // Materials of the 3rd Congress of soil science. Suzdal. 2000. Pp. 18-20. Russia.

4. Azarov, V. B. Symbiotic nitrogen in agriculture of the Central Black-Earth Region of Russia // abstract Diss. doctor of agricultural Sciences. M., 1995. 40 p. Russia.

5. Germashev, V. G., Oliva, T. V., Smurov, S. I., Germashev, I. I. Evaluation of the effectiveness of organic fertilizers // In the collection: Problems of agricultural production at the present stage of their development, the XII international n. conference, 19-23 May 2008, Belgorod. 2008. Pp. 34. Russia.

6. Kloster, N.I., Azarov, V. B. Introduction of elements of biological function of the maize growing in the Central Black-Earth Region // Scientific Journal of Kuban State University. 2016.No. 123 (09). Russia.

7. Lukin, S. V., Azarov, V. B. Ecological basis of agriculture. Belgorod. 2007, 156 p. Russia.

8. Rodionov, V. Ya., Kloster, N. I. Fertilizers in modern agriculture/ V. Y. Rodionov. Belgorod, 2012. 213 p. Russia.

9. Tyutyunov, S. I., Voronin A. N. Bioenergetic evaluation of farming systems in the conditions of the black earth soils of Belgorod region // Current problems of the development of agriculture of the region in modern conditions, scientific collection. Proceedings of the Scientific.-pract. Conference with international participation, the Federal State Scientific Institution «Kaluga Research Institute of Agriculture». Kaluga. Pp. 101-106. Russia.

10. Shcherbakov, A. P., Vasenev, I. The agroecological condition of soils of the Central Black-Earth Region. Kursk, 1996. 326p. Russia.

Азаров Владимир Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор
Нефедова Елена Анатольевна, кандидат экономических наук, доцент

Vladimir B. Azarov, Doctor of Agricultural Sciences, Professor

Elena A. Nefedova, PhD in Economics, Associate Professor

УДК 332.1

DOI: 10.18413/2409-1634-2017-3-2-66-71

Канева М.К.

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ ПЕРЕХОДА
СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА НА АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ
ЭЛЕКТРОСНАБЖЕНИЯ**

ФГБОУ ВО Ухтинский государственный технический университет, ул. Первомайская, 13, Ухта, 169300, Россия, terent.marina1987@yandex.ru

Аннотация

Часть энергоресурсов, которыми пользуется большинство государств в мире, являются исчерпаемыми, и их запасы постепенно иссякают, поэтому все больше стран задумывается о переходе на альтернативные источники. Использование биогаза является одним из таких вариантов. Причем плюсом этой технологии является не только получение сравнительно дешевого биогаза, но и переработка биологических отходов. Биогазовая установка используется повсеместно в ряде стран и все большую популярность приобретает в России. Ее можно купить в готовом виде или собрать из необходимых комплектующих самостоятельно. Также существует огромный выбор установок в зависимости от их размера: от компактных домашних до огромных промышленных. Биологические отходы, перерабатываемые в установке, тоже могут быть различными. От рассматриваемой установки кроме непосредственно биогаза можно получить качественное удобрение, которое по своей ценности равно минеральному. Поэтому экономическая выгода от использования биогазовой установки неоспорима. В данной статье рассмотрим возможность и экономическую целесообразность использования такой установки в сельском хозяйстве.

Ключевые слова: биогазовая установка; экономическая эффективность; биогаз; сельское хозяйство; альтернативные источники энергии.

Marina K. Kaneva

**ECONOMIC FEASIBILITY OF THE AGRICULTURE TRANSITION
TO ALTERNATIVE SOURCES OF ELECTRIC SUPPLY**

Ukhta State Technical University, 13 Pervomaiskaya St., Ukhta, 169300, Russia, terent.marina1987@yandex.ru

Abstract

Part of the energy resources used by most states in the world are exhaustible and their reserves are gradually exhausting, so more and more countries are thinking about switching to alternative sources. The use of biogas is one of such options, and the advantage of this technology is not only obtaining a relatively cheap biogas, but also processing biological waste. The biogas plant is widely used in a number of countries and is gaining popularity in Russia. It can be bought ready-made or assembled from the necessary components using one's own resources. Also there is a huge selection of installations depending on their size: from compact home to huge industrial. Biological wastes processed at the plant can also be different. In the installation in question, in addition to directly biogas, it is possible to obtain a qualitative fertilizer, which in its value is equal to mineral fertilizer. Therefore, the economic benefits of using the biogas plant are undeniable. In this article, we will consider the possibility and economic feasibility of using such an installation in agriculture.

Keywords: biogas plant; economic efficiency; biogas; agriculture; alternative energy sources.

На уровне государства сегодня поставлена цель перехода к устойчивому развитию экономики. Устойчивое развитие основано на связи трех составляющих: экологической, социальной и экономической.

Экологическая составляющая может быть достаточно полно реализована при построении «зеленой» экономики, суть которой состоит в хозяйствовании с сохранением экологически

благоприятной среды для будущих поколений. Существует множество представлений о понятии «зеленая экономика». Рассмотрим некоторые из них.

Эксперты Организации ООН по охране окружающей среды (ЮНЕП) предлагают наиболее широкое понимание этого понятия, рассматривая «зеленую» экономику как хозяйственную деятельность, «которая повышает

благополучие людей и обеспечивает социальную справедливость и при этом существенно снижает риски для окружающей среды и обеднение природы» [6].

Зеленая экономика – это отрасли, которые создают и увеличивают природный капитал земли или уменьшают экологические угрозы и риски (UNEP). «Если традиционная экономика совмещает труд, технологии и ресурсы, чтобы производить товары конечного пользования и отходы, то зеленая экономика должна возвращать отходы обратно в производственный цикл, нанося минимальный вред природе» (Паван Сухдев, Deutsche Bank). В бизнес-среде понятие зеленой экономики находится на пике внимания. Финансовые фонды, венчурные капиталисты, правительства передовых стран, бизнесмены и потребители уже строят зеленую экономику. Инвестиции в энергоэффективные технологии и природную инфраструктуру уже приносят адекватную отдачу [5].

А вот какое определение предлагает коалиция за «зеленую экономику» и развитие G-Global: «Зеленая экономика – это экономика, направленная на сохранение благополучия общества, за счет эффективного использования природных ресурсов, а также обеспечивающая возвращение продуктов конечного пользования в производственный цикл. В первую очередь, «зеленая» экономика направлена на экономное потребление тех ресурсов, которые в настоящее время подвержены истощению (полезные ископаемые – нефть, газ) и рациональное использование неисчерпаемых ресурсов» [10].

Делая вывод, можно сказать, что, не смотря на большое количество трактовок понятия «зеленая экономика», все они сводятся к тому, что новую экономику необходимо строить на принципах экологической безопасности, сохраняя благоприятную природную среду для будущих поколений.

Одним из приоритетных направлений в процессе перехода к такому типу экономики может стать замена существующих энергоресурсов альтернативными. В данной статье остановимся на одной конкретной отрасли – сельском хозяйстве. Рассмотрим, какие здесь есть возможности ресурсозамещения.

Развитие сельскохозяйственной промышленности базируется на современных технологиях, широкоиспользующих электрическую энергию. В связи с этим возросли требования, к качеству электрической энергии, к ее экономному и рациональному расходованию.

Объектом исследования является крестьянско-фермерское хозяйство ИП Рочев В.В., расположенное в Ижемском районе основной вид деятельности которого получение молочной продукции для последующей её реализации как в Ижемском районе, так и в близлежащих населенных пунктах.

Целью работы является рассмотрение экономической целесообразности ввода в эксплуатацию альтернативного источника энергии – биогазовой установки, которая будет обеспечивать электро и теплоэнергией крестьянско-фермерское хозяйство. На сегодняшний день рассматриваемое КФХ обеспечивается электроэнергией от центральных сетей с. Мохча Ижемского района.

Для начала рассмотрим, что собой представляет биогазовая установка.

Биогазовые установки – это комплексное решение утилизации отходов пищевой промышленности, агропромышленного комплекса, производство тепловой, электрической энергии, и удобрений. Производство метана в установке для производства биогаза, является – реализацией биологического процесса.

Немецкая компания разрабатывает и производит комплектные установки для производства биогаза и продает их во всем мире. Построены, запущены и успешно работают более 300 заводов по производству биогаза в Германии, Франции, Нидерландах, Греции, Великобритании, Швеции, Испании, Люксембурге, Чехии, Литве, США, Японии и на Кипре [2]. Наибольшее распространение подобные установки получили в таких странах, как Германия и Голландия [4].

Основной экологический ущерб, связанный с глобальным изменением климата Земли, – парниковым эффектом, наносят, главным образом, добыча, переработка и сжигание ископаемых видов топлива – угля, нефти и газа. Парниковый эффект составляет до 75% доли антропогенного экологического ущерба. В этой связи удовлетворение нарастающих потребностей населения мира в топливе, электрической и тепловой энергии одновременно с обеспечением экологической безопасности обуславливает необходимость развития возобновляемой энергетики.

Биотопливо занимает особое место в структуре возобновляемых источников энергии. Будучи одним из немногих видов альтернативного топлива в транспортном секторе, биотопливо рассматривается в качестве важного ресурса при выборе источников энергии и обеспечения

энергетической безопасности, развития сельского хозяйства и сельских районов, а также для смягчения последствий изменения климата путем сокращения выбросов парниковых газов.

Биотопливо – топливо из растительного или животного сырья, из продуктов жизнедеятельности организмов или органических промышленных отходов [8].

Основными структурными элементами схемы типичной биогазовой установки являются:

- система приёма и предварительной подготовки субстратов;
- система транспортировки субстратов в пределах установки;
- биореакторы (ферментеры) с системой перемешивания;
- система обогрева биореакторов;
- система отвода и очистки биогаза от примесей сероводорода и влаги;
- накопительные ёмкости сброженной массы и биогаза;
- система программного контроля и автоматизации технологических процессов [3].

Биогазовая установка производит биогаз и биоудобрения из биоотходов сельского хозяйства и пищевой промышленности путем бескислородного брожения. Биогазовая установка дает «доходы на отходах». Биогазовая установка – это самая активная система очистки. Система, которая очень быстро самоокупается и приносит прибыль. Как сырье можно использовать навоз любых животных и птиц, отходы бойни (кровь, жир, кишки, каньгу), отходы растений, силос, прогнившее зерно, канализационные стоки, жиры, биомусор, отходы пищевой промышленности, солодовый осадок, выжимку и т.д. Переработка отходов на биогазовой установке дает одновременно: газ, электричество, тепло, топливо для автомобилей, биоудобрения. Отходы бесплатны, а сама установка на себя потребляет всего 10-15% энергии [1].

Рассмотрим, непосредственно, ввод такой установки в фермерском хозяйстве В.В. Рочева.

Крестьянско-фермерское хозяйство имеет достаточно большие расхода на оплату электроэнергии, а биогазовая установка позволит их минимизировать.

Экономический эффект предполагается получить от:

- экономии на оплате электроэнергии;
- реализации населению полученного биоудобрения.

Для того чтобы определить насколько

экономически целесообразно переключение крестьянско-фермерского хозяйства индивидуального предпринимателя Рочева В.В. от централизованного источника энерго-снабжения к биогазовой установке, необходимо провести следующие расчеты:

- найти доход от ввода установки, который будет выражаться в экономии по оплате;
- определить первоначальную стоимость оборудование и прочие составляющие капитальных вложений для ввода в эксплуатацию биогазовой установки;
- рассчитать текущие ежегодные затраты;
- найти чистый дисконтированный доход и срок окупаемости.

Для начала определим первоначальную стоимость самой биогазовой установки. Так как данная установка будет приобретаться по комплектующим и собираться на месте силами рабочего, ответственного за ее эксплуатацию, то расчет первоначальной стоимости БГУ представим в таблице 1.

Таблица 1

Стоимость комплектующих биогазовой установки

Table 1

Cost of biogas plant components

Оборудование	Стоимость, тыс. руб.	Количество, шт.	Общая стоимость, тыс. руб.
ABS погрузной миксер RW 400	73,4	3	220,2
ABS погрузной миксер RW 480	81,6	1	81,6
Прессовый шнековый сепаратор PSS 3,3 780GB	73,14	1	73,14
Фекальный насос НЖН-200А	187,4	1	187,4
Фекальный насос СД70/80а	58,71	1	58,71
Когенератор БГУ	715,0	1	715,0
Емкость для переработки биомассы	250,0	1	250,0
ИТОГО СТОИМОСТЬ БГУ			1 586,05

Итак, общая стоимость комплектующих

биогазовой установки составляет 1 586,05 тыс. руб.

Так как данное оборудование закупается в других городах, то необходимо учесть стоимость доставки до с. Мохча Ижемского района Республики Коми. В среднем доставка крупных грузов составляет 10% от их стоимости или 158,605 тыс. руб.

Для начала работы оборудования также необходимы окислительные катализаторы, которые необходимы для запуска процесса брожения и вносятся один раз. Для биогазовых установок в качестве окислительного катализатора может быть использована целлюлоза. Для биогазовой установки такого объема, который рассчитан в данной работе, достаточно 100 кг. Оптовая ее цена составляет 200 руб./кг. Доставка обойдется в 5% от стоимости. Исходя из этих данных рассчитаем стоимость катализатора, которая составит 21 тыс. руб. Эту сумму необходимо включить в состав капитальных затрат на ввод в эксплуатацию биогазовой установки.

Общие капиталовложения для ввода биогазовой установки сведем в таблицу 2.

Таблица 2

Капитальные вложения по внедрению биогазовой установки

Table 2

Capital investments for the introduction of a biogas plant

Статья расходов	Стоимость, тыс. руб.
Затраты на приобретение комплектующих биогазовой установки	1586,05
Товарно-заготовительные расходы	158,605
Прочие капитальные вложения	21
Итого	1765,66

Суммарные капитальные вложения для ввода в эксплуатацию биогазовой установки составляют 1 765,66 тыс. руб., которые потом амортизируются.

Рассчитаем годовую амортизацию биогазовой установки линейным методом. Ожидаемый срок полезного использования производители закладывают 15 лет. По расчётам получили, что годовая сумма амортизации равна 117,71 тыс. руб.

К материальным затратам здесь можно отнести только ежегодную замену масла в двигателе когенератора, так как электроснабжение будет происходить за счет энергии, вырабатываемой самой установкой. В

среднем на рассматриваемую установку требуется 97 л. масла, цена которого составляет 1,1 тыс. руб./л. Соответственно, общая сумма расходов на масло для когенератора необходимо 106,7 тыс. руб.

Для постоянного обслуживания биогазовой установки необходимо взять одного оператора. Оклад оператора в Ижемском районе составляет в среднем 13 000 руб. в месяц. Северная надбавка установлена в размере 80% от оклада, районный коэффициент – 30%. Исходя из этих данных, рассчитаем годовые расходы на оплату труда, связанные с вводом биогазовой установки, которые составят 327,6 тыс. руб.

Величина страховых взносов составит при основной ставке 30% и взносах на страхование от несчастных случаев 0,3% 98,94 тыс. руб.

Также необходимо заложить возможные расходы на ремонт оборудования. Так как ремонт будет осуществляться оператором (это входит в его должностные обязанности), то расходы будут связаны только с покупкой запястных частей. Так как оборудование новое действует гарантия 5 лет на основные компоненты установки. Необходимо будет просто каждый год проводить замену некоторых мелких деталей. Затраты на материалы или ремонтные материалы рассчитываются в размере 70% от основной заработной платы рабочих оперативного или ремонтного персонала. Так как у нас эти функции выполняет оператор, то за бузу берем его заработную плату.

Затраты на материалы составят 229,32 тыс. руб.

Все текущие затраты, связанные с эксплуатацией биогазовой установки сведем в таблицу 3. Таким образом, годовые эксплуатационные расходы по проекту составляют 880,27 тыс. руб.

Таблица 3

Эксплуатационные затраты

Table 3

Operating costs

Статья затрат	Сумма, тыс. руб.
Расходы на содержание биогазовой установки	106,7
Амортизационные отчисления	117,71
Фонд заработной платы	327,6
Страховые взносы	98,94
Прочие эксплуатационные затраты	229,32
ИТОГО ЗАТРАТ	880,27

Теперь необходимо рассчитать годовой доход от ввода в эксплуатацию биогазовой установки. Доходом здесь будет экономия по оплате электроэнергии, получаемой от

централизованной сети.

Общее потребление электроэнергии в фермерском хозяйстве составляет 329641,51 кВт·ч в год.

Стоимость потребленной электроэнергии:

$$C_T W = W_{\text{общ}} \cdot Ц, \quad (1)$$

где $W_{\text{общ}}$ – общий объем потребленной электроэнергии, кВт·ч

$Ц$ – цена одного кВт·ч;

$$C_T W = 329641,51 \cdot 3,4 = 1120781,134 \text{ руб.}$$

Кроме того в процессе работы биогазовой установки образуется удобрение по своей ценности равное минеральному. Объем получаемого от биогазовой установки удобрения равно 825 000 кг в год. Средняя стоимость 1 кг минеральных удобрений в год составляет 50 руб./кг. Так как крестьянско-фермерское хозяйство не использует минеральные удобрения, то полученное биоудобрение они могут реализовывать населению. Предположим, что цена реализации составит 2 руб./кг, то дополнительная прибыль от реализации биоудобрения составит 1 650 тыс. руб.

Соответственно, по расчетам можно сделать вывод, что экономия от перехода на альтернативный источник энергоснабжения принесет крестьянско-фермерскому хозяйству доход в размере 2 770,78 тыс. руб.

Подведем итог полученных данных.

Данные для расчета показателей эффективности проекта

Таблица 4

Table 4

Data for calculating project performance indicators

Показатели	Сумма, тыс. руб.
Капитальные затраты, тыс. руб.	1765,66
Доходы за год, тыс. руб.	2 770,78
Расходы за год, тыс. руб.	880,27
Ставка дисконтирования, %	11
Срок реализации проекта, годы	5

По данным таблицы 4 рассчитаем показатели эффективности проекта:

1) Чистый дисконтированный доход по проекту составит:

$$NPV = 1890,51/(1+0,11) + 1890,51/(1+0,11)^2 + 1890,51/(1+0,11)^3 + 1890,51/(1+0,11)^4 + 1890,51/(1+0,11)^5 - 1765,66 = 6 987,13 - 1765,66 = 5221,47 \text{ руб.}$$

2) Индекс рентабельности проекта составит:

$$PI = 6987,13/1765,66 = 3,96$$

3) Срок окупаемости проекта

$$PP = -62,5 * 12/1890,51 = -0,4 \text{ месяца}$$

Срок окупаемости проекта 1 год 1 месяц.

Получаем, что переход на энергопотребление от биогазовой установки окупиться в течение 1 года 1 месяца, а в дальнейшем будет приносить крестьянско-фермерскому хозяйству дополнительный доход более 1,5 млн. руб. в год. Хозяйства, использующие биогазовую установку на практике, отмечают, что «срок окупаемости оборудования для переработки навоза находится в пределах 2-3 лет, а для некоторых других видов сырья еще ниже и достигает 1,5 года. Кроме прямых денежных выгод, постройка биогазовой установки имеет косвенные выгоды. Она, например, обходится дешевле, чем протяжка газопровода, линии электропередач, резервных дизель генераторов и создание лагун. В таблице представлен выход газа для различных видов сырья» [7]. В рассматриваемом варианте он оказался ниже за счет предполагаемого дохода от продажи удобрения и маленького размера установки. Хотя существует ложное мнение, что биогазовая установка – это дорого и «срок окупаемости для полноценной установки производства биогаза составляет в среднем 7-10 лет и более» [9].

Исходя из выше сказанного, можно сделать вывод, что применение биогазовой установки в качестве источника альтернативного источника энергии более чем целесообразно, так как это не только экологически безопасно, но и экономически выгодно.

Таких альтернативных источников энергии, как биогаз, очень много и по сравнению используемыми сегодня ресурсами (нефть, газ) они экологически безопасны.

Построение «зеленой» экономики с применением таких технологий – это будущее процветающей экономики. Наблюдая тенденцию ухудшения экологии в мире, становится понятно, что такой тип экономики наиболее правильный и перспективный.

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: authors have no conflict of interests to declare.

Список литературы

1. Биогазовая установка на биоотходах. URL: http://transgaz-holding.ru/biogazovaya_ustanovka_na. (дата обращения 02.05.2017 г.).
2. Биогазовые установки. Производство биогаза. URL: <http://mcx-consult.ru/biogazovye-ustanovki>.

производство-. (дата обращения 03.05.2017 г.).

3. Биогазовая установка. Устройство и принцип работы. URL: <http://yazemledelec.ru/zhivotnovodstvo/108-biogazovaya-ustanovka-ustrojstvo-i-printsip-raboty.html>. (дата обращения 02.05.2017 г.).

4. Биогаз. Технология производства. URL: <https://biokompleks.ru/technologies/biogaz/>. (дата обращения 02.05.2017 г.).

5. Зеленая экономика. URL: <http://www.regreenlab.ru/ru/green-economic>. (дата обращения 01.05.2017 г.).

6. Кучеров, А. В., Шибилева, О. В. Концепция «зеленой» экономики: основные положения и перспективы развития // Молодой ученый. 2014. №4. С. 561-563.

7. Производство биогаза. URL: <http://www.bioenergosi.ru/services/biogaz/biogaz/>. (дата обращения 02.05.2017 г.).

8. Чадова, Н. А., Чадов, А. Ю. Технологии производства биогаза и перспективы его применения в России // Материалы VIII Международной студенческой электронной научной конференции «Студенческий научный форум» URL: <http://www.scienceforum.ru/2017/2203/28016>. (дата обращения 03.05.2017).

9. Четыре заблуждения о биогазовых установках. URL: <http://latifundist.com/blog/read/1223-4-zabluzhdeniya-o-biogazovyh-ustanovkah> (дата обращения 02.05.2017 г.).

10. Что такое «зеленая» экономика? URL: <https://www.greenkaz.org/index.php/informatsiya/zelenaya-economika> (дата обращения 01.05.2017 г.).

References

1. Biogas plant for biowaste. URL: http://transgaz-holding.ru/biogazovaya_ustanovka_na. (date of access 02.05.2017 г.).

2. A biogas plant. Biogas production. URL: <http://mcx-consult.ru/biogazovye-ustanovki-proizvodstvo->. (date of access 03.05.2017 г.).

3. The biogas plant. The device and principle of work. URL: <http://yazemledelec.ru/zhivotnovodstvo/108-biogazovaya-ustanovka-ustrojstvo-i-printsip-raboty.html>. (date of access 02.05.2017 г.).

4. Biogas. Production technology. URL: <https://biokompleks.ru/technologies/biogaz/>. (дата обращения 02.05.2017 г.).

5. Green economy. URL: <http://www.regreenlab.ru/ru/green-economic>. (date of access 01.05.2017 г.).

6. Kucherov, A. V., Sibileva, O. V. the Concept of a green economy: key issues and prospects of development // Molodoy ucheny. 2014. No 4. Pp.561-563.

7. Biogas production. URL: <http://www.bioenergosi.ru/services/biogaz/biogaz/>. (date of access 02.05.2017 г.).

8. Chadova, N. A. Chadov, A. Y. the technology of biogas production and prospects of its application in Russia // Materials of VIII International student electronic scientific conference «Student scientific forum». URL: <http://www.scienceforum.ru/2017/2203/28016>. (date of access 03.05.2017).

9. Four misconceptions about biogas plants. URL: <http://latifundist.com/blog/read/1223-4-zabluzhdeniya-o-biogazovyh-ustanovkah>. (date of access 02.05.2017 г.).

10. What is a «green» economy? URL: <https://www.greenkaz.org/index.php/informatsiya/zelenaya-economika>. (date of access 01.05.2017 г.).

Канева Марина Константиновна, старший преподаватель кафедры экономики

Marina K. Kaneva, Senior Lecturer, Department of Economics

УДК 332.1

DOI: 10.18413/2409-1634-2017-3-2-72-81

Кулов А.Р.
Соловьева Н.Е.

**СОСТОЯНИЕ ТЕХНИЧЕСКОЙ ОБЕСПЕЧЕННОСТИ
СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА И ТЕНДЕНЦИИ ЕГО РАЗВИТИЯ
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ**

ФГБНУ Всероссийский НИИ организации производства, труда и управления в сельском хозяйстве (ФГБНУ ВНИОПТУСХ), ул. Оренбургская, 15, Москва, 111621, Россия
ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», ул. Победы, 85, Белгород, 308015, Россия, solovjeva@bsu.edu.ru

Аннотация

В статье проведен анализ состояния технической обеспеченности сельского хозяйства, а также изучены его проблемы развития и предложены пути их решения. Проведено исследование парка основных видов техники в сельскохозяйственных организациях, обеспеченности сельскохозяйственных организаций тракторами и комбайнами. Результаты исследования могут быть использованы в процессе по ускорению и обновлению сельскохозяйственной техники, которая позволит эффективно работать сельскохозяйственным товаропроизводителям. Успешная работа сельского хозяйства является залогом экономической и продовольственной безопасности государства.

Ключевые слова: сельское хозяйство, сельскохозяйственная техника, техническая обеспеченность, парк машин и оборудования, сельскохозяйственные товаропроизводители.

Aslan R. Kulov
Natalya E. Solovjeva

**THE STATE OF TECHNICAL PROVISION OF THE AGRICULTURAL
INDUSTRY AND THE TENDENCY OF ITS DEVELOPMENT
AT THE PRESENT STAGE**

All-Russian scientific research Institute of organization of production, labor and management in agriculture, 15 Orenburgsk St., Moscow, 111621, Russia
Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia, solovjeva@bsu.edu.ru

Abstract

The article analyzes the state of technical provision of the agricultural industry, studies its development problems, and suggests some ways to solve them. The research of the park of the main types of equipment in agricultural organizations, the provision of agricultural organizations with tractors and combines was carried out. The results of the research can be used in the process of accelerating and updating agricultural machinery, which will allow effective work for agricultural commodity producers. Successful work of agriculture is a guarantee of economic and food security of the state.

Keywords: agriculture, agricultural machinery, technical security, park of cars and equipment, agricultural producers.

Введение

Сельскому хозяйству необходимо техническая модернизация для повышения объемов производства продукции в современных условиях, поэтому проводится политика импортозамещения сельскохозяйственной продукции в стране.

В настоящее время в России одним из приоритетных направлений является план мероприятий, направленный на обеспечение эффективного функционирования агропромышленного комплекса в рамках ВТО. Данный план мероприятий предусматривает

«разработку прогноза научно-технологического развития агропромышленного комплекса и на его основе предложений по корректировке приоритетных направлений науки, технологий и техники в Российской Федерации и критических технологий Российской Федерации». Следовательно, техническая оснащенность сельского хозяйства в главной степени предопределяет развитие агропромышленного комплекса в целом по стране, а так же способствует эффективному развитию и повышению качества и количества сельскохозяйственной продукции, повышению плодородию сельскохозяйственных

земельных угодий, и облегчению человеческого труда.

Можно предположить, что обновление технической обеспеченности сельского хозяйства позволит выявить противоречие между необходимостью обновления техники и эффективным ее использованием, и повышением технических возможностей сельскохозяйственных товаропроизводителей для увеличения производимой продукции. Основные выводы и практические рекомендации позволят на практике отслеживать и обновлять парк сельскохозяйственной техники, и тем самым сократить научно-техническое отставание российских отраслей промышленности от мировых лидеров.

Основная часть

Проблемой сельского хозяйства является недостаточная обеспеченность материально-техническими ресурсами, которой занимаются такие исследователи как: П.А. Алтухов, А.В. Гордеев, В.А. Горемыкин, А.П. Зинченко, Л.С. Орсики, А.П. Потапов Г.И. Шмелев и другие.

В исследовании были использованы данные Министерство сельского хозяйства Российской Федерации, материалы Федеральной службы государственной статистики, а также информационные данные, опубликованные Территориальным органом Федеральной службы государственной статистики по Белгородской области.

Изучив научные работы выше перечисленных авторов, можно сделать вывод, что для эффективности производства и качества сельскохозяйственной продукции необходимо технически перевооружить отрасль. К сожалению, за последние десятилетия слабым звеном признается в сельском хозяйстве России материально-техническое обеспечение. Данная ситуация в стране так же усложняется и тем, что наблюдается сокращение и износ сельскохозяйственного парка, что приводит к снижению производства сельскохозяйственной продукции.

Цель работы

Целью исследования является определение состояния технической обеспеченности сельского хозяйства и тенденций его развития на современном этапе на основе анализа парка основных видов техники в сельскохозяйственных организациях.

Материалы и методы исследования

В процессе исследования применялся комплекс методов научного исследования: статистический и метод сравнения, метод

прогноза. С помощью анализа темпов роста индексов цен, и метода прогноза баланса ресурсов и использования зерна в РФ были выявлены проблемы, влияющие на ослабления материально-технической базы и снижения уровня экономических показателей. Главной причиной ухудшения состояния технической обеспеченности сельского хозяйства является отсутствие средств на приобретения техники и оборудования, а также снижение государственной поддержки, а так же сокращение объемов инвестиций на развитие сельского хозяйства. Поэтому в современных условиях становится актуальным поиск путей для приобретения и модернизации технической обеспеченности сельского хозяйства.

Основные результаты

Главная проблема, вызывающая и усиливающая многие существующие негативные тенденции в сельском хозяйстве, связана с его низкой доходностью, вследствие чего основная часть сельскохозяйственных товаропроизводителей неспособна постоянно использовать достижения научно-технического прогресса для повышения эффективности и конкурентоспособности производимой ими продукции, осуществления технико-технологической модернизации производства.

Конкурентные преимущества сельского хозяйства России в значительной мере достигаются за счет уникального агроклиматического и агропочвенного потенциала, связанного с наличием черноземных почв и достаточно высокой суммой активных температур в южной части страны. Именно на южные регионы приходится основная часть сельскохозяйственного производства. Ключевыми сельскохозяйственными регионами России являются Краснодарский край (объем сельскохозяйственного производства региона – 365,7 млрд. руб. в 2015 г.), Ростовская область (244,3), Республика Татарстан (217,0), Белгородская (220,7) и Воронежская (201,1) области, Ставропольский край (188,0), Республика Башкортостан (159,5), Волгоградская область (129,9 млрд. руб.).

Необходимость в изучении параметров материально-технического обеспечения сельского хозяйства позволит выявить противоречие между необходимостью обновления техники и эффективным использованием уже имеющегося парка машин и оборудования (табл. 1) [5].

Степень износа основных фондов в сельском хозяйстве на конец 2014 года составила 36,6% ниже, чем в целом по экономике 47,9%. Это

связано, прежде всего, с интенсивной модернизацией животноводческих комплексов, опирающейся на самые современные мировые технологии. В период 2010-2015 гг. введены в действие животноводческие помещения для

крупного рогатого скота на 500 тыс. мест; для свиней – на 5 млн. мест; помещения птицефабрик яичного направления на 3,4 млн. кур-несушек; птицефабрик мясного направления – на 430 млн. голов мясной птицы в год [8].

Таблица 1

Обеспеченность сельскохозяйственных организаций тракторами и комбайнами по РФ (на конец года)

Table 1

Provision of agricultural organizations with tractors and combines in the Russian Federation (at the end of the year)

Наименование показателя	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Приходится тракторов на 1000 га пашни, шт.	4	4	4	3	3	
Приходится пашни на 1 трактор, га	236	247	258	274	290	307
Приходится на 1000 га посевные (посадки) соответствующих культур, шт.:						
- комбайнов зерноуборочных	3	3	3	3	2	2
- кукурузоуборочных	1	1	1	0	0	0
- картофелеуборочных	16	16	16	18	17	15
- льноуборочных	24	18	16	15	16	14
- свеклоуборочных машин (ботвоуборочных)	4	3	3	3	3	3

Сельское хозяйство страны развивается, хотя не такими быстрыми темпами, и инфраструктура растениеводства, переработки и хранения сельскохозяйственного сырья. Введены в действие элеваторы на 865 тыс. тон единовременного хранения и мельничные предприятия сортового помола общей мощностью 3,4 тыс. тон переработки зерна в сутки, комбикормовые предприятия общей мощностью 8,9 тыс. тон комбикормов в сутки, хранилища для картофеля, овощей и фруктов на 835,6 тыс. тон единовременного хранения, механизированные склады для хранения минеральных удобрений, ядохимикатов и микробиологических средств на 8,2 тыс. тон. Введены мощности по производству сахара-песка на 100 тыс. ц. переработки свеклы в сутки, по производству мяса – 1585 тон в смену, цельномолочной продукции – 1,6 тыс. тон в смену, сыра твердых сортов – 68,2 тон в смену [8].

Обеспеченность организаций сельскохозяйственной техникой сокращается. В 2010-2015 гг. сократился на 16-20% парк тракторов, зерноуборочных комбайнов, культиваторов, косилок, доильных установок и агрегатов, на 25% – парк свеклоуборочных машин, сеялок, кормоуборочных комбайнов и плугов.

Если в 2000 г. на 1000 га пашни приходилось 4 тракторов, то в 2015 г. уже только 3. Среднее число зерноуборочных комбайнов на 1000 га посевов снизилось с 3 в 2000 г. до 2 в 2015 г., картофелеуборочных комбайнов на 1000 га посадок – в 2000-2010 гг. сократилось с 46 до 16, но впоследствии выросло до 18 в 2013 г. Для модернизации парка сельхозтехники нужно обновить более 270 тыс. ед. тракторов, 57 тыс. ед. зерноуборочных и 10 тыс. ед. кормоуборочных комбайнов. Выбытие техники все еще опережает ее поступление. Чтобы остановить этот процесс, необходимо в долгосрочной перспективе обеспечить ежегодное приобретение не менее 20,0 тыс. ед. тракторов, 8,0 тыс. ед. зерноуборочных и 2,0 тыс. ед. кормоуборочных комбайнов, т.е. значительно больше, чем приобретается на сегодняшний день. Так, в 2015 г. сельскохозяйственными товаропроизводителями было приобретено лишь 16,9 тыс. единиц основных видов сельхозтехники, в том числе 10,8 тыс. тракторов (76,7% к уровню 2014 г.), 5,4 тыс. зерноуборочных комбайнов (100,7%), почти 0,7 тыс. кормоуборочных комбайнов (80,2%).

Проанализируем действующий парк основных видов техники в сельскохозяйственных организациях (табл. 2) [5].

Таблица 2

Парк основных видов техники в сельскохозяйственных организациях в РФ (на конец года, тыс. штук)

Table 2

The park of main types of equipment in agricultural organizations in the Russian Federation (at the end of the year, thousand pieces)

Наименование показателя	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Тракторы	310,3	292,6	276,2	259,7	247,3	233,6
Плуги	87,7	81,9	76,3	71,4	67,8	64,1
Культиваторы	119,8	114,1	108,7	102,2	97,8	93,2
Сеялки	134,0	123,6	115,4	107,5	100,7	93,6
Комбайны:						
- зерноуборочные	80,7	76,6	72,3	67,9	64,6	61,4
- кукурузоуборочные	1,1	0,9	0,8	0,7	0,7	0,8
- кормоуборочные	20,0	18,9	17,6	16,1	15,2	14,0
- картофелеуборочные	2,9	2,8	2,7	2,6	2,4	2,3
- льноуборочные	0,7	0,7	0,6	0,5	0,4	0,4
- свеклоуборочные машины (без ботвоуборочных)	3,2	3,1	2,8	2,5	2,4	2,2

Исследование парка основных видов техники в сельскохозяйственных организациях в РФ позволило определить отрицательную динамику. За 2010-2015 гг. количество тракторов и комбайнов, являющихся основой материально-технической обеспечения аграрного производства в РФ, снизилось почти на 1,3 раза, среднегодовое сокращение парка тракторов составляет примерно 10 %.

Таким образом, наблюдается низкий уровень развития технической обеспеченности сельского хозяйства на современном этапе, что вследствие отсутствия модернизации и стимулирования научно-технического прогресса. Следовательно,

сельское хозяйство находится в техническом упадке, только небольшая часть сельскохозяйственных организаций успешно осваивает в производстве последние достижения НИОКР, что способствует им конкурировать на рынке и расширять воспроизводства, повышать уровень дохода [3].

В настоящее время в Российской Федерации сельхозтоваропроизводители обеспечены сельхозтехникой только на 25-32% от нормативов потребности. Проанализируем динамику парка основных видов техники сельскохозяйственных организаций по Белгородской области (табл. 3) [1].

Таблица 3

Динамика парка основных видов техники в сельскохозяйственных организациях по Белгородской области, (на конец года, шт.)

Table 3

Dynamics of the park of the main types of equipment in agricultural organizations in Belgorod region, (at the end of the year, pcs.)

Наименование показателя	Год						Темп прироста 2015 г. /2010 г., %
	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	
Тракторы	6046	5737	5413	5135	4973	4791	79,2
Плуги	1398	1290	1248	1139	1039	1002	71,7
Культиваторы	3241	3047	2878	2529	350	2256	69,6
Сеялки	2266	2067	1966	1727	1572	1522	67,2
Комбайны:							
- зерноуборочные	1327	1267	1258	1234	1251	1217	91,7
- кукурузоуборочные	37	31	27	23	25	30	81,1
- кормоуборочные	242	236	203	191	182	167	69
- картофелеуборочные	8	6	7	15	12	12	в 1,5 раз,
- свеклоуборочные машины (без ботвоуборочных)	337	317	287	262	232	222	65,9

Проведенный анализ парка основных видов техники в сельскохозяйственных организациях по Белгородской области показал недостаточность количества тракторов, комбайнов и других рабочих машин для производства продукции. Используемая сельскохозяйственная техника имеет невысокие качественные характеристики такие как: большой повышенный физический износ, превышение срока службы, низкая средняя мощность комбайнов и тракторов, недостаточная надежность техники, слабая техническая готовность. Все эти факторы приводят к быстрому выходу из строя техники при этом, увеличивая сроки выполнения сельскохозяйственных работ, что приводит к потерям выращивания и сбора продукции.

Независимо от всех перечисленных проблем, в 2016 г. получены рекордные урожаи зерновых, в том числе пшеницы и кукурузы, подсолнечника, сои, сахарной свеклы. Обновлен рекорд по производству мяса птицы. Несмотря на рецессию в экономике, валовая продукция сельского хозяйства в последние годы росла. Эти результаты многими упрощенно объясняются эмбарго на ввоз продовольствия из отдельных

стран и мероприятиями по импортозамещению. Однако эмбарго и импортозамещение не играли решающей роли в росте сельского хозяйства. Гораздо более важны были заинтересованность бизнеса в развитии отрасли, девальвация рубля, благоприятные погодные условия последних лет.

В части развития продовольственного потребления зерна можно ожидать, что существенных изменений в объемах в периоде 2016–2018 гг. не произойдет. В последние годы потребление хлебобулочных изделий имеет тенденцию к незначительному снижению на уровне в среднем 0,4% в год, по данным Росстата, что связано с перераспределением структуры рациона питания населения в сторону белковосодержащих продуктов. В Госпрограмме развития сельского хозяйства на 2013–2020 гг. запланирован медленный рост производства муки и крупы (в 2018 г. +1,4% и 3% соответственно к уровню 2014 г.), что значительным образом не повлияет на объемы продовольственного потребления зерна в РФ [9].

Приведем прогноз баланса ресурсов и использования зерна в РФ по оценке Центра развития НИУ ВШЭ в табл. 4 [11].

Таблица 4

Прогнозный баланс ресурсов и использования зерна в РФ

Table 4

The forecast balance of resources and use of grain in the Russian Federation

	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г. прогноз	2018 г. прогноз
1. РЕСУРСЫ					
Запасы на начало года	52,6	60,2	60,6	59,4	57,7
Производство (валовый сбор в весе после доработки)	105,3	100,0	101,3	103,0	104,4
Импорт	0,9	0,9	0,9	0,9	0,9
Итого ресурсов	158,9	161,1	162,8	163,3	163,0
2. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ					
Производственное потребление	21,0	21,5	21,7	22,0	22,4
в том числе:					
- на семена	10,9	11,0	11,2	11,3	11,4
- на корм скоту и птице	10,1	10,5	10,5	10,7	11,0
Переработано на муку, крупу, комбикорма и другие цели	46,4	47,9	48,6	49,5	50,5
Потери	1,0	1,0	1,0	1,0	1,0
Экспорт	30,1	28,0	30,0	32,0	33,0
Личное потребление (фонд потребления)	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1
Итого использование	98,6	98,5	101,4	104,6	107,0
Запасы на конец отчетного года	60,2	62,6	63,4	62,7	61,0
Отношение запасов к объему внутреннего потребления	76,8	85,4	87,7	87,3	84,7

Таким образом, стабильные валовые сборы зерна в периоде 2016-2018 гг. позволят сформировать достаточные объемы экспорта и планомерно увеличивать их до уровня 33 млн. тонн в 2018 г. (+9,6% к 2014 г.). Данные объемы представляются вполне реальными с учётом внутренних потребностей РФ, текущего состояния портовой инфраструктуры и спроса на зерно на мировом рынке. Также необходимо учитывать, что прогнозная оценка экспорта зерна из РФ приводится с учётом отсутствия существенных ограничений на экспорт со стороны государства. Кроме того, фактором поддержки экспорта зерна из РФ послужит сохранение низкого обменного курса рубля (по базовому варианту прогноза МЭР РФ от октября 2015 г. среднегодовой темп роста курса рубля в 2016-2018 гг. составит 3,2%), что будет стимулировать экспортёров к поставкам продукции на внешние рынки.

По объемам производства основных видов растениеводческой продукции страна превысила дореформенные уровни: по пшенице, сахарной свекле, овощам – в 1,4-1,7 раза, по подсолнечнику, сое, кукурузе – в 3,3-4,6 раза. Быстрые темпы роста наблюдались в отраслях с самыми высокими уровнями рентабельности. По этим продуктам Россия вышла на мировые рынки и заняла лидирующие позиции: по пшенице, гречихе и свекловичному жому – первое место, по ячменю, гороху, нуту, маслу подсолнечному, жмыхам и шротам, семенам льна – второе.

Рост валовых сборов произошел, прежде всего, за счет увеличения урожайности сельскохозяйственных культур, что явилось следствием, как благоприятных погодных условий, так и технической и технологической модернизации, основанной на применении лучших мировых достижений. Наиболее значительный рост урожайности по сравнению с периодом 1986-1990 гг. был по сахарной свекле, кукурузе и фруктам – примерно в 2 раза, по зерновым – в 1,7 раза, по сое, картофелю и овощам – в 1,5 раза [10].

В животноводстве ситуация существенно различается по отраслям. Производство мяса птицы увеличилось по сравнению с

дореформенным периодом в 2,6 раза. По свинине объемы производства быстро растут и близки к дореформенным. В этих отраслях в среднем по всем категориям хозяйств достигнуты показатели продуктивности, незначительно уступающие показателям в развитых странах.

В последние годы органы власти и бизнес были нацелены на импортозамещение и не были готовы к выходу на внешние рынки мяса птицы. В условиях современных кризисных явлений отечественная экономика требует подведения итогов, касающихся качества применяемых методов и подходов по повышению эффективности управления на региональном уровне [7].

В то же время в скотоводстве продолжается кризис. Сокращение поголовья и производства не остановлено. Падение в скотоводстве имеет разнонаправленную динамику в разных категориях сельхозпроизводителей. Поскольку государственная поддержка этих отраслей преимущественно оказывается сельскохозяйственным организациям, у них растет производство молока, но его темпы не покрывают потерь в хозяйствах населения: за 2016 г. прирост производства молока в сельхозорганизациях составил 353 тыс. т при падении в личных подсобных хозяйствах на 464 тыс. т. Малые формы хозяйствования не удалось встроить в вертикальные продовольственные цепочки, хотя производство в них практически не поддерживается государством, в отличие от финансирования сельхозорганизаций. Устойчивый рост производства молока, а также мяса крупного рогатого скота – при его падении в хозяйствах населения и сельхозорганизаций в фермерских хозяйствах, что свидетельствует о потенциале роста продукции скотоводства в условиях снижения барьеров доступа к земле и кредитным ресурсам для субъектов малого предпринимательства [2].

Проанализируем темпы роста индексов цен производителей на сельскохозяйственной продукции и промышленных товаров и услуг (рисунок) [8].

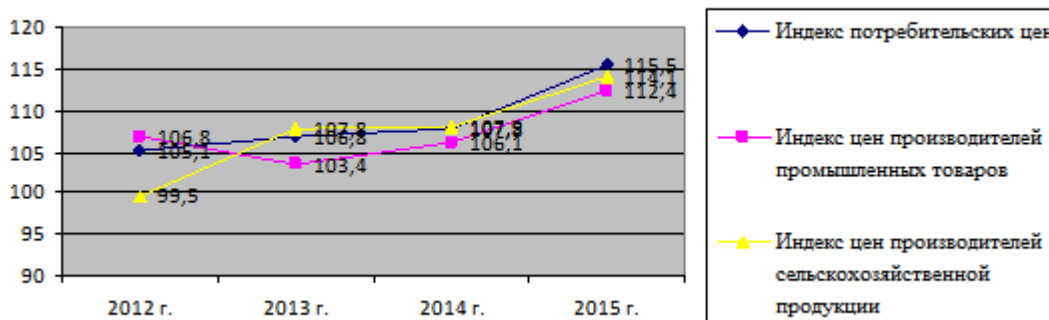

Рис. Индексы цен основных социально-экономических показателей в РФ (в процентах к предыдущему году)

Fig. Price indices of the main socio-economic indicators in the Russian Federation (as a percentage to the previous year)

Из графика видно, что индексы цен имеет положительную динамику, например, индекс цен производителей промышленных товаров и услуг показывает о существенных колебаниях, так в 2013 году был спад на 3,4 % по сравнению с 2012 г., а далее происходит увеличение за анализируемый период на 9%. Данный социально-экономический показатель в условиях рынка, является инструментом конкуренции, перераспределения ресурсов и капитала. Очевидно, что цены формируются не только под влиянием спроса и предложения, но и благодаря фактору конкуренции.

Анализируя индекс цен производителей сельскохозяйственной продукции, наблюдается за весь период нарастающая положительная динамика, увеличение произошло на 14,6%. На данный показатель большое влияние оказывает государственное регулирование, а также рынки сбыта продукции, экономическая ситуация в стране в региональном разрезе.

Сопоставление полученных данных о ценах на потребительские товары позволяют анализировать и использовать информацию для улучшения экономической ситуации в регионе или стране, которая будет направлены на стабилизацию цен.

В целом за последнее десятилетие среднегодовые темпы роста сельского хозяйства были ниже, чем экономики в целом. Такая закономерность характерна для развивающихся и развитых стран мира. Она приводит к снижению удельного веса сельского хозяйства в ВВП. Если принять 2005 г. за 100% – в 2006 г. начал действовать Национальный проект «Развитие АПК», а с 2008 г. – первая Государственная

программа поддержки сельского хозяйства, то видно, что темпы роста ВВП более устойчивы, их снижение произошло в 2009 и 2015 гг., тогда как устойчивый рост добавленной стоимости сельского хозяйства наблюдается лишь с 2012 г. [10].

Такая неустойчивая динамика в значительной степени связана с преобладанием растениеводства в структуре сельского хозяйства, которое зависит от погодных условий – доля растениеводства в 2016 г. составляла 54%. За последнее десятилетие резкое падение темпов роста производства в сельском хозяйстве было в засушливом 2010 г. – на 12,1% и в 2012 г. В последние 4 года на фоне резкого снижения темпов роста или рецессии в экономике страны в сельском хозяйстве наблюдается рост.

Приросту производства в сельском хозяйстве в 2016 г. способствовали хорошие погодные условия. Благоприятные погодные условия наблюдаются уже несколько лет. Для интегральной оценки погодных условий мы воспользовались методикой сопоставления индексов производства сельхозпродукции и доли погибших посевов в общей посевной площади сельхозорганизаций [6]. С 2014 г. показатель доли погибших посевов держится на низком уровне. Коэффициент корреляции между указанными показателями составляет $-0,705$. Сокращение гибели посевов на 1% дает прирост темпов роста сельского хозяйства на 1,1%. При отсутствии данных по гибели посевов в 2016 г. оценки можно делать по фрагментарным данным. Так, 2016 г. был самым теплым годом за всю историю агрометеонаблюдений в России. Состояние посевов оценивалось как хорошее. По оценкам

директора департамента растениеводства Минсельхоза, в 2016 г. гибель посевов произошла на незначительной площади. Таким образом, можно говорить о том, что благоприятные погодные условия способствовали росту производства в 2016 г. [10].

На развитие отрасли одновременно влияют множество факторов, и вычлнить влияние девальвации рубля в чистом виде достаточно сложно. За анализируемый период курс доллара по отношению к рублю увеличился в два с лишним раза, среднемировая цена на свинину в долларах сократилась на 21,4%, цена импорта в Россию – на 6,5%. Однако импортные цены в рублях благодаря росту курса доллара систематически росли и в 2015 г. превысили уровень 2011 г. на 82,5%. Росли и цены, по которым продавали свинину российские мясоперерабатывающие заводы, но в значительно меньшей степени: в 2015 г. они были лишь на 15,3% выше, чем в 2011 г. Сложившаяся динамика импортных и отпускных цен в рублях систематически повышала конкурентоспособность производства отечественной свинины. В 2011 г. у импортеров можно было купить свинину на 28,9% дешевле, чем у отечественных производителей. В последующие годы разница между импортной и отечественной ценами сокращалась, и в 2015 г. уже отечественные производители продавали свинину на 25,2% дешевле, чем импортеры. Вполне очевидно, что произошло это из-за резкой девальвации рубля в 2015 г. по сравнению с 2014 г. – курс вырос с 38 до 60,7 руб. за доллар. Если бы в 2015 г. курс доллара оставался таким же, как в 2014 г., то цена импортной свинины была бы равна 118,9 тыс. руб., что значительно меньше, чем цена отечественных производителей.

Схожие процессы имели место и в других отраслях. Все это способствовало росту рентабельности производства продукции – в 2015 г. в целом по сельскохозяйственным организациям и по большинству основных видов продукции она была самой высокой за последние 10 лет. Рост эффективности и повышение конкурентоспособности способствовали импортозамещению. Однако девальвация рубля имела и отрицательные последствия: она стимулировала рост инфляции, сокращение реальных доходов населения, снижение спроса на продукцию, рост доли расходов на питание в бюджетах семей, особенно в группах семей с самыми низкими доходами, а также рост цен на импортные ресурсы и топливо.

Продовольственное эмбарго и импортозамещение. Сигналы государства в виде объявления эмбарго сельхозпроизводителями были услышаны. Несмотря на удорожание импортных ресурсов из-за девальвации рубля, они увеличили площади посевов культур, имеющих спрос на внутреннем или внешнем рынке.

Сальдо импорта – экспорта по отдельным продуктам тоже улучшилось. В отдельные месяцы 2016 г. Россия приблизилась к положительному сальдо экспорта – импорта продовольствия. Такая ситуация наблюдается впервые в новейшей истории.

Внутреннее производство стало играть все большую роль в структуре потенциального объема потребления: его доля возросла относительно суммы внутреннего производства и сальдо импорта – экспорта.

Кроме того, доля импорта относительно потребления сокращается. О вытеснении импорта свидетельствуют и данные Росстата о доле импортной продукции в товарных запасах розничной торговли, из которых следует, что сокращение идет активно.

Если остановиться на этой совокупности данных, то можно было бы сделать вывод, что импортозамещение произошло. Однако для подобного утверждения необходимо проанализировать еще и фактическое потребление. По данным за 2015 г. видно, что при сокращении импорта снижалось и фактическое потребление, исключая овощи, где не только потребление, но и экспорт растет [11].

Ограничение рынка, позитивные сигналы сельхозпроизводителям привели к определенному успеху в производстве, но импортозамещение фактически произошло только по мясу птицы и овощам.

Несмотря на ограниченность инвестиционных ресурсов, за этот период российский бизнес, используя все зарубежные достижения научно-технического прогресса, провел в значительной мере техническую и технологическую модернизацию в сельском хозяйстве.

Применение семян и гибридов зарубежной селекции по отдельным культурам приближалось к 100%. По данным МСХ, комплектующие по теплицам были почти на 80% импортными, по свиноводческим комплексам – включая оборудование убойного цеха – на 75%, по молочным комплексам – на 70%. Доля импорта в используемых гербицидах в 2016 г. составила 56%.

Применение зарубежных технологий способствовало существенному увеличению урожайности сельскохозяйственных культур. Справедливости ради следует заметить, что зерновые культуры выращиваются преимущественно из российских семян.

Таким образом, на рост производства повлияла технологическая модернизация сельского хозяйства.

Заключение

Для развития сельского хозяйства и модернизации технической базы любого субъекта Российской Федерации и в целом страны, необходимо решить такие задачи в следующих направлениях:

1) применять меры государственной поддержки для обновления и ремонта сельскохозяйственной техники;

2) привлечение инвесторов (развитие инвестиционного климата) для приобретения модернизированной и инновационной сельскохозяйственной техники и предоставления ее сельскохозяйственным товаропроизводителям (лизинг, инвестиционный кредит);

3) создание логистических центров по обслуживанию сельскохозяйственной техники;

4) формирование новых рабочих мест и сохранение действующих в сельском хозяйстве;

5) увеличение масштабов развития сельского хозяйства на инновационной основе и повышение активности товаропроизводителей.

Таким образом, предложенные направления должны сформировать основу модернизированной технической обеспеченности сельского хозяйства.

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: authors have no conflict of interests to declare.

Список литературы

1. Белгородская область в цифрах. 2016: Крат. стат. сб./Белгородстат. 2016. 289 с.

2. Ильина, И.В. Финансовые инструменты государственной поддержки сельскохозяйственных предприятий // Вестник сельского развития и социальной политики, Орловский государственный аграрный университет имени Н.В. Парахина (Орел). 2016. Т. 9. № 1 (9). С. 63-66.

3. Лещенко, Г. С. Техническая обеспеченность сельского хозяйства на современном этапе // Молодой ученый. 2015. №20. С. 252-254.

4. Методология расчёта индексов потребительских цен // Федеральная служба

государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/prices/ipc_met.htm. (дата обращения: 30.05.2017).

5. Россия в цифрах. 2016: Крат.стат.сб./Росстат. М., 2016. 543 с.

6. Солодилов, А. В. Агропромышленный комплекс России в условиях санкций: состояние и перспективы развития // Вестник московского государственного областного университета. Серия Экономика. М.: МГОУ. 2016. №2. С. 30-37.

7. Титов, А. Б., Ваганова, О. В. Некоторые аспекты функционирования региональной инновационной системы на примере Белгородской области// Известия Иркутской государственной экономической академии. 2016. Т. 26. №4. С. 550-556.

8. Цены в России . 2016: Стат. сб./Росстат. М., 2016. 151 с.

9. О Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013-2020 годы. Постановление Правительства РФ от 14 июля 2012 г. № 717. URL: <http://www.garant.ru>

10. Официальный сайт Министерства сельского хозяйства Российской Федерации. URL: <http://www.mcs.ru>

11. Food and Agriculture Organization of the United Nations/- report on the prices of agricultural production for 2016. URL: <http://www.fao.org/faostat/>

References

1. Belgorod Region in figures. 2016: Short statistics/Belgorodstat, 2016. 289 p.

2. Ilyina, I. V. Financial Instruments of State Support of Agricultural Enterprises// Vestnik of Rural Development and Social Policy, Orel State Agrarian University named after N. V. Parakhina (Eagle). 2016 T.9. No. 1 (9). Pp. 63-66.

3. Leshchenko, G. S. Technical provision of agriculture at the present stage // the Young scientist. 2015. No. 20. Pp. 252-254.

4. Methodology of calculation of consumer price indices // The Federal State Statistics Service. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/prices/ipc_met.htm. (date of access: May 30, 2017).

5. Russia in figures. 2016: Short statistics /Rosstat-M., 2016. 543 p.

6. Solodilov, A. V. Agroindustrial complex of Russia in conditions of sanctions: a condition and prospects of development // the Bulletin of the Moscow state regional university. Series of Economics. Moscow: MGOU. 2016. No. 2. Pp. 30-37.

7. Titov, A.B., Vaganova, O.V. Some aspects of the functioning of the regional innovation system (case study: Belgorod region) // News the Irkutsk state economic academy. 2016. Т. 26. No. 4. Pp. 550-556.

8. The prices in Russia. 2016: Statistics /Rosstat-M., 2016. 151 p.

9. The resolution of the Government of the Russian Federation «About the State program of development of agriculture and regulation of the markets of agricultural production, raw materials and food for 2013 – 2020». of July 14, 2012 No. 717. URL: <http://www.garant.ru/>.

10. Ministry of Agriculture of the Russian Federation. URL: <http://www.mcx.ru>.

11. Food and Agriculture Organization of the United Nations-/ Report on the prices of agricultural production for 2016. URL: / <http://www.fao.org/faostat/>.

Кулов Аслан Ростиславович, профессор РАН, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник

Соловьева Наталья Евгеньевна, кандидат экономических наук, доцент

Aslan R. Kulov, Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Researcher

Natalya E. Solovjeva, PhD in Economics, Associate Professor